

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

◆
БАКУ-1982

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

· Ответственный секретарь — **Н. Г. НАДЖАФОВ**

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ И ЗАДАЧИ ТЮРКСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ*

I

Победа Великой Октябрьской социалистической революции повлекла за собой в нашей стране глубокие перемены не только в области экономики, социальной и культурной жизни народов, но и оказала значительное влияние на их языки. Образование социалистических республик и областей и их объединение в Советский Союз создали благоприятные условия для развития как старописьменных, так и младописьменных национальных языков, получивших свою письменность только после Великого Октября.

В семью народов Советского Союза входит значительное число национальных республик и областей, основное и автохтонное население которых составляют тюркоязычные народы, в большинстве своем младописьменные. Именно для тюркоязычных республик и областей был создан советским правительством Комитет Нового Алфавита, преобразованный позже во Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита (ВЦКНА), возглавивший всю организационную и научную работу по созданию письменности для бесписьменных народов СССР и изучению их языков.

Главное внимание при этом обращалось прежде всего на развитие и совершенствование литературных старописьменных языков и на разработку письменности и литературных норм младописьменных языков.

В связи со стремительным развитием экономики национальной культуры республик и областей общественные функции всех тюркских языков соответственно значительно расширились, что в свою очередь привело к изменениям в самих языках. Эти изменения выразились прежде всего в повышении общественной значимости литературных языков, как основных языков национальных республик и областей, в росте словарного состава языков, в развитии и совершенствовании их фонетической

* Авторы статьи — сотрудники сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания АН СССР: Ф. Д. Ашнин (раздел XV), Н. А. Баскаков (I, VII, XII), Н. З. Гаджиева (XIII), И. В. Кормушняк (XIV), Л. С. Лезинская (III), К. М. Мусаев (II, VI, VIII), Е. А. Поцелуевский (V), Э. Р. Тенишев (IX, X), А. А. Чеченов (XI), А. А. Юлдашев (IV).

структуры и грамматического строя, в появлении различных стилистических модификаций литературных языков и т. д.

Процессы формирования литературных языков для отдельных конкретных тюркских языков протекали неравномерно, и эта неравномерность зависела, с одной стороны, от степени развития языков к моменту Великой Октябрьской социалистической революции, а с другой — от расширения объема общественных функций данного конкретного литературного языка в новых советских условиях.

Значительную роль в развитии и совершенствовании литературных тюркских языков, несомненно, сыграл и играет русский язык. Русский язык, как один из наиболее развитых языков мира, служит не только средством межнационального общения народов Советского Союза и одним из основных источников обогащения и развития национальных языков, он является также мощным стимулом сближения и единения всех народов СССР в их совместной борьбе за построение светлого коммунистического завтра.

Вместе с процессами стабилизации, совершенствования и нормализации новых литературных языков на основе диалектов, близких к общенародному разговорному языку, происходили и некоторые их преобразования. Эти преобразования коснулись прежде всего лексической структуры языков, изменения системы значений подавляющего большинства слов под влиянием новых понятий, возникших в языках, для обозначения которых, помимо прямых заимствований, использовались коренные слова родных языков. Чрезвычайное расширение общественных функций литературных тюркских языков обогатило эти языки разнообразной терминологией, охватывающей все отрасли экономики, науки и культуры. Терминология развивалась как за счет использования внутренних ресурсов словообразования и усвоения диалектной и профессиональной лексики, так и главным образом за счет заимствования русских терминов и интернациональных через русский.

Некоторой перестройке подвергнута была и фонетическая структура тюркских языков, в которой также, наряду с прямым заимствованием звуков, изменились в некоторой степени и фонетические их закономерности.

Развитие и совершенствование строя литературных тюркских языков выразилось в процессах нормализации их грамматической структуры, формировавшейся на основе ведущего диалекта, использования продуктивных грамматических средств других диалектов и в некоторых типологических сдвигах под влиянием соседних иноструктурных языков, в первую очередь русского.

Наконец, расширение и развитие многообразных форм общения, в связи с усложнением общественных отношений, способствовали появлению в литературных тюркских языках многообразных стилей и жанров, формировавшихся как за счет прямого заимствования, так и за счет использования внутренних средств языков и в первую очередь расширения и усложнения лексических значений и грамматических моделей, заимствования в литературные языки из диалектов и разговорного языка диалектной и просторечной лексики, а также дублетных синонимических грамматических форм, которые дифференцировались стилистическим их использованием.

Все эти процессы были раскрыты в многочисленных исследованиях, выполненных специалистами-тюркологами и главным образом учеными национальных республик и областей.

Советское тюркское языкознание представлено к шестидесятилетию СССР не только множеством грамматик и словарей по всем литератур-

ным тюркским языкам, но и конкретными исследованиями по основным проблемам тюркского языкознания, а также фундаментальными обобщающими работами в области фонетики и фонологии, лексикологии и лексикографии, грамматики и стилистики.

Успехи в изучении тюркских языков были достигнуты благодаря усилиям многочисленных тюркологов всех тюркоязычных республик и областей, а также ученых центральных всесоюзных научных институтов и вузов.

Перед советскими тюркологами в настоящее время стоят новые задачи, выполнение которых должно способствовать дальнейшему развитию тюркского языкознания.

II

Основным итогом прошедшего шестидесятилетия в области разработки письменностей является создание национального письма для двадцати тюркских языков Советского Союза, базирующегося на русском алфавите. Разработка письменности для бесписьменных языков и переход на новые, более демократичные системы письма языков со старыми письменными традициями способствовали быстрейшему приобщению ранее отсталых народов к современной передовой социалистической культуре, к достижениям науки и техники.

Новым проявлением постоянной заботы КПСС и Советского правительства явилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о развитии экономики и культуры народов Севера («Правда» от 27 февраля 1980), в котором большое внимание уделяется также вопросам развития языков и письменностей этих народов.

Последние сорок лет представляют собой новейший и самый плодотворный этап в развитии языков и письменностей тюркоязычных народов СССР. За это время многие алфавиты и орфографии тюркоязычных народов упорядочились и ныне отвечают основным задачам овладения населением грамотой и родным литературным языком, а также русским языком, ставшим языком межнационального общения.

Создание письменности для ранее бесписьменных языков предполагало большую предварительную работу по изучению особенностей фонетической и грамматической систем этих языков. Только на этой базе могла быть создана письменность.

Современные языковеды в долгу перед основоположниками советской тюркологической науки. Перед ними стоит благородная задача показать ту большую работу, которая была проделана старшим поколением тюркологов в каждой республике и области, а также в центре по созданию и совершенствованию письменности тюркоязычных народов.

Переход на русскую графику, осуществленный в конце тридцатых — начале сороковых годов, облегчил и удешевил бурно развивавшееся издательское дело. Появилась возможность печатать в одной типографии книги на многих языках народов СССР. Использование русской графики устранило алфавитный разноречивый в огромном большинстве национальных школ, способствовало параллельному овладению грамотой на двух языках — родном и русском.

Проблемы письменности относятся к числу традиционных, разрабатываемых с момента образования СССР. С их изучения начала свой путь советская тюркология. Несмотря на успехи в создании и развитии письменностей тюркоязычных народов СССР, теория письма еще не оформилась как отдельная дисциплина тюркологии. С развитием общества, с повышением уровня образования повышаются и требования к письму, а

это выдвигает перед тюркологами ряд теоретических и практических задач первостепенной важности.

В области алфавитов тюркских языков эти задачи следующие: 1) снабжение отдельными специальными буквами тех алфавитов, в которых специфические фонемы до сих пор еще особо не обозначаются. В 30—40 годах отсутствие специальных букв объяснялось трудностями отливки дополнительных шрифтов, в настоящее же время это не проблема; 2) унификация обозначения общих для тюркских языков специфических фонем.

Для дальнейшего совершенствования тюркских орфографий необходимо шире развернуть исследования по орфографииологии, которая имеет право на существование как отдельная дисциплина на стыке лингвистики, педагогики и психологии со своими методами и приемами изучения. В этом отношении тюркология значительно отстает от русистики.

В течение последних шестидесяти лет тюркологи перешли от чисто эмпирических, умозрительных принципов орфографии к научно обоснованным, то есть от чисто фонетического, традиционно-исторического принципов — к фонематическому.

Вместе с тем при дальнейшем совершенствовании орфографий тюркских языков Советского Союза основное внимание предстоит обратить на следующие вопросы: 1) отражение фонетических явлений на письме: в одних орфографиях позиционные фонетические изменения слов фиксируются, а в других — нет; 2) правописание сложных слов: три типа написания сложных слов (раздельное, дефисное и слитное) нуждаются в четком научном обосновании, главным при этом должен быть принцип выводимости правила написания из типа слов, что требует дальнейшей разработки вопросов теории слова на материале тюркских языков; 3) правописание заимствований, интернациональных слов, особенно слов, проникших в тюркские языки из русского или через русский язык. Основным принципом написания заимствованных слов должен быть принцип учета фонетического освоения заимствований. Однако и этим не ограничиваются проблемы орфографии.

При дальнейшем совершенствовании правил пунктуации серьезного внимания заслуживают правила использования таких знаков, как запятая, точка с запятой, тире, двоеточие. С употреблением указанных знаков тесно связан вопрос о специальном выделении деепричастных, причастных и других оборотов, специфичных для тюркских языков.

Постоянная забота о совершенствовании письменностей тюркских языков способствует поднятию уровня грамотности и образования их носителей, освобождению умственной энергии людей от механического запоминания многочисленных исключений из правил, устранению необязательных трудностей и разнобоя в письме, отрицательно сказывающихся на школьном образовании и печати.

III

Если основы сравнительно-исторической фонетики тюркских языков были заложены еще в трудах дореволюционных отечественных тюркологов — О. Бётлингга и В. Радлова, то тюркская фонология и экспериментальная фонетика обязаны своим рождением языковому строительству, развернувшемуся в нашей стране с первых лет Советской власти. Работа по созданию национальной письменности на основе латинской, а позднее русской графики потребовала изучения и описания вокалических и консонантных систем большинства тюркских языков, распространенных в СССР. Обращение к фонетике было необходимо и в связи с соз-

данием школьных учебников, установлением орфоэпических норм и разработкой орфографических правил. Все это способствовало появлению фонетических разделов в первых научных грамматиках тюркских языков и написанию первых специальных исследований по фонетике татарского, туркменского, азербайджанского и других языков. Практика национальной школы сделала необходимым сопоставительное изучение фонетик родного и русского языков.

Описательные фонетики явились базой для обобщающих работ по сравнительно-исторической фонетике всех тюркских языков и исторической фонетике башкирского, чувашского, азербайджанского языков.

За последние два десятилетия выполнена целая серия работ по экспериментальной фонетике (в том числе по акцентологии), среди которых выделяются единством исследовательских задач и методики выполнения труды лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИИФФ СО АН СССР. Особо следует отметить, что за последние годы интересные экспериментальные работы проведены по ранее малоизученным тюркским языкам и диалектам Сибири: алтайскому, телеутскому, кумандинскому, долганскому, чулымскому и др. Продвинулось экспериментальное изучение чувашского вокализма и консонантизма, и его результаты дали возможность создать первый очерк фонетики и фонологии чувашского языка.

Несмотря на значительные достижения тюркологов в области фонетических разрываний, к которым относится формирование в тюркологии таких тесно связанных между собой направлений, как экспериментальная и описательная фонетика, фонология, диалектальная фонетика, сравнительно-историческая и историческая фонетика, фрагменты диахронической фонологии и морфофонологии — следует признать, что большинство проблем тюркской фонетики как языковедческой дисциплины, выдвинутых в последнее пятилетие, до конца не решены и по-прежнему остаются актуальными.

До сих пор многие тюркские языки не имеют полных фонетических описаний, основанных на экспериментальных данных, а существующие описания, базирующиеся главным образом на данных слухового анализа, часто не отвечают современным научным требованиям. Поэтому в научной литературе нет еще единого мнения об артикуляционной характеристике того или иного звука, а общетюркская практическая транскрипция не имеет достаточно надежной основы. Особенно много противоречий в исследованиях по тюркской акцентологии (ср., например, характеристику турецкого или башкирского ударения у разных ученых), что, по-видимому, объясняется отсутствием единых методических установок у исследователей различных тюркских языков.

Современное состояние изученности тюркской фонетики позволяет надеяться на дальнейшее развитие тюркской фонологии: перспективным представляется использование фонологического анализа при описании тюркских консонантных систем и вскрытии внутрисистемного механизма исторических изменений. Большие возможности диахронической фонологии уже были проиллюстрированы Е. Д. Поливановым на материале узбекского языка. Не исчерпали себя и традиционные для тюркологии методы сравнительно-исторического и типологического анализа: не написаны еще исторические фонетики многих тюркских языков, не выявлена типология фонетических систем кыпчакских, огузских и других языков. Как и прежде, большой интерес представляют проблемы взаимодействия в разные исторические периоды фонетических систем тюркских языков между собой и с системами сходных по структуре и иноструктурных языков.

IV

Разработка проблематики грамматического строя тюркских языков и создание на этой основе научных и учебных грамматик отдельных языков остается одним из главных и самых продуктивных направлений развития советского тюркского языкознания за обозреваемый период.

В дореволюционное время были созданы более или менее удовлетворительные грамматические описания только по турецкому, азербайджанскому, татарскому, якутскому, алтайскому, казахскому, чувашскому и тувинскому языкам. В советскую эпоху благодаря планомерной интенсивной работе одна за другой были изданы научные, и учебные грамматики по всем тюркским языкам: первые грамматики кумыкского и башкирского языка — Н. К. Дмитриева, ногайского и каракалпакского языков — Н. А. Баскакова, уйгурского языка — А. К. Боровкова, шорского и хакасского языков — Н. П. Дыренковой, киргизского языка — Н. А. Батманова, балкарского языка — И. В. Филоненко, караймского языка — К. М. Мусаева, гагаузского языка — Л. А. Покровской, сарыгюгурского и саларского языков — Э. Р. Тенишева, чулымско-тюркского языка — Р. М. Бирюкович, новые значительно более полные научные грамматики турецкого и узбекского языков — А. Н. Кононова, тувинского языка — Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха, а также грамматики туркменского и карачаево-балкарского языков, уйгурского, казахского, азербайджанского, ногайского, хакасского, татарского, башкирского и якутского языков, составленные авторскими коллективами с учетом достижений в развитии тюркского и общего языкознания.

В разработку вопросов грамматического строя тюркских языков большой вклад внесли многочисленные монографические исследования по тюркской морфологии и синтаксису. Наиболее плодотворным оказалось изучение тюркского словообразования (деривации, словосложения и редупликации), принципов выделения, трактовки и классификации частей речи, в том числе звукоподражательных слов и служебных частей речи, словозменения имени и глагола, в частности категорий сказуемости, принадлежности, падежа и числа имени категорий залога, отрицания, времени, наклонения, числа и лица глагола. Много ценных наблюдений и интересных теоретических обобщений сделано в специальных монографиях по синтаксису простого и сложного предложения в туркменском (А. П. Поцелуевским), якутском (Е. И. Убрятовой), азербайджанском (М. Ш. Ширалиевым и др.), киргизском (К. К. Сартбаевым, И. Джакыповым, А. Джапаровым), татарском (М. З. Закиевым и др.), чувашском (И. А. Андреевым), башкирском (К. З. Ахмеровым и Г. Г. Саитбатталовым), каракалпакском (М. Давлетовым) и карачаево-балкарском (И. Х. Ахматовым) языках. Немало положительных результатов содержится в исследованиях синтаксиса словосочетания на материале туркменского, казахского, азербайджанского, турецкого, татарского, башкирского и других языков.

В исследовании грамматического строя тюркских языков большое место занимает грамматическое описание письменных памятников тюркских языков, в том числе такие обобщающие работы, как «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» А. Н. Кононова (Л., 1980) и грамматические очерки С. Н. Иванова, А. М. Щербача и др. Однако при множестве монографических исследований по тюркской грамматике и их высокой результативности, информативности, многое в этой области остается еще недостаточно изученным, по ряду узловых проблем до сих пор нет однозначного решения. К числу таких насущных вопросов, требующих дальнейшей углубленной разра-

ботки и однозначного убедительного разрешения, относятся: 1) выяснение состава и степени разграниченности частей речи в тюркских языках и установление принципов их выделения; 2) грамматическая квалификация категорий сказуемости и глагольного вида; 3) установление соотношения обстоятельных оборотов и придаточных предложений, возглавляемых неспрягаемыми формами глагола; 4) исследование имен действия, причастий и глобальных форм имени на *-лы*, *-сыз*, *-зай* и т. д. в их отношении к словообразованию и словозменению. Необходимо теоретическое обобщение, осмысление всей накопленной информации по этой сложной и во многом спорной проблематике.

V

Дореволюционная тюркология, создававшаяся усилиями немногих талантливых ученых, не располагала даже предварительным описанием многих тюркских языков, а в отдельных описаниях, созданных ими, синтаксис оставался наименее изученным. В старых работах имеются лишь фрагментарные очерки синтаксиса некоторых тюркских языков, преимущественно посвященные синтаксическим функциям морфологических и лексико-грамматических категорий, относящихся главным образом к порядку слов в предложении и сочетанию слов.

Лишь в советское время была развернута в невиданных прежде масштабах исследовательская работа по изучению практически всех тюркских языков как Советского Союза, так и зарубежных. В этот период был собран обширный языковой материал, необходимый для научного описания грамматического строя тюркских языков, разработки схемы описания их синтаксиса, а также первичного описания их синтаксического строя.

Советскими учеными в синтаксических исследованиях тюркских языков были изучены синтаксические единицы, их свойства, отношения и формы выражения. Исследования советского времени характеризуются уточнением самого объекта анализа — словосочетания и предложения.

Тюркологами были также установлены критерии разграничения словосочетания и предложения в тюркских языках, детально проанализированы отдельные структурные типы словосочетаний и предложений, их важнейшие признаки (например, такие, как модальность, предикативность, коммуникативная функция). Во многих языках были специально исследованы отдельные типы предложений и словосочетаний (в частности, составляющие специфику тюркского синтаксиса изафетные словосочетания и трехчленные атрибутивные построения — тюркский трехчлен), порядок слов в составе предложения и словосочетания, природа и типы сказуемого, формы выражения прочих членов предложения и особенности их обособления.

В центре внимания тюркологов многие годы находятся вопросы структуры сложного предложения: принципы разграничения простого и сложного предложений, установление критериев выделения придаточных предложений, вопрос о синтаксической квалификации причастных, деепричастных и глагольно-именных оборотов. Выработка понятийного аппарата, необходимого для описания осложненных синтаксических структур тюркских языков, послужила надежной базой для проведения конкретных исследований, и в настоящее время для ряда языков уже созданы развернутые структурно-семантические классификации сложных предложений, выделены и описаны их основные модели.

В последние годы сфера синтаксических исследований расширилась за счет изучения синтаксических конструкций, характерных для разговорной речи. В этом ряду можно упомянуть модели типизированные, клишированные. По многим языкам уже имеются работы по их первой инвентаризации и теоретическому осмыслению.

Для современной тюркологии характерно усиление интереса к важным теоретическим проблемам синтаксиса. Появились обобщающие историко-типологические работы, в которых дается общая характеристика типологических черт тюркских языков в области синтаксической структуры и сделана попытка объяснения структуры словосочетания и предложения как отражения основных особенностей человеческого мышления.

Изучение синтаксиса современных тюркских языков в синхронном плане остается одним из основных направлений исследований в советской тюркологии. Вместе с тем значительное внимание уделяется и историческому синтаксису. Опубликованы результаты исследований синтаксиса древних тюркских памятников и отдельных вопросов синтаксиса современных тюркских языков. Советской тюркологией разработаны методы исследования истории синтаксических явлений, определены объект исторического синтаксиса, типы синтаксических отношений и способы их выражения, пути развития синтаксической структуры, создано первое в мире сравнительно-историческое описание синтаксиса тюркских языков.

VI

Лексикология как научная дисциплина и отрасль тюркологии оформилась только в советское время. Особенно широко развернулись работы в области лексикологии в шестидесятые и семидесятые годы. Опубликовано много работ по изучению различных семантических и тематических групп лексики конкретных тюркских языков. Изданы учебные пособия для вузов по лексике ряда тюркских литературных языков.

Основная часть лексикологических публикаций — книги, диссертаций и статей — представляет собой описание и классификацию лексики, относящейся к различным отраслям хозяйственной и общественной деятельности тюркоязычных народов нашей страны. Много внимания уделяется изучению вопросов заимствованной лексики в разных тюркских языках, в основном из арабского, иранских, монгольских, иберийско-кавказских, финно-угорских языков; особенное внимание уделяется усвоению слов из русского языка, контакты с которым в советское время стали наиболее тесными; много внимания уделяется вопросам проникновения тюркизмов в другие языки мира, и прежде всего — в славянские. Новой отраслью лексикологии стали вопросы развития лексики тюркских языков в советскую эпоху. Вместе с тем весьма редко появляются исследования в области исторической и сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков. Изданы этимологические словари по отдельным тюркским языкам и капитальный «Этимологический словарь тюркских языков» Э. В. Севортяна.

Создана база для разрешения больших задач на новом этапе развития лексикологии, исследования лексики как в синхронном, так и в диахронном плане. Это выдвигает новые специфические проблемы, требующие разработки в общетюркском, ареальном масштабах, а также на материале лексики каждого конкретного тюркского языка.

Основной целью исследования синхронной тюркской лексикологии является разработка таких вопросов, как природа и структура слова и

его значения, соотношение исконного и заимствованного слоев лексики и семантики тюркских языков на современном этапе их развития, типологические особенности тюркских языков в лексике и семантике, особенности лексико-семантического варьирования слов и многозначности слов, проблемы терминологии и ее унификации в условиях СССР и др.

Историческая и сравнительно-историческая лексикология как в общетюркском плане, так и каждого из тюркских языков нуждается в значительном расширении и углублении областей исследования. Специального изучения требуют проблема выделения общетюркского слоя лексики древнего периода, возникшего в результате межтюркских контактов и связанного с общностью экономики и культуры тюркоязычных народов, проблемы тюркского корня и т. д.

Изучение контактов тюркских языков с разными языками мира также требуют расширения и углубления исследований. В тени пока остаются проблемы взаимодействия тюркских языков между собой. Лексика и семантика тюркских языков в сравнительном изучении могут дать наиболее достоверные сведения об исторических связях между различными народностями, проживавшими на территории расселения тюрков. В пристальном внимании тюркологов и применении строго научных методов нуждается изучение лексики тюркоязычных памятников в сопоставлении с иноязычными памятниками и современными тюркскими языками.

Необходим критический пересмотр одностороннего подхода, преувеличивающего роль восточных заимствований в тюркских языках и не учитывающего обратного влияния тюркских языков на иранские, семитские и другие языки.

Достижения в области описательной тюркской ономастики открывают новые возможности для углубленного исследования проблем этногенеза и культурных контактов тюркских народов с другими народами мира.

Именно в советское время произошло становление тюркской фразеологии как самостоятельной дисциплины. Наряду с собиранием и систематизацией богатого языкового материала все более важную роль начинает играть историческое, сравнительное, сопоставительное и типологическое изучение устойчивых словосочетаний тюркских языков.

Главной задачей тюркологии в области лексикологии является переход от описательного этапа к этапу глубоких теоретических и исторических обобщений.

Следует отметить огромные достижения и в области тюркской лексикографии: от школьных словарей до больших многотомных толковых и энциклопедических словарей — таков путь ее развития в советскую эпоху. Обогатился перечень различных типов словарей как двуязычных (преимущественно тюркско-русских и русско-тюркских), так и одноязычных и многоязычных. Имеются большие успехи в области составления фразеологических и терминологических словарей. В последние десятилетия появилась новая отрасль тюркской лексикографии — индивидуально-писательская, отражающая богатство языка основоположников тюркских литературных языков.

Наряду с большими достижениями в тюркской лексикографии существуют и некоторые упущения, требующие особого внимания. Достаточно сказать, что до сих пор отсутствуют относительно полные двуязычные — тюркско-русские — словари не только по языкам малых народов СССР, но и по языкам даже союзных республик. Многие словари еще далеко не в полной мере отражают лексическое богатство тюркских языков. Тюркологам предстоит решение задач, связанных с полной фиксацией

сацией и публикацией всего словарного богатства тюркских языков, на основе научных принципов, разработанных советскими лексикографами, и с широким использованием возможностей современной техники.

VII

Проблемы диалектологии и диалектографии, особенно в последние годы, разрабатываются исключительно на местах силами исследователей национальных республик и областей. Наряду с созданием описательных работ по отдельным диалектам, говорам и территориальным группам диалектов выдвигаются также и задачи разработки обобщающих исследований. В большинстве республик в настоящее время завершается сбор материалов и разработка диалектных карт, а в известной мере и оформление национальных диалектологических атласов. Завершается и обработка материалов двух общих диалектологических атласов — Диалектологического Атласа тюркских языков СССР и Лингвистического Атласа Европы.

Широко развернулись диалектологические исследования как обширных ареалов Кавказа, Средней Азии, Поволжья, Сибири, так и менее крупных, локальных.

В настоящее время перед диалектологами стоят новые задачи по созданию обобщающих фундаментальных исследований. Так, следует указать актуальную и первоочередную задачу разработки ареальных исторических атласов и специальных исследований, посвященных установлению критериев для выбора соответствующих комплексных изоглосс, характеризующих такие исторически сложившиеся ареалы формирования тюркских языков, как болгарский, огузский, карлукский, кыпчакский, уйгурский и другие, их хронологии, а также основных признаков, определяющих их особенности в фонетическом, лексическом и грамматическом отношениях.

В существующих ареальных исследованиях встречаются иногда устаревшие положения в установлении тех или иных болгарских, огузских, кыпчакских, карлукских, уйгурских и т. д. признаков в стратификации слоев, характеризующих тот или иной конкретный язык, причем без предварительного детального изучения этих исторических ареалов и без четкого выявления определяющих их характерных комплексных изоглосс. Ареальные исторические атласы должны фиксировать границы не только того или иного исторического ареала расселения древних и средневековых племенных союзов, но и ареалов их миграции, а следовательно, должны быть изучены соответствующие смешанные зоны, характеризующиеся интерференцией установленных комплексных групповых признаков, присущих тому или иному основному ареалу.

Исследование болгарского, кыпчакского, огузского, карлукского, уйгурского, равно как и более поздних смешанных исторических ареалов и подареалов имеет для изучения истории тюркских языков примерно то же значение, какое для изучения истории славянских языков имеет исследование ареалов восточно-славянских, южных, западных славянских народов и их языков или, в несколько меньшей степени — для индоевропейских языков — ареалов балто-славянских, германских, романских, албано-армяно-греческих языков и более поздних прочих ареалов.

Не менее важной задачей тюркской диалектологии и диалектографии является разработка программ и проспектов будущих исследований по диалектологии, рассчитанных на изучение истории конкретных

тюркских языков, на составление исторических грамматик, исторической лексикологии и исторической фонологии.

До настоящего времени данные диалектологии слабо использовались для исследований, посвященных историческим грамматикам тюркских языков, имеющим не только важное теоретическое значение для изучения общих вопросов языка, но и практическое значение в качестве учебников по исторической грамматике для высших учебных заведений, которые для многих национальных вузов пока еще не разработаны.

Еще большую роль играют данные диалектологии при создании исторических грамматик для младописьменных языков, так как исторические грамматики этих языков при полном отсутствии старых письменных памятников могут быть разработаны только на основе живых современных диалектов.

Если история литературных языков базируется на существующих текстах конкретной литературы и тесно связана с развитием общественных функций языка, а следовательно, и с историей данного народа, то история народного языка, и в особенности его грамматической структуры может быть изучена исключительно путем сравнительно-исторических сопоставлений конкретных фактов существующих диалектов и материалов письменных литературных памятников, если, конечно, таковые существуют. В задачу исторической грамматики, для которой диалектные данные имеют чрезвычайно важное значение, как известно, входит изучение и раскрытие внутренних закономерностей развития самой структуры языка, способов словообразования и словоизменения, особенностей развития отдельных подсистем языка: категорий числа, принадлежности, падежей, лица и т. д., то есть закономерностей его имманентного развития, не связанных непосредственно с историей конкретного народа.

Основным же материалом для раскрытия этих закономерностей как для старописьменных, так и для младописьменных языков служат главным образом диалектные данные.

Однако существующие диалектологические и диалектографические работы не всегда учитывают такую перспективу их использования и поэтому ограничиваются лишь некоторыми, наиболее характерными сопоставлениями фактов конкретного диалекта с соответствующими фактами литературного языка.

Каждый диалект и говор должен быть представлен в исследовании в полном системном объеме: описанием его фонетической структуры с фонологическими обобщениями и полным изложением всех средств словообразования и всех категорий словоизменения, а также с полной характеристикой основного лексического фонда, в особенности в той его части, в которой лексика данного диалекта расходится с соответствующим литературным языком и с другими диалектами этого языка.

VIII

За истекшее шестидесятилетие во всех тюркоязычных республиках и областях в результате успешного завершения культурной революции полностью ликвидирована неграмотность и культурная отсталость, широко развилась система высшего и среднего образования, получила развитие наука.

На основе принципов ленинской национальной политики в нашей стране в 20—30 годы осуществлялось языковое строительство, включавшее разработку письменностей для бесписьменных языков, совершенствование существующих систем письма, издание на тюркских языках

учебных пособий, преподавание в школах и вузах тюркских языков и на тюркских языках, сочетавшееся с созданием терминологических систем на этих языках.

Большая заслуга в сплочении немногочисленных тогда специалистов и в организации активной работы по языковому строительству принадлежит Всесоюзному Центральному Комитету Нового Тюркского Алфавита (ВЦКНТА), преобразованному впоследствии во Всесоюзный Центральный Комитет Нового Алфавита (ВЦКНА) при ЦИК СССР.

Главным в истории тюркских языков за истекшие шестьдесят лет является то, что они достигли высокой степени функционального развития как языки пяти союзных республик (азербайджанский, казахский, киргизский, туркменский и узбекский), шести автономных республик (башкирский, каракалпакский, татарский, тувинский, чувашский и якутский), двух смешанных автономных республик (балкарский, кумыкский), двух автономных областей (алтайский и хакаский), одной смешанной автономной области (карачаевский). Успешно развиваются и другие тюркские письменные литературные языки (гагаузский, крымско-татарский, ногайский и уйгурский).

Всестороннее изучение истории развития тюркских языков в советскую эпоху относится к проблемам нового типа, не имеющим традиций и потому требующим особого внимания как по характеру самого объекта, так и по методу его исследования. Здесь тюркологам еще предстоит перейти от преобладающих ныне публицистических и описательных работ к подлинно научным и глубоким теоретическим обобщениям.

Общественные функции и структуры тюркских языков, также как и других языков братских народов СССР, достигли невиданного в историческом аспекте развития. Каждый третий письменно-литературный язык Советского Союза — тюркский. По числу носителей тюркские языки в стране занимают второе место после славянских. По данным переписи 1979 года на них говорят 39 млн человек.

Многие из письменных тюркских языков народов Союза ССР достигли уровня высокоразвитых литературных языков современности, что явилось результатом планомерного и целенаправленного осуществления Коммунистической партией и Советским государством ленинской национальной политики.

Наиболее интенсивное развитие функций тюркских языков приходится на три последних послевоенных десятилетия. Эти языки функционируют в сферах устного общения, общественно-политической жизни, делопроизводства и деловой переписки, судопроизводства, печати, радио и телевидения, дошкольного воспитания, преподавания в начальной и средней школе, в специальных и высших учебных заведениях и соответственно обслуживают сферы науки, техники, художественной литературы и искусства.

Убедительным свидетельством широкого функционального и структурного развития тюркских языков является издание на них многотомных энциклопедий по всем отраслям современных знаний, а также произведений классиков марксизма-ленинизма, переводной литературы по самым различным отраслям знания. Дальнейшее углубленное изучение функционирования тюркских языков во всех сферах общественной деятельности их носителей — одна из актуальных задач тюркологии.

Однако следует признать, что проблемы развития и функционирования языков союзных республик пока что изучаются недостаточно, не говоря уже о языках автономных республик и областей, а также других тюркских языках, хотя именно в последних инновации проявляются наиболее отчетливо.

В тюркоязычных республиках и областях наряду со всесторонним развитием родных языков широкое распространение в различных сферах общественной жизни получило тюркско-русское двуязычие. Русский язык стал в них вторым родным языком тюркоязычного населения.

Широкое развертывание исследований проблем тюркско-русского двуязычия, функционирования в тюркоязычных республиках и областях тюркского и русского языков в различных сферах народной жизни и их соотношения имеет большое и актуальное теоретическое и практическое значение.

Интенсивное расширение в советское время сферы коллективной деятельности людей предъявило к тюркским языкам и их структурным компонентам более высокие по сравнению с прошлым требования. Будучи не только средством общения, но и участником социального развития общества, язык постоянно совершенствуется и развивается структурно. Это объясняется развитием и дальнейшим расширением его общественных функций. Как следствие этого процесса тюркские литературно-письменные языки претерпели и значительные структурные изменения.

Наибольшее развитие получила лексическая система тюркских языков. В лексике, помимо фонда, сложившегося в период древнетюркской общности, возник новый словарный фонд, в котором нашли отражение коренные социально-экономические и культурные преобразования, происшедшие в жизни народов СССР. Перед тюркологами стоит задача всесторонне исследовать развитие лексики тюркских языков в советскую эпоху, не ограничиваясь лишь констатацией проникновения в них русских заимствований.

Определенные изменения претерпел и синтаксис тюркских языков: возникли новые словообразовательные модели в морфологии, расширились грамматические функции исконных моделей. Инновации распространились и на фонетику. Подобные явления в строе тюркских языков тоже требуют углубленных исследований. В этом плане также сделано очень мало.

Подлинный расцвет тюркских письменных языков, успехи, достигнутые в подъеме культурного уровня народов, небывалое обогащение лексики, совершенствование синтаксиса, морфологии, нормализация фонетики литературных языков привели к дальнейшему развитию языковых стилей и их взаимодействию. Наряду с общим для всех тюркоязычных народов во всех этих инновациях проявляются и специфические особенности каждого из тюркских языков, обусловленные своеобразием пройденного ими исторического пути и условиями их современного развития. Все это также должно стать предметом исследования тюркологов.

Широкое развитие общественных функций тюркских языков требует от лингвистов-тюркологов постоянного внимания к вопросам культуры речи, проблемам нормирования как речи в ее жанровых разновидностях, так и письменного литературного языка. Для успешного внедрения культуры речи во всех слоях общества нельзя ограничиваться одним «запретительством», необходимо разработать научно обоснованную теорию, на основе которой возможно создание позитивной программы языкового воспитания. Вопросы культуры речи должны постоянно обсуждаться на страницах газет, массовых журналов и других популярных изданий, во всех республиках и областях должны функционировать постоянно действующие центры по оказанию помощи народу в повышении культуры его речи.

Тюркологам предстоит целенаправленно разрабатывать научно-теоретические и практические проблемы функционального и структур-

ного развития тюркских языков, взаимодействия письменного литературного и устного языков, совершенствования, упорядочения и систематизации терминологии, взаимодействия тюркских языков между собой и с другими языками, а также проблемы двуязычия с его главным типом — тюркско-русским, проблемы обучения родному и русскому языкам, культуры родной и русской речи в местных условиях, соотношения функций тюркского и русского языка в данной республике и области в различных сферах общественной жизни и т. д.

IX

В девяностые годы прошлого столетия были опубликованы труды В. В. Радлова и В. Томсена, положившие начало изучению древне- и среднетюркских письменных памятников. Советские ученые за последние шестьдесят лет заново прочитали и истолковали тексты шести крупных рунических памятников орхонского ареала, а также малых памятников других ареалов — енисейского, ленско-прибалтийского, туринского, алтайского, среднеазиатского, в числе которых много новых находок.

В последние годы объектом исследования стали еще северокавказский и поволжский ареалы тюркской руники. В печати в настоящее время находится корпус енисейских надписей. Готовятся к изданию корпусы алтайских и северокавказских памятников. Ведется изучение палеографии и типологии тюркских рун в лингвистическом и культурно-историческом аспектах.

Недавно вышла в свет «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» А. Н. Кононова, нормализующее влияние которой на изучение языка рунических надписей не замедлит сказаться. Положено начало новой области тюркологии — текстологии тюркских рунических памятников: находится в печати «Корпус тюркских рунических памятников» Д. Д. Васильева.

Наряду с публикацией новооткрытых надписей предстоит исследовать палеографии, типологии тюркских рун, закономерности формирования текста рунических памятников, а также фонемно-фонетическую, грамматическую структуру и лексический состав памятников.

Исследование древнеуйгурских письменных памятников ознаменовалось выходом в свет в тридцатые годы переводов памятника «Золотой блеск» и «Памятников уйгурского языка», начатых еще В. В. Радловым и завершенных С. Е. Маловым. Без этих трудов было бы невозможно проследить развитие уйгурской филологии в целом. Опубликованы вновь обнаруженные уйгурские рукописи (написанные уйгурским шрифтом) светского и религиозного содержания.

Л. Ю. Тугушевой недавно издан значительный фрагмент известной «Биографии Сюань-Цзана».

На очереди — публикация уйгурских рукописей Ленинградского собрания при Институте востоковедения Академии наук СССР, главным образом юридического, хозяйственного, эпистолярного содержания, а также поэтических фрагментов.

Намечено второе издание памятника «Золотой блеск» (в основу которого положен ленинградский список), снабженное указателем лексики и подробной грамматикой древнеуйгурского литературного языка необходимость в которой остро ощущается при изучении истории литературных языков последующих эпох. Внимание исследователей памятников караханидско-уйгурской поры было направлено на публикацию и изу-

чение языка поэмы «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского и «Словаря тюркских языков» Махмуда Кашгарского.

Издан сводный текст «Кутадгу билиг» с переводом на узбекский язык. Подготовлен стихотворный перевод поэмы на русский язык, выполненный С. Н. Ивановым. В лингвистическом плане поэма «Кутадгу билиг» до сих пор не изучена, и задача полного описания ее грамматики и лексики остается актуальной. Труд Махмуда Кашгарского появился с переводом арабской части на узбекский язык, подготовлены также переводы его на азербайджанский и русский языки.

Состоявшаяся в 1972 году в Фергане конференция, посвященная 900-летию «Словаря», отметила большую ценность этого произведения для изучения тюркских языков (литературных и разговорных), фольклора, этнографии истории тюркоязычных народов.

Ученые занимались изучением и других караханидско-уйгурских памятников: сочинений Ахмеда Югнеки, Ахмеда Ясеви, Рабгузи, Ибн-Муханны, Замахшари, толкований к Корану из Карши. Объектом исследования был также язык среднетюркских письменных памятников из Хорезма и Золотой Орды. Опубликованы ярлыки данного ареала и сводные работы, в том числе словари.

Тюркологи подготовили к публикации тексты чагатайских литературных памятников, появившихся до Алишера Навои и в современную ему эпоху, с анализом их языка.

Изучение языка данной группы памятников совершенно необходимо для раскрытия динамики формирования современных литературных языков, в особенности ранней поры, таких как туркменский, азербайджанский, турецкий, кумыкский, ногайский, узбекский, уйгурский, каракалпакский, казахский, татарский, башкирский. Созданы обобщающие труды по старым языкам, посвященные периодизации и взаимодействию языков до и после Навои, а также очерки по грамматике языка восточнотуркестанских и чагатайских текстов, глоссарии различного рода и, наконец, «Древнетюркский словарь» (по памятникам VII—XIII вв.).

Изучались такие языковые памятники как «Codex Cumanicus», кыпчакско-огузские памятники мамлюкского Египта, половецкие рукописи из Каменец-Подольска, написанные армянским шрифтом, сельджукские и болгарские памятники.

Ввиду большого количества новых находок готовится публикация корпуса болгарских надписей поволжского ареала.

Исследование языков древне- и среднетюркских памятников проводилось в основном в структурно-генетическом плане. Намечился также и другой подход к изучению языка памятников, продолжающий традицию, заложенную В. В. Радловым и С. Е. Маловым, и учитывающий их функциональность и особенности бытования в той или иной социальной среде, их наддиалектность, обработанность, стилистическую вариантность.

Применение функционального принципа и соответственно методики изучения ведет к поискам различий литературных форм от народно-разговорных. История тех и других должна рассматриваться отдельно (ср., например, языки рунических, древнеуйгурских караханидско-уйгурских, чагатайских памятников, с одной стороны, и языки «Codex Cumanicus» и половецких текстов из Каменец-Подольска — с другой).

В связи с этим возникают вопросы о преемственности в развитии старых литературных языков и критериях их классификации, о масштабах их проявления.

Представляется плодотворным при исследовании сочетание обоих принципов: структурно-генетического и функционального.

X

Советский Союз располагает большим количеством тюркоязычных рукописей, хранящихся в Ленинграде, Москве, Баку, Ереване, Тбилиси, Ашхабаде, Нукусе, Ташкенте, Алма-Ате, Фрунзе, Казани, Уфе.

Изданы каталоги отдельных собраний рукописей. В настоящее время тюркологи нашей страны разрабатывают единые нормы каталогизирования и описания рукописей.

Интенсивно идет процесс собрания памятников: отряды специалистов ежегодно совершают экспедиции с целью выяснения местонахождения рукописей и их последующего приобретения. Опубликованы тексты рукописей с анализом их содержания и языка на азербайджанском, турецком, туркменском, кумыкском, крымско-татарском, узбекском, каракалпакском, казахском, татарском, башкирском языках.

Принятие закона об охране памятников культуры позволило упорядочить сохранность и сбор тюркоязычных рукописей, относящихся к современным языкам.

Поиск, собрание, описание и хранение тюркоязычных памятников в республиках ведется под организующим началом Археографической комиссии при Отделении истории Академии наук СССР и Советского комитета тюркологов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР.

Неотложными задачами ближайшего будущего являются унификация каталогизирования рукописей, интенсивная их публикация и изучение, разработка основ тюркской текстологии нового периода.

XI

В первые послереволюционные годы встал вопрос о выборе для письменных языков опорного диалекта, как базы литературного языка. Разрешение этого вопроса требовало учета следующих лингвистических и экстралингвистических факторов: на опорном диалекте должно было говорить большинство народа; значительность роли носителей данного диалекта в общественно-политической и культурной жизни народа; существующие традиции общения между носителями разных диалектов, то есть опорный диалект в известной мере должен был быть средством междиалектного общения.

Что касается старописьменных языков, то здесь встал вопрос о приближении литературного языка к общенародному, так как между этими языками существовали значительные различия. Кроме того, необходимо было освободиться от влияния так называемого *тюрки*, ибо он практически был понятен лишь незначительной части народа. Демократизация литературного языка, приближение его к языку народно-разговорному потребовали его соответствующего функционального развития. Возникла необходимость в создании современной терминосистемы, в развитии оригинальной художественной и переводной общественно-политической литературы. Стремительное развитие социальной жизни, широкое распространение начального, среднего и высшего образования, а вместе с этим интенсивное расширение и обогащение лексического фонда языка потребовало разрешения чисто лингвистических задач: упорядочения и стандартизации литературного языка и его функциональных стилей, создания нормативной грамматики, разработки орфоэпических и стилистических норм устного и письменного языка. Все эти

задачи успешно решались тюркологами. На современном этапе тюркологии изучение истории развития и становления тюркских литературных языков как старописьменных, так и младописьменных чрезвычайно актуально, ибо советский опыт национально-языкового строительства приобретает международное значение.

В последние годы был издан ряд фундаментальных работ по истории тюркских литературных языков. Значительных успехов в этой области достигли языковеды Азербайджана, Татарии, Узбекистана и Туркмении. В настоящее время успешно ведется работа по созданию истории башкирского, тувинского, каракалпакского литературных языков. При создании подобных историй должно быть учтено соотношение литературного и народно-разговорного языков, ибо нередко исследователи истории того или иного литературного языка возводят ее к древним тюркским письменным памятникам, являющимся общетюркским достоянием. В некоторых исследованиях язык исторического памятника сопоставляется с конкретным современным тюркским языком, к которому этот памятник прямого отношения не имеет. Кроме того, в ряде исследований понятия истории языка и истории литературного языка не всегда четко разграничиваются, что нередко приводит к неверным выводам.

XII

В истории тюркологии насчитывается не один десяток классификаций, основанных на различных признаках и критериях: географических, исторических, лингвистических, социолингвистических и т. д.

В современном тюркском языкознании существует несколько признанных наукой классификаций, последние из которых основываются на синтетическом принципе, учитывающем не только лингвистические (фонетические, лексические и грамматические), но и географические признаки распространения языков и исторические критерии их последовательного развития.

Как показало развитие тюркского языкознания по всем основным уровням (фонетике и фонологии, лексике и грамматике) главные положения существующих классификаций тюркских языков не противоречили выводам и обобщениям тюркологов. Однако специалистами высказывались пожелания об уточнении и развитии конкретных фонетических, грамматических и, в особенности, лексических критериев, на основании которых определялись бы как главные классификационные ветви, группы и подгруппы языков, так и конкретные языки.

За последние десятилетия, миновавшие со времени выдвижения указанных классификаций, тюркологами были завершены многие фундаментальные работы по фонетике и фонологии, по грамматике и стилистике, по лексикологии и лексикографии, созданы двуязычные словари почти по всем тюркским языкам, целый ряд толковых словарей, этимологические словари и т. д. По всем тюркским языкам были созданы описательные грамматики, написаны исследования по сравнительно-исторической фонетике и грамматике, изданы многочисленные работы по диалектологии тюркских языков и др. Все эти достижения тюркологии позволяют ныне подтвердить существующие классификации новыми фактами, в соответствии с основными критериями, положенными в их основу.

Наряду с синтетическими классификациями, уточненными новыми данными, могут быть разработаны новые классификации тюркских языков на основе отдельных критериев, например, только географических.

или только лингвистических; могут быть уточнены те классификации, в основу которых были положены критерии выполняемых языками общественных функций, или степень разработанности литературных языков и т. д. Наконец, возможны также типологические классификации, основанные на отдельных типологических чертах, например, различные типы фонологической структуры или типы структуры предложения, складывавшиеся в процессе его развития от состояния с более полным сохранением древних элементов и до состояния, когда некоторые из последних полностью исчезли и т. д.

В круг проблем классификации тюркских языков отчасти входит и периодизация истории развития тюркских языков вообще и литературных их форм в частности. Современной тюркологией уже определены основные этапы и периоды исторического развития всех тюркских языков и разработаны схемы периодизации развития их литературных форм, которые, однако, требуют дальнейших уточнений как в отношении самой хронологизации, так и с точки зрения принадлежности конкретных литературных памятников к тому или иному региону и соответствующему племенному союзу или государству, с чем связана также и терминология, определяющая названия литературных языков во всех регионах их распространения и всех периодов их развития.

XIII

До Октябрьской революции сравнительно-историческое изучение тюркских языков ни по методике исследований, ни по достигнутым результатам не могло соперничать с состоянием изученности индоевропейских языков. Реконструкция основных контуров праязыка и его промежуточных звеньев была в индоевропеистике на протяжении многих десятков лет центральной задачей, которой были подчинены многочисленные частные исследования. В дореволюционной тюркологии господствовало филологическое направление в изучении языков, не ставившее подобных задач; лишь якутская грамматика О. Н. Бётлингга по зрелости синхронного описания была на уровне сравнительного изучения индоевропейских языков, достигнутом в середине XIX века.

Тюркская компаративистика стала складываться в самостоятельную дисциплину только в послеоктябрьский период. Ее развитие было связано с планомерно проводившимися экспедициями, обнаруживавшими и дешифровывавшими новые письменные памятники, с описанием новых языков, с широким размахом диалектологических исследований.

Благодаря активному изданию письменных памятников и параллельно проводившемуся систематическому описанию языка ранних тюркских источников, а также грамматическому описанию редких, часто вновь открытых тюркских языков и диалектов (лобнорского, тофаларского, саларского, сарыг-югурского, чулымского, диалекта черневых татар, языка сибирских татар и т. д.), советская тюркология создала прочную базу для сравнительно-исторических исследований.

Первыми отечественными лингвистами, приблизившими методику изучения истории тюркских языков к методике изучения истории индоевропейских языков, были В. А. Богородицкий и Е. Д. Поливанов. Будучи представителем казанской школы, В. А. Богородицкий настаивал на замене старых методов сравнительно-исторических исследований более новыми. В. А. Богородицкий считал неправильным существовавшее в начале XX века противопоставление типологических исследований сравнительно-историческим. Эту точку зрения разделял и Ф. Е. Корш.

В. А. Богородицкому принадлежат небольшие по объему этюды по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков, причем среди предложенных им методических указаний особенного внимания заслуживает положение о необходимости использования методов лингвистической географии при воссоздании истории фонетического развития как отдельного тюркского языка, так и всей семьи в целом.

Новый характер организации научной работы в тюркском языкознании выразался в широком распространении не известных до революции коллективных форм проведения как самого научного исследования, так и его подготовки. Первым опытом такого коллективного сотрудничества следует признать созданную в 1955 году под руководством Н. К. Дмитриева серию «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков». Все четыре выпуска этой серии (Фонетика, Морфология, Синтаксис, Лексика. М., 1955, 1956, 1961, 1962) в сумме представляют собой сравнительно-описательную грамматику тюркских языков, ориентированную на исследование внутренних закономерностей развития языков этой группы и раскрытие динамики языковых явлений.

В 50—60-е годы появляется целый ряд работ общетюркского характера, в которых выдвигаются вопросы, связанные с выяснением природы отдельных фонетических и грамматических явлений и с их реконструкцией.

Большим событием в тюркологии, способствовавшим утверждению сравнительно-исторического метода исследований, было издание «Древнетюркского словаря» (Л., 1969), а также подготовка и издание сравнительных и исторических словарей (например, «Сравнительного словаря тюркских языков XIV века» Э. Н. Наджиба). Для создания сравнительно-исторической лексикологии тюркских языков огромное значение имеет «Этимологический словарь тюркских языков» (М., 1974, 1978, 1980 гг.). В этом многотомном труде (предполагается издать семь томов) использована методика этимологического анализа в сочетании с историческим.

Помимо трудов обобщающего характера, появляются очерки по истории отдельных тюркских языков. В дореволюционной тюркологии это направление совершенно не развивалось. Такого рода очерки, реже — грамматики, были созданы в первую очередь по тюркским языкам со старописьменной традицией, а в дальнейшем и по ряду младописьменных языков (Щербак, 1962; Левитская, 1976 и др.).

Особенно плодотворными в развитии советской тюркской компаративистики были 70-е годы. В этот период нашли свое решение некоторые из проблем, выдвинутых в свое время крупнейшими представителями отечественной тюркологии — В. А. Богородицким, Е. Д. Поливановым, А. Н. Самойловичем, Н. К. Дмитриевым.

От сравнительно-описательных работ, содержащих исторические экскурсы и новые наблюдения в области истории отдельных языковых явлений, советские тюркологи перешли к сравнительно-историческим исследованиям, опирающимся на четко разработанные современные методы изучения.

В настоящее время для тюркского языкознания характерна заметная тяга к приемам классического сравнительно-исторического метода, который исследователи стремятся сочетать с современными методами сравнительного (сопоставительного) изучения языков, с привлечением данных фонологии, ареальной лингвистики, общей языковой типологии.

В последние полтора десятилетия тюркологов особенно волновала проблема методов и приемов проведения сравнительно-исторических ис-

следований. Этим вопросам посвящались регулярные совещания языковедов в Ашхабаде, Баку, Москве и Ленинграде.

Достоянием последних лет является опыт создания сравнительной фонетики, морфологии, синтаксиса тюркских языков с последовательным использованием приемов реконструкции (Щербак, 1970, 1977, 1981; Гаджиева, 1973).

В секторе тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР под руководством Э. Р. Тенишева готовится четвертомое издание «Сравнительной грамматики тюркских языков» (Фонетика, Морфология, Синтаксис, Лексика). В том же плане традиционной компаративистики издана в качестве учебного пособия для вузов «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков» (Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева, 1979).

В ряде союзных республик, в научно-исследовательских институтах академического профиля возникают научные центры, ведущие сравнительно-исторические исследования по отдельным группам тюркских языков. Так, например, по юго-западной группе тюркских языков готовятся сравнительные исследования в азербайджанской и туркменской академиях наук.

Успехи и новые достижения в области исторических и сравнительно-исторических исследований в настоящее время определяют дальнейшее поступательное движение советского тюркского языкознания. Они теснейшим образом связаны с подготовкой по строго разработанной схеме и изданием трудов по фонетике, грамматике, лексике тюркоязычных памятников рунического, уйгурского, арабского письма, а также с публикацией транскрибированных древних текстов, которые проливают свет на историческое развитие общих и частных фонетических закономерностей. Работе над углубленным изучением памятников обязательно должны предшествовать текстологические исследования, отвечающие современным требованиям.

Перед тюркской компаративистикой стоит еще немало нерешенных проблем, как, например, установление критериев определения древности форм, способов расположения реконструируемых архетипов в одной хронологической плоскости, методов отделения древних реликтовых явлений от новообразований, отработка метода относительной датировки появления звуков, слов, форм, определение исконных черт и отграничение их от особенностей, возникших под влиянием других языков и т. д.

Решение всех этих задач требует концентрации усилий всех тюркологов-компаративистов, а также тесного содружества компаративистов различных частных филологий (индологии, иранистики, финно-угроведения, тюркологии и др.).

В семидесятые годы в тюркском языкознании на правах самостоятельной дисциплины получает заметное развитие ареальная лингвистика, предусматривающая исследования как в синхронном, так и в диахроническом аспектах (работы Н. З. Гаджиевой, Г. Ф. Благовой, Э. Р. Тенишева). В настоящее время разработаны приемы ареальных исследований на материале регионов Средней и Юго-Восточной Азии и Кавказа. Подобные исследования позволяют осуществлять более точное решение ряда проблем, имеющих общетюркологический характер (проблемы образования огузской и кыпчакской групп тюркских языков, классификации тюркских языков и т. д.).

XIV

Условным термином «алтайские языки» обозначается постулируемая генетическая сопринадлежность ряда групп языков — тюркских,

монгольских, тунгусо-маньчжурских, а также изолированных корейского и японского языков — к единой семье. В тридцатые годы XIX века, в период зарождения данной научной гипотезы, термин «алтайские языки» объединял более широкий состав групп, включавший еще языки, за которыми впоследствии закрепилось другое, такое же условное название — «уральские языки». Оба эти термина — «алтайские» и «уральские» — указывают на предполагаемую прародину этносов — носителей этих групп языков.

Состояние исследований и проблемы алтаистики как специфического раздела сравнительно-исторического языкознания в последнее время неоднократно освещались («Советская тюркология», 1977, № 6, стр. 18—19; 1981, № 1, стр. 11). Указывалось, что несмотря на параллельное существование и развитие противостоящих алтайской гипотезе воззрений, отрицающих генетическое родство входящих в эту группу языков, остается непреложным тот факт, что в алтайских языках имеются значительные сходства в звуковом составе, фонетическом и морфологическом строе слова (сингармонизм и агглютинация), а также наблюдается однотипность или тождественность большинства деривационных и реляционных категорий и синтаксической структуры, при этом многие аффиксальные морфемы также являются материально сходными, а потому представляются алтаистам тождественными, то есть генетически общими. Однако между сходством и тождеством, препятствуя их сближению и слиянию, лежат трудно объясняемые «мелочи» — фонетические, семантические, структурные. Например, в области падежа с тождествляющим является местный падеж на *-ta/-da* (тюркские языки), на *-da/-ta* и *-du/-tu* (монгольский и тунгусо-маньчжурские), дательный-местный падеж на *-du/-tu* (тунгусские языки) и *-dū/-tā* (маньчжурские языки), поскольку и монгольский показатель сочетает в себе значение дательного. Но как объяснить различие гласных *a—u*, достоверно ли, что здесь выступает один и тот же показатель? Архаичный монгольский дательный падеж на *-a* совпадает с тюркским *-a* (хотя для тюркских языков неясно соотношение этого *-a* с дативом на *-ya/-qa*), однако не находит параллели в тунгусо-маньчжурских языках, что относится и к винительному падежу: тюрк. *-i* (при спорных интерпретациях связи с древнетюркским аккузативом *-iŋ*), монг. *-i/-ji*, в то время как тунг.-маньчж. форма совершенно иная — *-ba/-wa*. Правомерно ли пренебречь столь явными структурными и материальными расхождениями (а их число можно было бы увеличить, рассмотрев остальные падежи) и делать вывод об «исключительном единстве падежной системы алтайских языков» (Н. А. Баскаков. Алтайская семья языков и ее изучение. М., 1981, стр. 65)?

В области морфологии глагола установленных совпадений заметно меньше, поэтому можно полагать, что глагол более динамичная сфера грамматического механизма, в нем большее число последовательных инноваций, вероятно, сильно изменивших первоначальную картину, хотя и здесь исследователи предполагают отдельные и довольно многозначительные схождения («Очерки сравнительной морфологии алтайских языков». Л., 1978; Д. М. Насилов. Тюрк. *-a-* как показатель способа действия на фоне других алтайских языков. — В кн.: «Тюркологический сборник. 1977», М., 1982).

Поиск общей алтайской лексики в наиболее архаичной глубинной части словаря входящих в группу языков требует обсуждения опыта некоторых новых методических подходов, исходящих, с одной стороны, из устойчивости семантических моделей определенных номинативных единиц при сменяемости материальной оболочки составных частей морфологического или синтаксического целого и допускающих, с другой сторо-

ны, участие гомогенных корней в деривационных процессах различной направленности («Исследования в области этимологии алтайских языков». Л., 1979).

В оценке алтаистики как направления, выступающего в качестве одного из разделов сравнительно-исторического языкознания, неуместны как неоправданный (в контексте трудно объяснимых для генетической общности расхождений) оптимизм (см. выше, а также: «Вопросы языкознания», 1982, № 2), так и формальный (в контексте специфических особенностей постулируемой генетической общности) компаративизм [см. А. М. Щербак. Очерки сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). Л., 1977]. Здесь нужны новые идеи и подходы, новый материал и новый анализ. Примером оригинального подхода может служить высказывание Вяч. В. Иванова, полагающего, что, возможно, алтайские языки, восходя к ностратическому праязыку, в рамках последнего были близки между собой как члены большого восточно-ностратического диалектного единства, но общего («алтайского») праязыка не имели (см. Вяч. В. Иванов. Праязыки как объекты описания в издании «Языки мира» — В кн.: «Теоретические основы классификации языков мира». М., 1980).

XV

Уже в первые годы Советской власти возникла необходимость в подведении итогов изучения тюркских языков. На Первом тюркологическом съезде в числе очередных была выдвинута и задача составления библиографии по тюркологии как первый шаг к созданию ее истории.

За шестьдесят лет, истекших после съезда, советские тюркологи проделали большую работу, которая велась в основном в трех направлениях: описание состояния и истории изучения тюркских языков, включая также историю тюркологических учреждений и учебных заведений; составление библиографических указателей литературы по отдельным языкам, а также персональных библиографий; создание библиографических словарей.

Первой серьезной попыткой составить единый перечень основной отечественной и иностранной литературы по тюркологии следует считать вышедшую под грифом Тюркологической комиссии Всеукраинской Академии наук книгу академика А. Е. Крымского «Тюрки, їх мови та літератури. I. Тюркські мови» (Вип. 2, Київ, 1930). Четкость плана, удачное сочетание исторических справок с обильными лингвистическими сведениями, ясный и яркий стиль изложения, богатство вводимой в научный обиход литературы и сравнительно небольшой объем книги (всего 100 страниц) сразу же привлекли внимание ученых и сделали книгу на долгие годы незаменимым пособием для научного работника, мало-мальски знакомого с украинским языком, на котором она была написана. Появившееся одновременно сжатое авторское изложение материала по-русски в «Энциклопедическом словаре Гранат» (изд. 7-е, т. 41, ч. X, стлб. 404—418) дает лишь отдаленное представление о ценности этого труда, который по праву можно назвать введением в тюркологию. Недавно книга была переиздана и снова на украинском языке (А. Е. Крымский. Твори. Т. 4, Київ, 1974, стр. 447—583).

Удачный опыт маститого украинского востоковеда послужил образцом для написания «очерков изучения», «очерков истории изучения» и «введений в изучение» конкретных тюркских языков, от азербайджанского до якутского, а также справочным источником для больших обзоров, посвященных вкладу отечественных ученых в мировую науку вплоть

до знаменитой статьи Н. К. Дмитриева «Труды русских ученых в области тюркологии».

Понадобилось более тридцати лет, чтобы появилась книга Н. А. Баскакова «Введение в изучение тюркских языков» (М., 1962 и М., 1969), способная заменить собой «Тюркські мови» А. Е. Крымского. Переключаясь во многом с фундаментальным «Очерком истории языкознания в России» (СПб., 1904) С. К. Булича и работой «Тюркські мови» А. Е. Крымского, труд Н. А. Баскакова содержит всю основную литературу по тюркологии, начиная с древних азбуковников и кончая работами 1967 года. Оригинальность авторской концепции в сочетании с богатым справочным материалом делают «Введение» ценным вузовским пособием.

Последняя по времени выхода в свет важная книга аналогичного жанра «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (Л., 1972) А. Н. Кононова, второе издание которой появилось в конце 1982 года, представляет собой итог многолетних кропотливых личных разысканий автора в различных книгохранилищах и архивах страны. Эта книга вводит в научный обиход много нового, интересного и тщательно выверенного документированного материала и существенно пополняет или уточняет сведения о различных этапах истории отечественной тюркологии. Наличие в ней внутренних перекрестных отсылок и именного указателя при подробном оглавлении позволяет читателю легко навести необходимую справку. Послеоктябрьскому периоду изучения тюркских языков посвящена брошюра А. Н. Кононова «Тюркская филология в СССР. 1917—1967» (М., 1968).

В последнее время оживился интерес к истории тюркологических научно-исследовательских учреждений и учебных заведений страны, столь характерный для прошлого и первой четверти нашего века. Среди работ, посвященных этому вопросу, следует назвать коллективный труд «Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР», а также монографии по истории Московского, Ленинградского, Ташкентского, Ашхабадского, Тбилисского университетов, Туркестанского восточного института, Московского института востоковедения, Лазаревского института и особенно вышедшую в свет книгу А. Н. Кононова и И. И. Иориша «Ленинградский восточный институт» (М., 1977). Много полезных сведений для тюркологов-лингвистов содержится в опирающейся в значительной мере на архивные данные книге Н. А. Кузнецовой и Л. М. Кулагиной «Из истории советского востоковедения. 1917—1967» (М., 1970). Широко используя архивный материал, эти монографии воскрешают воистину героические страницы истории науки и культуры нашей страны. Несомненно, они явятся импульсом к созданию аналогичных работ, посвященных истории различных местных научных обществ и кружков, в особенности так называемых институтов культуры, на основе которых позднее в тюркоязычных республиках выросли мощные языковедческие учреждения. Вставший на этот путь исследователь-тюрколог найдет для себя серьезное подспорье и в историко-языковедческой брошюре А. Н. Кононова «Некоторые вопросы изучения отечественного востоковедения» (М., 1960), подводящей итоги многолетней скрупулезной работы автора по учету и систематизации востоковедных научно-исследовательских центров, учебных заведений и их печатных органов за дореволюционный и первый послереволюционный периоды, то есть получит ценную, особенно важную на первых порах, информацию. К этому же типу изданий следует причислить «Очерк истории изучения турецкого языка» (Л., 1976) А. Н. Кононова.

Помимо монографического описания истории изучения тюркских языков, следует отметить вышедшие вскоре после Первого тюркологического съезда и много позднее библиографические указатели по азербайджанскому (1960), башкирскому (1969 и 1980), казахскому (1965, 1971, 1977, 1982), каракалпакскому (1978), киргизскому (1961), татарскому (1958), туркменскому (1968), уйгурскому (1962), чувашскому (1931) и якутскому (1958) языкам: особого упоминания заслуживает библиографический указатель литературы по енисейско-орхонским и таласским памятникам древнетюркской письменности (1979). В 1965—1978 годах опубликованы широко известные библиографические указатели по общему, структурному, прикладному языкознанию, по ономастике, а также библиографический указатель словарей, изданных в СССР. Подготовлена к печати большая коллективная работа «Алтайское языкознание. Библиографический указатель литературы по алтайским (тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским) языкам, изданной в России и СССР. 1726—1970».

Последнее десятилетие ознаменовалось выходом в свет новых для советской тюркологии справочно-информационных изданий — библиографических словарей: «Узбекские языковеды» (1965 и 1972), «Уйгуроведение и уйгурские ученые в СССР» (1969), «Азербайджанские языковеды» (1970); фундаментальные, в высшей степени полезные и для лингвистов «Биобиблиографические очерки о деятелях общественных наук Узбекистана» (1974, 1976, 1977) Б. В. Лунина, которым предшествовала туркестановедческая «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении» (1965) того же автора, содержащая уникальные сведения о полузабытых тюркологах-лингвистах; «Биобиблиографический словарь советских востоковедов» (1975, 1977) С. Д. Милибанд и «Биобиблиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период» (1974) под редакцией А. Н. Кононова.

Составление перечисленных биобиблиографических словарей было бы невысказанно огромной предвзятельной работы по учету существующих персоналий и сбору сведений о забытых тюркологах прошлого. В этой работе составители встретились с огромными трудностями, ныне еще далеко не полностью преодоленными. Поэтому следует приветствовать растущий из года в год интерес исследователей к всестороннему освещению жизни и деятельности выдающихся отечественных тюркологов, к выявлению сведений о тех деятелях тюркского языкознания, которые по разным причинам продолжают оставаться в тени. Это поможет воссозданию полноценной истории нашей науки. Несколько особняком стоит заслуживающая особого упоминания и всяческой поддержки недавно открытая Главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» серия «Русские путешественники и востоковеды», в рамках которой были подготовлены и изданы очерки о жизни и деятельности тюркологов: «Н. Ф. Катанов» (1973), «В. А. Гордлевский» (1979) и «А. Е. Крымский» (1980).

Разные по задачам, по профилю, охвату, принципам отбора и написания (а также по языку самих описаний) перечисленные монографии, указатели и словари, взятые в целом, убедительно свидетельствуют о широком размахе работ, ведущихся в центре и в тюркоязычных республиках по общим вопросам тюркологии, по конкретным тюркским языкам и по изучению персонального состава деятелей тюркологической науки и просвещения. К этому следует добавить, теперь уже хорошо поставленную и успешно ведущуюся, текущую библиографию — книжные летописи, летопись статей и рецензий книжных палат и особенно бюллетени, издаваемые Институтом научной информации по общественным

наукам Академии наук СССР и содержащие квалифицированную информацию о новой советской и иностранной литературе по тюркскому языкознанию, а также ведомственные и узкоотраслевые библиографии и итоговые обзоры.

* * *

Советское тюркское языкознание за шестьдесят лет своей истории приобрело ценный опыт в области теории и практики. От частных, аналитических работ к созданию крупных фундаментальных монографий—таков итог пути, пройденного советской тюркологией, значительная часть которого характеризуется нарастающим историзмом исследований.

XXVI съезд КПСС поставил задачу неуклонного повышения эффективности и качества работы для всех звеньев хозяйственной, культурной и научной деятельности. Для тюркского языкознания это означает дальнейшее развитие исторических, типологических и ареальных исследований, применение новых, более строгих методов и приемов научного анализа, соблюдение системности, учет семантики, непрерывное обогащение опытом теоретического языкознания.

М. З. ЗАКИЕВ

ТЮРКСКИЕ ЯЗЫКИ В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ*

1. Шестидесятилетие образования Союза Советских Социалистических Республик — это великий праздник нерушимой дружбы и братского сотрудничества народов нашей страны, торжества ленинской национальной политики, последовательно проводимой Коммунистической партией Советского Союза. О торжестве ленинской национальной политики КПСС убедительно свидетельствует монолитное морально-политическое единство советских людей, образовавших новую историческую общность — советский народ.

История еще не знала столь полного совпадения материальных и духовных интересов и целей, стремлений и действий десятков наций, народов и народностей, какое сложилось и утвердилось в нашей стране. Как отмечается в Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования СССР»: «На собственном опыте народы Страны Советов убедились: сплочение в едином союзе умножает их силы, ускоряет социально-экономическое развитие. Мы вправе гордиться тем, что в общем строю с трудящимися всех наций страны народы бывших национальных окраин, обреченные прежде на вековую отсталость, уверенно шагнули в социалистическое будущее, минуя капитализм, и достигли высот социального прогресса. В совместной борьбе за новый, справедливый мир возникли великое братство людей труда, чувство семьи единой, сложилась нерушимая ленинская дружба народов — неисчерпаемые источники созидательного творчества масс»¹.

2. Исторические достижения советского народа стали возможны благодаря проводимой Коммунистической партией политике по интернациональному воспитанию многонационального общества нашей страны. Исторически сложилось так, что Россия издавна являлась многонациональным государством. Но до Великого Октября царское правительство, угнетавшее все народы государства, включая и русский народ, преследовало политику лишения нацменьшинств самых элементарных политических и гражданских прав и свобод. Намеренно задерживалось функциональное развитие их языков. Из более чем ста языков лишь

* В основу данной и двух последующих статей положены доклады их авторов на Восьмом пленарном заседании Советского комитета тюркологов, посвященном 60-летию СССР, состоявшемся в Москве 9—10 марта с. г.

¹ «Правда» от 21 февраля 1982 г.

около двадцати в той или иной мере функционировали в письменной форме. Но и они, за исключением пяти-шести, не имели твердых научно разработанных орфографических и орфоэпических норм. Разумеется, народы, не имевшие письменности, были сплошь неграмотными, а при наличии письменности не могли на ее основе выработать функционально полноценный литературный язык, ибо для этого не было соответствующих политических и экономических условий. Неграмотными оставались и многомиллионные массы русского народа, причем наиболее низкий уровень грамотности был на окраинах царской России. По данным переписи 1897 года грамотным было от одного до шести процентов тюркоязычного населения. «Через 10 лет, к 1906 г., грамотность по России в целом возросла на 4%, на Кавказе — только на 1%, а в Средней Азии — на 0,4%. Можно подсчитать, что при таком росте образования достичь общей грамотности в Европейской России можно было через 120 лет, на Кавказе — через 430 лет, а в Средней Азии — через 4600 лет»².

Родные языки нерусских народов не могли функционировать ни в официальных и деловых сферах жизни, ни в государственных или общественных учреждениях. Русский язык, как язык государственный, был обязателен для всех народов Российской империи.

В условиях царившего до революции неравенства и национальной розни В. И. Лениным была разработана национальная политика Коммунистической партии, составной частью которой является учение о методах языкового общения в многонациональном государстве. При этом В. И. Ленин исходил из того, что в многонациональном и многоязычном государстве обязательно наличие языка межнационального общения. В то же время каждый национальный язык должен пользоваться всеми правами средства общения во всех сферах внутринациональной жизни. В. И. Ленин учил, что язык межнационального общения нельзя навязывать насильственно, он должен быть добровольно принят каждым народом многонациональной страны. В этой связи он писал: «...Потребности экономического оборота всегда заставляют живущие в одном государстве национальности (пока они захотят жить вместе) изучать язык большинства. Чем демократичнее будет строй России..., тем настоятельнее потребности экономического оборота будут толкать разные национальности к изучению языка, наиболее удобного для общих торговых сношений»³.

После Великого Октября таким межнациональным средством общения стал русский язык, в силу исторически сложившихся обстоятельств уже имевший определенные традиции в данном отношении и несший всем трудящимся страны современные знания, передовые идеи и культуру. Высокий авторитет русского языка был подтвержден тем, что именно русский пролетариат выступил ведущей силой революции и сплотил все народы в борьбе за свержение царского самодержавия, за построение нового бесклассового общества. Русский язык, издавна широко использовавшийся во всех сферах общественной жизни, богатый выразительными средствами, с огромным запасом лексико-фразеологических средств для выражения самых разнообразных понятий, что сделало его в полном смысле слова великим и могучим, стал образцом для других национальных языков, получивших после Октября и особенно после образования СССР реальную возможность функционировать во всех сферах внутринациональной жизни.

² В. В. Иванов. Русский язык в жизни народов и языков Советского Союза. — «Вопросы языкознания», 1978, № 3, стр. 4.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 423.

За годы Советской власти национальные языки в нашей стране достигли подлинного расцвета. Этому во многом способствовал взятый Коммунистической партией и Советским правительством курс на полную ликвидацию неграмотности народов, населяющих СССР. Таким образом, для совершения в нашей стране подлинно исторической культурной революции понадобились не тысячелетия или столетия, а всего несколько десятилетий. Языки всех наций и народностей получили письменность, все старописьменные национальные литературные языки прошли стадию подлинной демократизации, младописьменные языки в процессе функционирования выработали на основе общенародных норм свои литературные варианты. При этом выработывались и совершенствовались также стилистические системы и выразительные средства национальных литературных языков.

3. В условиях расцвета национальных языков и их взаимодействия с языком межнационального общения — русским языком, сложилось и получило значительное развитие национально-русское двуязычие. Если по данным переписи 1970 года только 17 процентов нерусского населения, то есть каждый шестой его представитель, свободно владел русским языком, то в переписи 1979 года этот показатель достиг 23,4 процента, то есть им владел уже каждый четвертый. Если прибавить сюда и тех, кто овладел русским языком не в совершенстве, то нетрудно представить себе, какой размах приобрело в стране национально-русское двуязычие.

Остановимся подробнее на развитии двуязычия среди тюркоязычных народов СССР, которые, как известно, по численности занимают в нашей стране второе место после славяноязычных. Тюркские языки являются официальными родными языками пяти союзных республик (Азербайджанской, Казахской, Киргизской, Туркменской и Узбекской ССР), шести автономных республик (Башкирской, Каракалпакской, Татарской, Тувинской, Чувашской и Якутской АССР), частично двух автономных республик (Дагестанской — кумыкский, ногайский языки и Кабардино-Балкарской — балкарский язык), трех автономных областей (Горно-Алтайской, Хакасской, Карачаево-Черкесской — карачаево-балкарский язык).

Степень активности тюркско-русского двуязычия и его рост в семидесятые годы ясно видны из таблицы 1⁴ (см. стр. 31).

Как видно из таблицы, по данным переписи 1970 года русским языком свободно владели 44,7 процента представителей тюркоязычных народов, в 1979 году этот показатель достиг 57,2 процента, прирост за десять лет, таким образом, составляет 12,5 процента, а в среднем за год — 1,2 процента. Следует отметить, что уровень национально-русского двуязычия и темпы его роста у тюркоязычных народов наиболее высокие. Так, среди славяноязычных народов (украинцев и белорусов) процент свободно владеющих русским языком в 1970 году равнялся 48, в 1979 году — 55; за десять лет прирост овладевших русским языком составил 7 процентов. Среди финно-угорских народов свободно владеющих русским языком в 1970 году было 50,3 процента, в 1979 году — 50,6 процента, прирост за последние десять лет составил всего 0,3 процента. У грузин эти показатели соответственно равны: 21,3% — в 1970 году, 26,7% — в 1979 году, прирост — 5,4 процента. Наконец, если взять в целом, то среди нерусских народов СССР свободно владеющих русским языком в

⁴ Сведения приводятся по книге «Население СССР по данным всесоюзной переписи населения 1979 года»; М., 1980, стр. 23—26. (Здесь для сравнения указывается удельный вес лиц, считающих родным свой национальный язык и свободно владеющих некоторыми другими языками народов СССР).

1970 году было 17,3, а в 1979 году — 23,4 процента; прирост составляет 6,1%.

Самый высокий процент свободно владеющих русским языком как языком межнационального общения отмечается у балкарцев (77,4), ногайцев (75,6), карачаевцев (75,5), кумыков (72,6), татар (68,9), алтайцев (68,7), хакасов (68,3), гагаузов (68,0), чувашей (64,8), самый низкий — у туркмен (25,4), киргизов (29,4), азербайджанцев (29,5). Самый высокий темп роста национально-русского двуязычия за десять лет отмечается у узбеков (34,8%), каракалпаков (34,7), турок (24,0); можно отметить высокий темп роста двуязычия у тувинцев (20,3), уйгуров (16,5), кумыков (15,2), якутов (13,9), алтайцев (13,8), азербайджанцев (12,9), башкир (11,6), казахов (10,5), киргизов (10,3), туркмен (10,0).

Таким образом, среди тюркоязычных народов с средним более чем каждый второй свободно владеет русским языком.

Таблица 1

Национальности	Считают родным язык своей нации (в %)		Свободно владеют языками народов СССР (в %)				
	1970	1979	русским		другими		
			1970	1979	рост за 10 лет	1970	1979
Все население СССР	93,9	93,1	17,3	23,4	6,1	4,2	4,7
Узбеки	98,6	98,5	14,5	49,3	34,8	3,3	2,8
Казахи	98,0	97,5	41,8	52,3	10,5	1,8	2,1
Татары	89,2	85,9	62,5	68,9	6,4	5,3	4,9
Азербайджанцы	98,2	97,9	16,6	29,5	12,9	2,5	2,0
Туркмены	98,9	98,7	15,4	25,4	10,0	1,3	1,6
Киргизы	98,8	97,9	19,1	29,4	10,3	3,3	4,1
Чуваши	86,9	81,7	58,4	64,8	6,4	5,5	5,5
Башкиры	66,2	67,0	53,3	64,9	11,6	2,6	2,8
Якуты	96,3	96,3	41,7	55,6	13,9	1,1	1,1
Каракалпаки	96,6	95,9	10,4	45,1	34,7	3,6	10,8
Кумыки	98,4	98,2	57,4	72,6	15,2	1,2	0,8
Уйгуры	88,5	86,1	35,5	52,1	16,5	9,5	9,0
Гагаузы	93,6	89,3	63,3	68,0	4,7	8,6	7,3
Тувинцы	98,7	98,8	38,9	59,2	20,3	0,4	0,2
Карачаевцы	98,1	97,7	67,6	75,5	7,9	1,2	0,9
Турки	92,3	84,7	22,4	46,4	24,0	31,2	22,3
Хакасы	83,7	80,9	65,5	68,3	2,8	3,4	3,0
Балкарцы	97,2	96,9	71,5	77,4	5,9	2,5	1,4
Алтайцы	87,2	86,4	54,9	68,7	13,8	3,2	2,4
Ногайцы	89,8	90,3	68,5	75,6	7,1	1,1	1,4
Шорцы	73,5	61,2	59,8	52,6	- 7,2	5,9	6,3
В среднем (тюркоязычные)	91,8	89,8	44,7	57,2	12,5	4,7	4,4

4. Активное и прогрессирующее двуязычие значительно ускорило процесс взаимодействия и взаимообогащения национальных языков. В основе этого процесса, безусловно, лежат взаимодействие и взаимообогащение материальных и духовных культур народов СССР. Исследованием данного исторического процесса поэтому занимаются как обществоведы, так и лингвисты.

Теоретические вопросы взаимодействия и взаимообогащения культур и языков народов СССР изучаются обычно как единая проблема⁵.

⁵ Основная библиография и выводы по этим проблемам даны в книгах: «Современные этнические процессы в СССР», М., 1977; «Национальные отношения в развитии социалистического общества», М., 1977.

В грандиозном процессе взаимодействия и взаимообогащения культур и языков народов СССР неопределима роль великого русского языка как средства межнационального общения. В Постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик» подчеркивается: «Русский язык, добровольно принятый советскими людьми в качестве языка межнационального общения, стал важным фактором укрепления социально-политического и идейного единства советского народа, развития и взаимообогащения национальных культур. Он открыл всем нашим народам широкий доступ к духовным богатствам мировой цивилизации. Каждый советский гражданин, говоря ленинскими словами, имеет возможность научиться великому русскому языку. Ныне 82 процента населения страны свободно владеет им»⁶.

Поскольку на русском языке как языке межнационального общения говорят и носители других языков и на него переводится самая разнообразная литература с национальных языков, постольку и сам русский язык не может не испытывать на себе влияния этих языков. Отмечая влияние национальных языков на русский, некоторые видные языковеды страны указывают на образование региональных национальных вариантов русского разговорного языка. Действительно, сейчас наблюдается ясно выраженный грузинский вариант русской речи. Можно говорить также об украинском и среднеазиатском вариантах. Реальное существование национальных вариантов языка межнационального общения на уровне речи, естественно, ставит вопрос о необходимости их изучения. Н. М. Шанский, например, говоря о существовании указанных национальных вариантов русской речи, призывает изучать их, а также разработать методы совершенствования в таких условиях культуры русской и национальной речи. Н. М. Шанский и Т. А. Боброва считают, что сложившаяся языковая ситуация изменяет русский язык не только функционально, но и лингвистически и призывают русистов, занимающихся исследованием русского языка как средства межнационального общения, к изучению заимствований в русский язык из языков народов СССР, а также конкретных национальных вариантов русского языка. Все это органически связано с глубоким исследованием условий функционирования русского языка, всесторонним анализом взаимодействия русского языка и языков народов СССР, изучением вопросов культуры речи в национальных республиках⁷.

Не вполне соглашаясь с данным утверждением, В. В. Иванов отмечает, что, действительно, в узусе, в реальном сегодняшнем функционировании русская речь нерусских характеризуется определенными чертами, позволяющими установить, что для того или иного говорящего русский язык не является родным. При этом, уточняя, свою мысль, он пишет, что нет «„национальных вариантов“ русского литературного языка — есть нарушение его норм, разная степень владения русским литературным языком, есть интерференция родных языков говорящих, есть проблема преодоления этой интерференции, есть проблема культуры русской речи, которая должна стоять в центре внимания русистов»⁸.

Для изучения всех проблем функционирования русского языка как средства межнационального общения в условиях двуязычия во всех

⁶ «Правда» от 21 февраля 1982 г.

⁷ Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. Актуальные вопросы изучения русского языка как языка межнационального общения народов СССР. — В журн. «Русский язык в армянской школе», Ереван, 1980, № 3.

⁸ В. В. Иванов. Некоторые вопросы изучения русского языка как средства межнационального общения народов СССР. — «Вопросы языкознания», 1981, № 4, стр. 8.

лингвистических учреждениях академий наук союзных республик и филиалов Академии наук СССР созданы (или создаются) секторы, отделы, группы русского языка или координационные советы, работающие в тесном контакте с Институтом русского языка Академии наук СССР и республиканскими научными учреждениями и вузами, занимающимися вопросами изучения и преподавания русского языка.

Что касается проблемы влияния тюркских языков на русский, то она имеет свою долгую и сложную историю. И в наши дни этот процесс продолжается. Достаточно сослаться на результаты исследований Н. А. Баскакова и Е. Н. Шиповой⁹, а также других ученых¹⁰.

5. Для раскрытия темы «Тюркские языки в семье единой» особое значение имеет освещение основных проблем влияния русского языка как средства межнационального общения на тюркские языки. Это влияние восходит еще к периоду языковых контактов славян с гуннами, булгарами, хазарами, печенегами и половцами. Известно, что в условиях феодализма общение между представителями разноязычных народов не было достаточно развито. В эпоху капиталистического производства в результате расширения миграции и активизации общения населения влияние русского языка на тюркские народно-разговорные языки значительно усилилось, однако, противясь насильственной русификаторской политике царского правительства, тюркоязычная националистически настроенная интеллигенция всячески препятствовала распространению влияния русского языка на тюркские письменно-литературные нормы.

После Великой Октябрьской социалистической революции и образования Союза Советских Социалистических Республик, тюркско-русское двуязычие стало приобретать подлинно общенародный характер, и влияние русского языка на тюркские как народно-разговорные, так и литературные языки стало общественной необходимостью, естественной потребностью успешного политического, экономического и культурного развития самих тюркоязычных народов.

Остановимся на основных направлениях влияния русского языка на тюркские и вытекающих из этой проблемы задачах, стоящих перед тюркологами, занимающимися вопросами развития литературных языков в советский период.

5.1. Прежде всего следует отметить, что русский язык для тюркоязычных народов служил образцом при создании норм национального литературного языка. Об успешном функциональном и структурном развитии литературных тюркских языков в советский период говорится в коллективной статье С. К. Кенесбаева, Б. Ч. Чарыярова, А. Турсунова, Ш. Ш. Шаабдурахманова, М. Ш. Ширалиева «Развитие тюркских языков СССР в советскую эпоху»¹¹, а также в статье Ю. Д. Дешериева и С. К. Кенесбаева «Социолингвистический анализ функционирования и развития тюркских языков в зрелом социалистическом обществе»¹².

⁹ Е. Н. Шипова. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976; Н. А. Баскаков. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979.

¹⁰ «Библиография основной отечественной литературы по изучению ориентализма в восточнославянских языках». Составили И. Г. Добродомов, Г. Я. Ромачюл. — В кн.: К. Г. Менгес. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве», Л., 1979, стр. 211—238; Р. А. Юсупов. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980; З. С. Шеломенцева. Взаимодействие русского и тюркских языков. Краснод.: 1980.

¹¹ «Проблемы современной тюркологии». Материалы II Всесоюзной тюркологической конференции (27—29 сентября 1976), Алма-Ата, 1980, стр. 24—34.

¹² Там же, стр. 71—79.

Данная проблема в той или иной степени освещена и в многочисленных трудах других тюркологов.

Как известно, в первые годы после Великого Октября национальные литературные тюркские языки формировались и развивались в условиях ожесточенной борьбы, с одной стороны, с архаистами, стремившимися под предлогом сохранения многовековых национальных традиций оставить неприкосновенными устаревшие нормы старотюркского языка и соглашавшимися на их изменение лишь на его основе; с другой стороны, с пролеткультовцами, призывавшими отбросить старый, по их определению «буржуазный», язык и создать совершенно новый «пролетарский». В этой борьбе верх одержало самое жизненное, демократическое направление, опиравшееся на марксистско-ленинское учение о развитии социалистической культуры и в том числе языков социалистических наций. Литературные нормы языков социалистических наций получили дальнейшее развитие на основе принципа приближения к нормам общенародной разговорной речи, существовавшим в виде городских, иногда и сельских койне, а также на базе наиболее демократических норм старых литературных языков. По мере дальнейшего развития литературные языки социалистических наций обогащались и за счет общенародных, порой диалектных, элементов, переработки устоявшихся норм старописьменных языков, особенно в части художественно-образительных средств, а также за счет инноваций, неизбежно и постоянно возникающих при повседневном функционировании литературного языка во всех основных сферах общественной жизни. Этот сложный процесс, который проходили тюркские языки в несколько ускоренной форме во многом повторяли исторический путь, пройденный русским языком. Известно, что все языки функционируют в сходных в главном общественных условиях, служат одной и той же цели, выполняют одни и те же функции. Кроме того, как национальные писатели, так и ученые, занимающиеся исследованием национальных языков, владея русским языком и будучи знакомы со всеми основными процессами развития русского языка, всегда стремились использовать положительный опыт русского языкового строительства. Как русские, так и национальные деятели культуры писали с расчетом на самые широкие массы и при этом старались приблизить нормы литературного языка к нормам общенародного. С другой стороны, обучение молодого поколения в школах на родном литературном языке постепенно способствовало приближению общенародных норм к литературным. Таким образом, в области языкового строительства в СССР происходили и продолжают глубокие демократические процессы. Справедливо оценивая роль русского языка в формировании и развитии литературных норм и стилистических систем национальных языков, В. В. Иванов пишет: «... Под влиянием русского языка в национальных языках интенсифицируются процессы, которые характерны для языкового развития современного общества... Под влиянием развитой русской литературной стилистической системы многие литературные языки народов СССР выработали и развили такие структурно-функциональные стили, как научный, публицистический, официально-деловой. Развитие стилевой полифункциональности в национальных литературных языках народов СССР, опирающейся на принципы использования языковых средств, выработанные в русском языке, это свидетельство обогащения и развития национальных языков, а тем самым и национальных культур»¹³.

¹³ В. В. Иванов. Язык единства, сотрудничества, дружбы и братства народов СССР. — «Русский язык в школе», 1981, № 11, стр. 17.

Глубинные процессы влияния русского языка на тюркский изучены пока еще недостаточно. Перед тюркологами стоят большие и ответственные задачи по исследованию этой многогранной проблемы.

5.2. Влияние русского языка на национальные, в том числе и тюркские языки; оказывается и посредством калькирования. Как известно, влияние калькирования русских слов, фразеологизмов и синтаксических оборотов на тюркские языки и их литературные нормы в основном изучено и расценивается как благотворный результат тюркско-русского двуязычия.

При семантическом калькировании существующему в лексике слову придается новое значение, соответствующее русскому образцу. Этот процесс является важным источником обогащения словарного состава тюркских языков. Он изучался почти всеми тюркскими лексикологами, однако фронтальный сбор семантических калек и фиксирование их в тюркско-русских и толковых словарях тюркских языков не были осуществлены лексикографами. В словарях любого тюркского языка можно обнаружить много исконных или уже давно известных слов, употребляющихся в новом значении по образцу русских слов. Семантическое калькирование с русского языка особенно часто имеет место в тюркских языках при образовании научных терминов, например, тат. *фикерләү* 'мышление', *яшәеш* 'бытие', *түгәрәк* 'кружок', *бердәйлек* 'тождество', *суыткыч* 'холодильник', *төш* 'ядро', *умырткалылар* 'позвоночные', *чимал* 'сырье', *тамыр* 'корень', *озынлык* 'долгота', *мәгънә* 'значение', *күчеш* 'переход', *яңгыраш* 'звучание' и т. д.

При структурном калькировании из исконных или уже давно заимствованных слов или морфем образуются структурные единицы, копирующие структуру и значение соответствующих единиц русского языка. В исследованиях выделяются следующие структурные кальки: словообразовательные, фразеологические и синтаксические.

Главное назначение словообразовательных русских калек в тюркских языках, хотя они и встречаются почти во всех пластах тюркской лексики, это — образование новых терминов. Например, тат. *үзкыймәт* 'себестоимость', *өскорма* 'надстройка', *өчпочмак* 'треугольник', *суусем* 'водоросль', *ярымшар* 'полушарие', *су үткәргеч* 'водопровод', *тел гыйлеме* 'языкознание', *үзмаксат* 'самоцель', *шәһәрара* 'междугородный', *автозчергеч* 'автопомпка', *ярымэйләнә* 'полуокружность', *ярымфинал* 'полуфинал' и т. д.

Широкое распространение тюркско-русского двуязычия привело еще и к тому, что как в повседневной речи, так и в литературном языке появилась масса буквальных переводов (калек) русских фразеологических единиц. Например, в тат. *ургак тел табу* 'находить общий язык', *ярдәм кулы сузу* 'протянуть руку помощи', *икенче яшьлеген кичеру* 'переживать вторую молодость', *А дигән келле Б ны да әйтергә тиеш* 'кто сказал А, должен сказать и Б', *каләм белән язганны балта белән ючып ташлап булмый* 'что писано пером, то не вырубишь топором' и т. д. Следует отметить, что тюркские фразеологические структурные кальки с русского языка еще не стали предметом специального изучения, между тем здесь имеется богатый материал для исследования особенностей взаимовлияния языков, а следовательно, и культуры народов СССР.

Синтаксические кальки с русского языка изучены довольно хорошо, однако иногда результаты влияния особенностей тюркской разговорной речи на литературные синтаксические нормы ошибочно принимаются за русские синтаксические кальки. Например, нарушение привычного для письменной речи порядка слов, появление присоединительных конструк-

ций в тюркских языках иногда принимаются за синтаксические кальки с русского языка. В действительности же их появление в письменной речи является результатом проникновения в нее порядка слов, практикующегося в разговорной речи. И в этом, безусловно, сказывается положительное влияние русского языка, но не прямое, а косвенное, ибо тюркские письменные языки вслед за русским, по его примеру, проходят процесс дальнейшей демократизации и все больше приближаются к собственным устоявшимся разговорным общенародным нормам.

Вместе с тем в тюркские литературные языки постепенно входят, в основном через язык персонажей художественных произведений, и скалькированные с русского языка синтаксические конструкции¹⁴. В тюркских языках в настоящее время наряду с традиционными изафетными конструкциями стали обычными и скалькированные с русского языка синтаксические конструкции с прилагательными. Например, в тат. *ленин партиясе* и *ленинчыл партия*, *экономик политика*. Подобные конструкции особенно употребительны в казахском и киргизском языках: *финансалык жыл* 'финансовый год', *арендалык негіз* 'арендная основа' и т. д.

Различные виды калькирования с русского языка во многих тюркских языках пока еще фронтально не изучены. Уже настало время создания сравнительных исследований русских калек в тюркских, а также во всех национальных языках народов СССР. Это даст возможность раскрыть внутренние механизмы образования огромного советского языкового союза¹⁵.

5.3. Всесторонне и тщательно изученной областью благотворного влияния русского языка на тюркские языки являются заимствования. Но некоторые вопросы в данной области все же требуют разъяснения.

Иногда высказывается мысль о том, что русские заимствования, ставшие в результате развития двуязычия массовыми, особенно в области терминологии, ведут якобы не к обогащению и развитию тюркских языков, а к утрате ими своей самобытности, а затем и к постепенному их отмиранию, или полному исчезновению. Между тем известно, что история языков не знает ни одного факта отмирания языка в результате заимствования иноязычных слов. В действительности язык отмирает лишь тогда, когда он перестает быть средством общения. Необходимые и оправданные заимствования лишь способствуют лучшему выполнению языком этой своей главной функции.

Все исследователи русских заимствований в тюркских языках единодушно считают, что для обозначения нового понятия, уже существующего в русском языке, сначала необходимо искать в национальном языке исконное слово с близким значением; при отсутствии такового должно быть образовано новое слово из известных собственно тюркских корней, то есть произведена калька с русского языка, и только в том случае, когда и этот вариант невозможен, допустимо прямое заимствование из русского языка.

И все же в тюркских языках прямых заимствований несравненно больше, чем семантически и структурно скалькированных. Кроме того, необходимо иметь в виду, что в условиях развитого двуязычия, когда большинство тюркоязычного населения владеет русским языком, скалькированные слова, хотя и понятны населению, но часто считаются им официальными «книжными» словами, предназначенными лишь для употребления в письменном литературном языке, в разговорной же речи

¹⁴ Ф. С. Сафиуллина. Синтаксис татарской разговорной речи. Казань, 1978, стр. 182.

¹⁵ Р. А. Юсупов. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань, 1980, стр. 60.

многие из них заменяются русскими заимствованиями. На наш взгляд, в современных условиях, когда литературные нормы тюркских языков достаточно устоялись, для их большей жизнеспособности, в правилах заимствования должно быть предусмотрено положение о том, что новые общие советизмы и интернациональные слова, закрепившиеся в русском языке, в тюркские литературные языки (равно как и в другие национальные языки) необходимо заимствовать без изменений, как это делается в разговорной речи части нерусского населения, пользующегося одновременно и родным, и русским языками. Калькирование новых общих советизмов и интернациональных слов может привести к отрыву литературного языка от общенародных разговорных норм. И в этом отношении примером для тюркских языков должен служить русский язык, в котором подавляющее большинство неологизмов состоит из интернациональных слов, образованных на греческой и латинской основах¹⁶.

Необходимы сравнительные исследования заимствований в тюркских и других национальных языках с тем, чтобы выявить состояние и перспективы образования общего лексического фонда в языках определенного региона или в целом в языках народов СССР. Необходимо также показать роль и значение русского языка в распространении так называемых «советизмов», которые состоят не только из русских слов, но достаточно часто и из слов языков других народов СССР, вошедших во многие языки через русский язык, а также и в распространении интернациональных слов. Очень важно при этом исследовать общий лексический фонд, возникший в результате постоянного процесса взаимовлияния и взаимообогащения материальной и духовной культуры народов СССР, иначе говоря, процесса всестороннего сближения наций и народов в эпоху развитого социализма.

Проблемы и задачи изучения влияния русского языка на национальные (в том числе и тюркские) языки наглядно представлены на таблице 2.

Таблица 2

Пути создания литературных норм и стилистической системы.	Калькирование: 1) семантическое, 2) структурное: а) словообразовательное, б) фразеологическое, в) синтаксическое.	Заимствование слов
Роль русского языка в образовании новых и демократизации существующих литературных норм.	Пути образования языковых союзов: 1) региональных, 2) советского.	1) Пути и перспективы образования общего советского и интернационального лексического фонда; 2) общий лексический фонд как результат закрепления в языке процесса сближения наций в СССР.

6. Опыт языкового строительства в СССР, в частности опыт развития литературных языков тюркоязычных народов СССР, имеет огромное международное значение, ибо является частью успешного решения национальной проблемы в целом.

¹⁶ Этот процесс обогащения русского языка осуществляется сознательно и является полностью оправданным и продуктивным. Об этом см.: «Интернациональные элементы в лексике и терминологии», Харьков, 1980, стр. 208.

«По пути, проложенному Великим Октябрем, — отмечается в Постановлении ЦК КПСС „О 60-й годовщине образования Союза Советских Социалистических Республик“, — вместе с народами Союза СССР идут сегодня сотни миллионов людей в разных странах Европы, Азии, Африки, Латинской Америки. Нет и не может быть дороги к социализму в обход общих закономерностей, открытых марксизмом-ленинизмом, подтвержденных опытом СССР, стран реального социализма, интернациональной практикой революционной борьбы и социалистического созидания, как не может быть успешного продвижения по этому пути без всестороннего учета национальных особенностей каждой страны»¹⁷.

¹⁷ «Правда» от 21 февраля 1982 г.

М. Ш. ШИРАЛИЕВ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Азербайджанский язык — родной язык двадцатимиллионного народа, проживающего как в нашей стране, так и за ее пределами, — государственный язык республики, на протяжении всей своей многовековой истории развивался и обогащался, сохраняя системно-структурную самобытность и функционируя не только в среде его прямых носителей, но и являясь средством общения многочисленных народностей Кавказа. Ныне на азербайджанском языке ведется обучение в школах и вузах республики. Им пользуются средства массовой информации (печать, радио и телевидение, кино, театр и т. д.), на нем публикуются политическая и художественная литература, публицистика, научные исследования, ведется делопроизводство, издается учебно-педагогическая литература. В советскую эпоху сформировался и развился ряд функциональных стилей современного азербайджанского литературного языка, характеризующегося кодифицированным грамматическим строем, богатым словарным составом, многообразием и гибкостью словообразовательных, лексико-фразеологических и синтаксических средств.

Успешному развитию азербайджанского языкознания в советское время во многом способствовала организация в начале двадцатых годов Азербайджанского государственного университета, а также создание «Общества по обследованию и изучению Азербайджана» с привлечением в качестве сотрудников крупных ученых-лингвистов (Н. И. Ашмарина, Б. Чобанзаде и других), возглавивших работу по сбору словарных материалов, составлению учебников азербайджанского языка, переводу азербайджанской письменности на латинскую, а в дальнейшем — на русскую графику.

Разработка принципов орфографии и терминоворчества, подготовка и издание двуязычных и терминологических словарей, а также введение в гуманитарных вузах специальных дисциплин по азербайджанскому языкознанию — все это подготовило базу для открытия в 1945 году Института языка Академии наук Азербайджанской ССР, что способствовало дальнейшему развитию азербайджанского языкознания. К этому времени были достигнуты значительные результаты в описании грамматического строя и лексики современного азербайджанского литературного языка, в изучении истории азербайджанского языка, его диалектов и говоров, в создании различных типов словарей.

В 1951 году Институт языка был объединен с Институтом литературы им. Низами, однако такое организационное объединение языковедов и литературоведов в рамках единого академического учреждения не

дало и не могло дать ожидаемых результатов. Поэтому в 1969 году вновь произошло разделение на два самостоятельных научно-исследовательских учреждения — Институт литературы им. Низами и Институт языкознания им. Насими, что благоприятно сказалось на развитии всех отраслей азербайджанского языкознания.

В 1970 году, с целью изучения живых процессов, протекающих в современном азербайджанском литературном языке и оказания практической помощи учреждениям и организациям, широко использующим письменную и устную формы литературного языка в повседневной работе, а также для разработки вопросов функциональных стилей (языка печати, радиовещания и телевидения, сценической речи и т. д.) в Институте языкознания был открыт отдел культуры речи, а в 1971 году — отдел сравнительного изучения тюркских языков. В 1977 году был создан отдел русского языка, в задачи которого входит изучение вопросов, связанных с функционированием русского языка как языка межнационального общения в условиях азербайджанско-русского двуязычия, а также изучение взаимодействия и взаимообогащения азербайджанского и русского языков, проблем лингводидактики, разносистемно-языковой типологии и т. д. В 1979 году в Институте был открыт также отдел истории дописьменного периода азербайджанского языка.

Институт языкознания им. Насими координирует разработку лингвистической проблематики в республике, при нем создан и функционирует Координационный совет по комплексной проблеме «Закономерности функционирования и развития языков». В состав совета входят заведующие отделами института, заведующие языковедческими кафедрами Азгосуниверситета и пединститутов республики.

В Институте языкознания и на языковедческих кафедрах вузов республики разрабатываются проблемы современного азербайджанского литературного языка, истории литературного языка, диалектологии, истории азербайджанского языка дописьменного периода, лексикографии, сравнительного изучения тюркских языков юго-западной группы, а также темы, связанные с русским языком, культурой речи, исследованием лексико-грамматического строя азербайджанского языка.

Итогом большой научно-исследовательской работы по изучению и описанию грамматического строя современного азербайджанского языка является подготовка к печати трехтомника «Современный азербайджанский язык». Все три тома, включающие фонетику, лексику, морфологию и синтаксис, уже изданы. В 1971 году впервые на русском языке была издана «Грамматика азербайджанского языка», а в 1977 году вышел «Самоучитель азербайджанского языка» для лиц, говорящих на русском языке. Сдана в печать коллективная работа «Семасиология азербайджанского языка». Завершено важное исследование «Научные основы грамматики азербайджанского языка». В 1980 году была подготовлена монография «Стилистика азербайджанского языка», посвященная лексико-грамматическим особенностям основных функциональных стилей современного азербайджанского литературного языка. Этой работе предшествовало издание в 1970 году «Стилистики азербайджанского художественного языка».

Изучением отдельных проблем фонетики, лексики и грамматики современного азербайджанского языка занимались и вузы республики. Изданный в начале семидесятых годов четырехтомник «Современный азербайджанский язык» был в 1974 году удостоен республиканской государственной премии. В республике были изданы на азербайджанском языке учебники: «Сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке» (1974), «Система фонем азербайджанского языка» (1973), «Се-

маснология азербайджанского языка» (1979), «Синтаксис устной речи» (1975), «Интонация в азербайджанском языке» (1978), «Подражательные слова в азербайджанском языке» (1979) и др.

Несмотря на большое количество исследовательских работ, ряд существенных вопросов грамматики современного азербайджанского языка продолжает оставаться неизученным. Так, нуждаются в более глубоком исследовании некоторые служебные части речи, сложные слова и сложные члены предложения, а также проблемы соотношения причастных оборотов и определительных словосочетаний, семантики придаточных предложений с союзными словами и с аффиксом условной модальности и др.

В области истории азербайджанского языка определились прежде всего два направления исследований: историческая грамматика и история литературного языка.

В отделе истории азербайджанского языка Института языкознания подготовлено коллективное исследование «История азербайджанского литературного языка» в 3-х томах, охватывающее период с XI века по советское время. Третий том, посвященный советскому времени, выходит из печати в 1983 году, первый и второй представлены к печати. Подготовлена также другая коллективная работа «Историческая грамматика азербайджанского языка» в объеме 40 авторских листов.

Научные исследования по истории языка выполнялись и в вузах республики. Языковедами Азгосуниверситета им. С. М. Кирова и Азербайджанского педагогического института им. В. И. Ленина издан ряд трудов: «Историческая фонетика азербайджанского языка» (1973), «История азербайджанского литературного языка» (1976), «Азербайджанский литературный язык в начале XX века» (1977), первая часть «Истории азербайджанского литературного языка», подготовленная покойным проф. А. М. Демирчизаде (1979) и др.

На восьмидесятые годы Институтым языкознания им. Насими запланировано составление многотомного исторического словаря азербайджанского языка на основе материалов письменных памятников азербайджанского языка XI—XX веков.

В стадии завершения находится монография, посвященная истории азербайджанского языка дописьменного периода. Исследования последних двух десятилетий показали, что история азербайджанского языка восходит не к XI веку, как прежде полагали историки языка, а по меньшей мере к IV—V векам, на что указывают, в частности, многочисленные азербайджанские лексико-грамматические элементы, зафиксированные в закавказских письменных источниках VIII—XIII веков, а также функционирующие в живых кавказских и иранских языках, находившихся в контакте с азербайджанским языком с древнейших времен. Кроме того, закавказские, сирийские, византийские и другие источники свидетельствуют о том, что в Азербайджане уже в первые века нашей эры компактно проживал целый ряд тюркоязычных этносов, в том числе кангары, савиры, хазары и др. Историками языка изучаются также лексические и грамматические элементы азербайджанского языка в арабских, персидских, византийских, армянских, грузинских и других источниках; древние азербайджанские слова и фразеологизмы, фонетические и грамматические формы азербайджанского языка, заимствованные в кавказские и иранские языки, контактировавшие с азербайджанским на всем протяжении истории, азербайджанские палеотопонимы и палеоантропонимы на территории Закавказья и Дагестана. Планируется также написание монографии «Древний период в истории азербайджанского языка».

Значительные успехи достигнуты Институтом языкознания в области изучения азербайджанской диалектологии. Созданы монографические исследования с использованием синхронических и диахронических методов анализа и описания, посвященные отдельным диалектам, в том числе: «Говоры азербайджанского языка на территории Дагестана», издан учебное пособие «Азербайджанская диалектология (морфология и синтаксис переходных говоров)» (1975). Сдана в печать обобщающая монография «Диалекты и говоры азербайджанского языка» на русском языке.

В центре внимания диалектологов находится и лингвистическая география. Впервые в истории изучения тюркских языков СССР диалектологи Института языкознания, широко используя методы лингвогеографии, создали в 1975 году «Диалектологический атлас азербайджанского языка» (120 карт с комментариями).

Много внимания уделяется диалектологами лексикографии. Завершено составление и редактирование трехтомного «Диалектологического словаря азербайджанского языка», в котором значения слов приводятся и на русском языке, что значительно расширяет круг его читателей.

Основная задача, которую предстоит решить азербайджанским диалектологам — это написание обобщающей капитальной коллективной монографии «Азербайджанская диалектология» и создание исторической диалектологии азербайджанского языка.

К числу значительных достижений азербайджанского советского языкознания относится интенсивное развитие лексикографии. В семидесятые годы вышло переработанное и дополненное издание трехтомного «Русско-азербайджанского словаря». Ранее были изданы первые два тома четырехтомного «Толкового словаря азербайджанского языка», третий том которого выйдет из печати в ближайшее время. Кроме того изданы двуязычные фразеологические однотомные азербайджанско-русский и русско-азербайджанский словари, словарь арабских и персидских слов в азербайджанском языке, словарь омонимов и др. Сдан в печать первый том трехтомного «Азербайджанско-русского словаря», подготовленный коллективом Азербайджанского педагогического института русского языка и литературы им. М. Ф. Ахундова. В настоящее время Институт языкознания работает над составлением «Словаря новых слов и выражений».

Сотрудниками института подготовлено к печати исследование по сравнительной морфологии тюркских языков юго-западной группы и ведется работа над сравнительным синтаксисом этой же группы языков. По завершении сравнительного описания всех языковых ярусов и уровней юго-западной группы тюркских языков будет начато сравнительное описание других групп тюркских языков.

Большое внимание стало уделяться институтом, особенно в последнее время, таким актуальным проблемам как особенности функционирования в республике русского языка — как языка межнационального общения; культура русской речи в условиях азербайджанско-русского двуязычия; лингвистические основы изучения русского языка азербайджанцами; сопоставительно-типологическое изучение русского и азербайджанского языков. Впервые на азербайджанском языке написана грамматика (фонетика и морфология) русского языка, завершены «Очерки по сопоставительной лексической семантике русского и азербайджанского языков». В настоящее время продолжается работа над разделами общесоюзных тем: «Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия» и «Русский синтаксис в сопоставлении с азербайджанским».

В области прикладного языкознания разрабатываются вопросы ав-

томатизации ряда лингвистических процедур, ведется статистическая обработка текстов, создаются частотные, обратные и другие виды словарей. Сданы в печать «Обратный словарь азербайджанского языка» и «Частотный словарь азербайджанского языка». Создаются автоматические функциональные модели азербайджанского языка в связи с проблемами машинного перевода.

Большое место в деятельности института занимают вопросы культуры речи. Прделана значительная работа по развитию и распространению культуры речи. Сотрудники института систематически выступают на страницах республиканской печати, по радио и телевидению с беседами и лекциями, посвященными культуре речи. В издательствах и редакциях проводятся встречи языковедов республики с работниками печати. В районах Азербайджана организуются выездные сессии языковедов, посвященные актуальным вопросам развития азербайджанского языкознания. В последние годы изданы три сборника под общим названием «Культура языка». Впервые подготовлен и сдан в печать «Орфоэпический словарь азербайджанского языка». В мае текущего года было проведено республиканское совещание по вопросам культуры речи.

Ближайшими задачами языковедов в области культуры речи являются разработка проблем нормативности и вариантности в различных функциональных стилях литературного языка, подготовка практических рекомендаций по устранению все еще встречающихся нарушений норм азербайджанского литературного языка в области фонетики, лексики, грамматики, стилистики. Особое внимание при этом будет уделено средствам массовой информации.

В настоящее время в Азербайджане работают около сорока докторов и свыше двухсот кандидатов наук языковедов. Ведущие азербайджанские языковеды имеют определенные заслуги и в области подготовки высококвалифицированных кадров лингвистов для других тюркоязычных республик. Достаточно отметить, что один из трех специализированных советов по защите докторских диссертаций по специальности «тюркские языки» функционирует в Баку при Институте языкознания им. Насими. Успешное развитие азербайджанского языкознания — убедительное и наглядное свидетельство торжества ленинской национальной политики, которая является залогом дальнейшего расцвета науки социалистического Азербайджана.

И. Х. АХМАТОВ, З. Х. ТОЛГУРОВ

ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

До Великой Октябрьской социалистической революции у карачаевцев и балкарцев не было письменности. Имевшийся алфавит, составленный на основе арабской графики, не отражал особенностей фонетического строя карачаево-балкарского языка и использовался лишь очень узким кругом людей, ибо население было поголовно неграмотным. Венгерский ученый В. Прёле, посетивший Карачай и Балкарию еще до революции и составивший очерки языка карачаевцев и балкарцев, писал, что «карачаево-балкарский язык ожидает незавидное будущее». Победа Советской власти, последовательное осуществление ленинской национальной политики открыло перед карачаевцами и балкарцами широкий путь к знанию, создало условия для расцвета национальной культуры. За короткий срок был создан алфавит на латинской основе, изданы первые учебники родного и русского языков, разработаны основы орфографии. Вместе с интенсивным развитием народного просвещения, высшего образования, началась большая работа по изучению карачаево-балкарского языка и устного народного творчества. Немалый вклад в подготовку национальных кадров языковедов внесли тюркологи Москвы, Ленинграда, других городов страны. Особенно большие заслуги в унификации алфавита, в научной разработке основ орфографии и грамматики карачаево-балкарского языка, а также в подготовке кадров языковедов в этот период принадлежат профессорам А. К. Боровкову и Н. К. Дмитриеву, а также У. Б. Алиеву и В. И. Филоненко.

В настоящее время вопросы карачаево-балкарской филологии исследуются в Кабардино-Балкарском и Карачаево-Черкесском научно-исследовательских институтах, а также в Кабардино-Балкарском госуниверситете и Карачаево-Черкесском госпединституте. В крупных научно-исследовательских учреждениях и вузах страны подготовлены высококвалифицированные национальные кадры по карачаево-балкарскому языкознанию и литературоведению.

Все это создало предпосылки к тому, чтобы, начиная с шестидесятых годов, в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии получила значительное развитие научно-исследовательская работа, расширилась ее проблематика. К настоящему времени уже создано много работ, написанных на основе анализа богатого фактического материала с учетом достижений современной тюркологии. В них ставятся и успешно решаются важные проблемы диалектологии, словарного состава, фонетического и грамматического строя карачаево-балкарского языка.

Вопросы фонетики карачаево-балкарского языка, например, интересовали почти всех исследователей этого языка еще с дореволюционных лет. Среди многочисленных работ, посвященных этой проблеме, особое место занимают труды А. Ж. Будаева¹ и Ж. М. Гузеева². В них определен состав фонем, дана наиболее полная характеристика фонетического строя языка. В книге Ж. М. Гузеева «Сопоставительная фонетика русского и карачаево-балкарского языков» (Нальчик, 1976) разработаны лингвистические основы обучения русскому произношению в балкарских и карачаевских школах.

Большая работа проведена и по изучению диалектов карачаево-балкарского языка. Еще в сороковые годы была организована лингвистическая экспедиция, результаты которой были обобщены в исследованиях отдельных лингвистов³. На основе материалов этой экспедиции была издана работа А. М. Аннаева «Диалекты балкарского языка в их отношении к балкарскому литературному языку» (1960). Вслед за ней Кабардино-Балкарский НИИ выпустил сборник «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» (1962), в котором нашли полное отражение результаты указанной экспедиции. Вышла из печати и монография Ш. Х. Акбаева «Фонетика диалектов карачаево-балкарского языка» (Черкесск, 1963). В отличие от своих предшественников, автор приводит наиболее полное научное описание диалектов и их фонетических особенностей. Существенные дополнения в эту тему вносят статьи Ж. М. Гузеева, посвященные особенностям цокающего диалекта карачаево-балкарского языка⁴. Особенности диалектов карачаево-балкарского языка освещены и в статье У. Б. Алиева «Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев»⁵.

Ряд исследований посвящен лексике карачаево-балкарского языка. В работе М. А. Хабичева «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа» (Черкесск, 1980) выявлены и описаны тюркизмы в абхазско-дыгском, мегрельском, осетинском и сванском языках, а также анализируются лексические заимствования из этих языков в карачаево-балкарский. Лексическому составу карачаево-балкарского языка посвящены «Очерки карачаево-балкарской лексикологии» (Черкесск, 1970) Х.-М. И. Хаджилаева. Лексика, связанная с названиями одежды, описана в монографии И. М. Отарова «Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка» (Нальчик, 1978). Актуальные вопросы лексикологии рассмотрены в монографическом исследовании Х. И. Суюнчева «Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели» (Черкесск, 1977). Созданы монографии по вопросам многозначности глагола⁶, земледельческой терминологии⁷ и фразеологии⁸. В ряде статей освещены многие частные вопросы карачаево-балкарской лексикологии⁹.

Значительная работа ведется и в области лексикографии. Изданы школьные словари, вышел из печати «Русско-балкарский политико-терминологический словарь» (Нальчик, 1961) созданный на материале языка периодики и политической литературы, сыгравший определенную роль в упорядочении общественно-политической терминологии. Особенно большое значение имело появление «Русско-карачаево-балкарского словаря» (М., 1965), включающего около 35 тысяч слов.

В последнее время заметно возрос интерес к топонимике. Наряду с работами исследовательского характера опубликованы «Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии» и «Балкарский топонимический словарь»¹⁰, в которых впервые предпринята попытка сплошной фиксации и толкования основных балкарских географических названий.

Сотрудниками Кабардино-Балкарского и Карачаево-Черкесского научно-исследовательских институтов ведется большая работа по сбору и систематизации лексики карачаево-балкарского языка. Создана

обширная картотека, организуются фольклорно-лингвистические экспедиции. В результате сотрудникам удалось накопить богатый фольклорный материал, а указанная картотека составила более миллиона карточек. Это позволило балкарским лингвистам приступить к составлению трехтомного толкового словаря карачаево-балкарского языка. Первый том его уже подготовлен к печати. Составление второго тома завершено. В 1983 году завершится работа и над третьим томом. Данный трехтомный словарь несколько отличается от существующих толковых словарей других тюркских языков. Особенность его заключается в следующем: а) все словарные, фразеологические единицы и их значения переводятся на русский язык; б) приводятся краткие филологические переводы толкования значений слов; в) значения слов и фразеологизмов иллюстрируются цитатами; г) с помощью специальных помет дается грамматическая и стилистическая характеристика слов; д) в словаре используются современные принципы лексикографирования.

В Карачаево-Черкесском научно-исследовательском институте завершена работа по составлению карачаево-балкарско-русского словаря.

Особенно заметных успехов добились карачаево-балкарские лингвисты в изучении морфологии и синтаксиса родного языка. Вышли из печати монографические исследования, посвященные имени существительному, глаголу, местоимению, наречию, прилагательному, послелогам и послеложным словам¹¹. М. А. Хабичевым написаны работы «Карачаево-балкарское именное словообразование» (Черкесск, 1972), «Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение» (Черкесск, 1977). Вышла из печати и работа А. Ю. Бозиева «Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке» (Нальчик, 1965).

В названных и многих других работах ставятся и решаются важнейшие вопросы словообразования и морфологического строя карачаево-балкарского языка. Немало для развития карачаево-балкарского языкознания сделано У. Б. Алиевым — автором целого ряда глубоких научных исследований, посвященных различным аспектам грамматики карачаево-балкарского языка. В его монографиях «Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках» (ч. I, Черкесск, 1959; ч. II, Нальчик, 1959) и «Синтаксис карачаево-балкарского языка» (М., 1972) анализируются узловые вопросы синтаксиса родного языка. Значительное место в истории изучения синтаксиса карачаево-балкарского языка занимают труды Н. К. Дмитриева¹², А. М. Байрамкулова¹³.

Основные вопросы синтаксиса простого предложения карачаево-балкарского языка освещены в работах И. Х. Ахматова¹⁴, в том числе в его монографиях «Проблемы семантического анализа простого предложения» (Нальчик, 1976) и «Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке». Впервые в тюркологии автором была предпринята попытка выявить и описать модели тюркского глагольного предложения в формально-семантическом аспекте.

Проведенные масштабные исследования позволили Кабардино-Балкарскому НИИ подготовить и издать в 1966 году грамматику карачаево-балкарского языка. Этот коллективный труд стал первым опытом создания полной описательной грамматики, хотя и не был лишен определенных недостатков. Учитывая это, лингвисты приступили к подготовке грамматики карачаево-балкарского языка на русском языке. В этой ответственной работе приняли участие ведущие карачаево-балкарские лингвисты, а также профессора Н. А. Баскаков (Москва) и А. З. Абдуллаев (Баку). В результате был создан коллективный труд, содержащий

систематическое описание фонетического, морфологического и синтаксического строя карачаево-балкарского языка.

Говоря об определенных успехах карачаево-балкарского языкознания нельзя не отметить, что остается еще немало нерешенных вопросов. К первоочередным задачам в этой области следует отнести: 1) изучение истории формирования и развития карачаево-балкарского языка; 2) выявление и описание грамматических различий диалектов карачаево-балкарского языка; 3) проведение исследований в области лексикологии с использованием накопленного богатого лексического материала; 4) создание исторической грамматики карачаево-балкарского языка; 5) завершение составления толкового словаря, создание фразеологического, синонимического и других словарей; 6) создание учебников по карачаево-балкарской филологии для студентов вузов.

В 1982 году вышел из печати большой орфографический словарь карачаево-балкарского языка, составленный Ж. М. Гузеевым и Б. Т. Созаевым. Ж. М. Гузеевым издана монография «Основы карачаево-балкарской орфографии» (Нальчик, 1980). Однако, существующие ныне правила орфографии и пунктуации карачаево-балкарского языка, отражающие лишь часть языковых фактов и не свободные от противоречий, нуждаются в серьезной доработке. Необходимо усовершенствовать и алфавит, в котором для обозначения некоторых звуков еще используются сочетания букв.

Первые критические статьи о балкаро-карачаевских художественных литературных произведениях появились в начале тридцатых годов. В основном это были предисловия и послесловия к различным изданиям, написанные самими писателями: С. Хочуевым, Б. Гуртуевым, К. Отаровым, Ж. Залихановым и др.¹⁵ Однако их статьи чаще всего сводились к изложению сюжета или к идейной оценке произведения. При этом художественно-эстетические достоинства того или иного произведения в основном рассматривались в отрыве от его идейной направленности.

Зачинатели балкаро-карачаевской художественной литературы еще слабо представляли себе сущность таких категорий, как «художественный образ», «философское обобщение», «отбор фактов», «художественная правда» и т. д. Не только в творческой практике, но и в критических выступлениях, рецензиях художественное отображение социальной действительности подменялось протоколированием, иллюстрацией тех или иных положений. Идейность и партийность литературы и искусства как художественно-эстетическая категория тонималась узко и сводилась фактически к тенденциозности.

Перелом в становлении теоретической и эстетической мысли в карачаево-балкарском литературоведении наметился в начале шестидесятых годов. Этому способствовало открытие секторов литературы и фольклора в научно-исследовательских институтах Нальчика и Черкесска, кафедр национальной филологии в Кабардино-Балкарском государственном университете и Карачаево-Черкесском пединституте, ставших подлинными кузницами кадров по родному языку и литературе. Научный сотрудник А. Караева, а также первые выпускники кафедры балкарского языка и литературы Д. Маммеев, И. Ахматов, З. Толгуров, писатели А. Теплеев, Н. Кагиева и другие приняли активное участие в исследовании актуальных вопросов развития литературы. Их работы носили аналитический характер, в них творчество писателей рассматривалось уже в единстве с общим литературным процессом, достижения родной литературы соизмерялись с художественным уровнем литератур братских народов СССР¹⁶.

Успехи литературоведения 60—70-х годов прежде всего связаны с интенсивным развитием балкаро-карачаевской литературы, в которой

широкое развитие получили все жанры. Появились монографические работы А. Теплеева¹⁷, Ф. Урусбиевой¹⁸, З. Толгурова¹⁹, А. Караевой²⁰ и других, посвященные творчеству писателей.

В исследовании А. Теплеева обобщается художественный опыт прозы за все время существования балкарской письменности. В этом исследовании автор дал последовательный анализ развития балкарской прозы, ее проблематики, процесса освоения ею метода социалистического реализма. Монографические исследования А. Теплеева и Ф. Урусбиевой («Путь к жанру») раскрывают эволюцию балкарской литературы, ее различных жанров.

В семидесятые годы балкаро-карачаевское литературоведение обогатилось не только работами, исследующими литературный процесс в целом, но и рядом критико-библиографических очерков о поэтах и писателях К. Кулиеве²¹ (Н. Байрамукова), О. Хубиеве²² (Н. Кагиева), Аз-Уртенове²³ (Р. Ортабаева), К. Мечиеве²⁴ (А. Теппеев, Д. Маммеев), сборниками критических статей, исследованиями З. Толгурова²⁵, Д. Маммеева²⁶, С. Гуртуева²⁷.

Балкаро-карачаевское литературоведение в последние годы занималось исследованием творчества отдельных писателей на более глубокой научной основе, анализом развития родной литературы и ее взаимосвязей с литературами народов СССР. Научно-исследовательским институтом КБ АССР были изданы в 1981 году «Очерки истории балкарской литературы»²⁸.

Определенных успехов достигли карачаево-балкарские фольклористы. Сотрудниками секторов родной литературы и фольклора научно-исследовательских институтов Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии А. Согтаевым, А. Холаевым, М. Хубиевым и другими были подготовлены и изданы сборники народных сказок, исторических и лирических песен, пословиц и поговорок, а также нартский эпос. Из исследовательских работ, посвященных проблемам сюжета, поэтики нартского эпоса, следует выделить книгу А. Холаева²⁹.

Вместе с тем многие проблемы, связанные с историей и теорией балкаро-карачаевского фольклора, еще ждут своего исследования. То же можно сказать и о ряде проблем литературоведения. Например, такие ключевые для природы художественного творчества проблемы, как познание жизни и диалектика художественного мышления, диалектика объективного и субъективного, значение творческой личности и творческой индивидуальности, роль интуиции — все еще не получили должного научного освещения.

Перед советскими учеными в настоящее время стоят ответственные задачи: повысить качество и эффективность научных исследований, добиться более тесной связи науки с практикой, совершенствовать учебный процесс в вузах, качество подготовки научно-педагогических кадров. Все это в полной мере относится и к карачаево-балкарским филологам. Хочется верить, что они успешно справятся с этими задачами.

¹ А. Ж. Будаев. Система фонем карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1968; его же. Особенности балкарской фонетики. — В кн.: «Родной и русский языки», М., 1961 и др.

² Ж. М. Гузев. О составе фонем современного карачаево-балкарского языка. — «Советская тюркология», 1973, № 4 и др.

³ В. Л. Сухотин. К характеристике говоров балкарского языка. По предварительным данным экспедиции 1939 года. — «Ученые записки КБПИ», вып. I, Нальчик, 1940. См. также: М. К. Милых. Об изучении карачаево-балкарских, кумыкских, ногайских говоров. — «Труды диалектологической конференции», Ростов-на-Дону, 1939.

⁴ Ж. М. Гузев. Фонетические особенности малкарского диалекта карачаево-балкарского языка. — «Советская тюркология», 1974, № 5; его же. Об одной особенности

сингармонизма в цокающем диалекте карачаево-балкарского языка. — «Ученые записки КБНИИ. Серия филологическая», т. 27, Нальчик, 1975.

⁵ См.: «Вопросы диалектологии тюркских языков», Баку, 1963.

⁶ А. З. Малкондуева. Многозначность глагола в современном карачаево-балкарском языке. Автореф. канд. дисс., Баку, 1970.

⁷ А. А. Жалпуев. Термины земледелия в карачаево-балкарском языке. Автореф. канд. дисс., М., 1974.

⁸ Э. К. Жаргичева. Вопросы фразеологии карачаево-балкарского языка. Автореф. канд. дисс., Баку, 1972.

⁹ А. Х. Согтаев. Русско-интернациональная лексика, заимствованная через русский язык в карачаево-балкарский. — «Вестник КБНИИ», № 2, Нальчик, 1970; В. И. Абаев. Общие элементы в языке осетин, балкарцев, карачаевцев (из материалов балкаро-карачаевской экспедиции АН СССР, 1930—1931 гг.). — «Язык и мышление», т. 1, Л., 1933; Р. Шаумяч. Балкарокая лексика (Материалы для балкарско-русского словаря). — «Языки Северного Кавказа и Дагестана», т. 1, М.-Л., 1935; М. А. Хабичев. О чем говорят лексические заимствования. — «Тюркологический сборник», Черкесск, 1967; М. А. Хубиев. О карачаевских собственных именах. — Там же; Н. Я. Марр. Балкаро-сванское скрещение. — «Доклады АН СССР. Серия В», № 3, Л., 1929 и др.

¹⁰ П. С. Рототаев. Краткий словарь горных названий Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969; Дж. Н. Кокос, С. О. Шахмурзаев. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.

¹¹ М. А. Хабичев. Местоименные в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961; И. Х. Урусбиев. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1964; Х.-М., Хаджилаев. Послелог и послеложно-именные слова в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1962; А. Х. Согтаев. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968; Б. Т. Созаев. Имя прилагательное в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1976; С. А. Гочияева. Наречие в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1973; М. М. Текуев. О глагольном словосложении в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1979 и др.

¹² Н. К. Дмитриев. Синтаксис балкарского языка. — «Строй тюркских языков», М., 1962.

¹³ А. М. Байрамкулов. Сложное предложение в карачаевском языке. — «Труды КЧПИ», вып. 3, Нальчик, 1960; *его же*. Синтаксис карачаево-балкарского языка. Черкесск, 1962.

¹⁴ И. Х. Ахматов. Нечленимые предложения. — В кн.: «Исследования по карачаево-балкарскому языку», вып. 1, Нальчик, 1977; *его же*. О безличных предложениях в тюркских языках. — Там же; *его же*. Об определении безличного предложения в карачаево-балкарском языке. — «Советская тюркология», 1979, № 4; *его же*. Об основных вопросах теории простого предложения. — «Вестник КБНИИ», вып. 5, Нальчик, 1972; *его же*. Включающий предикат и его роль в тюркских языках. — «Структура и функционирование языка», М., 1981; *его же*. Образование структурно-семантических типов безличных предложений карачаево-балкарского языка. — «Теоретические проблемы карачаево-балкарского языка», вып. 1, Нальчик, 1979 и др.

¹⁵ П. Балтин. Из истории карачаевской поэзии. Черкесск, 1961.

¹⁶ П. Балтин. О фольклорном наследии карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1961; А. Караева. Очерк истории карачаевской литературы. М., 1966.

¹⁷ А. Теппеев. Балкарская проза. Нальчик, 1974.

¹⁸ Ф. Урусбиева. Путь к жанру. Нальчик, 1972.

¹⁹ З. Толгуров. Формирование социалистического реализма в балкарской поэзии. Нальчик, 1974.

²⁰ А. Караева. Обретение художественности. М., 1979.

²¹ Н. Байрамкулова. Кайсын Кулнев. М., 1977.

²² Н. Кагиева. Творчество Османа Хубиева. Черкесск, 1974.

²³ Р. Ортабаева. Азрет Уртенев. Черкесск, 1971.

²⁴ Д. М. Маммеев. Кязим Мечиев (на балк. языке). Нальчик, 1965; А. Теппеев. Кязим Мечиев. Очерк творчества. Нальчик, 1979.

²⁵ З. Толгуров. Время и литература. Нальчик, 1979.

²⁶ Д. М. Маммеев. Образ коммуниста в балкарской литературе. Нальчик, 1979.

²⁷ С. Гуртуев. Свет звезды. Нальчик, 1980.

²⁸ «Очерки истории балкарской литературы». Нальчик, 1981.

²⁹ А. Холаев. Карачаево-балкарский партский эпос. Нальчик, 1974.

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Л. К. БАЙРАМОВА

ТЮРКСКИЕ КАЛЬКИ И ПОЛУКАЛЬКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Переводы произведений В. И. Ленина на тюркские языки сыграли огромную роль в формировании марксистско-ленинского мировоззрения у народов восточных республик СССР¹, оказали большое благотворное влияние на развитие национальных языков, в частности на обогащение фразеологии каждого языка в отдельности и образование общего русско-тюркского фразеологического фонда. Образовавшийся в тюркских переводах сочинений В. И. Ленина, этот общий русско-тюркский фразеологический фонд состоит главным образом из калек и полукалек. Для анализа их представляется целесообразным использование метода аппликации (наложения), предложенного В. П. Жуковым, применившим при анализе значения русских фразеологизмов их аппликацию на эквивалентное переменное словосочетание, в тех случаях, когда это теоретически возможно.

«При такого рода наложении, — пишет В. П. Жуков, — общее значение фразеологизма сравнивается, соотносится с лексическим значением слов, входящих в одноименное свободное словосочетание. Так определяется степень семантической слитности компонентов и природа целостного значения исследуемой единицы... Вся задача приема фразеологической аппликации, направленного в сторону семантики, сводится к тому, чтобы установить, не употребляется ли тот или иной компонент фразеологизма в своих обычных системных значениях (прямом, переносном и т. д.) и нельзя ли приравнять по смыслу слово свободного употребления к тем или иным компонентам анализируемого фразеологизма»².

При межъязыковой фразеологической аппликации фразеологизм языка-источника накладывается на эквивалентное свободное сочетание (если это теоретически возможно) калькирующего языка. Исходным

¹ См.: «Издание и распространение произведений В. И. Ленина». М., 1960; Т. С. Курбангалеева. Издание трудов В. И. Ленина на татарском языке. — «Ленин и книга». Четвертая Всесоюзная научная конференция по проблемам книговедения, М., 1980; А. Д. Мамедзаде. Из истории перевода, издания и распространения произведений классиков марксизма-ленинизма в Азербайджане. Автореф. канд. дисс., Баку, 1965; К. Сагындыков. К вопросам переводов трудов В. И. Ленина на казахский язык (1946—1970 годы). Автореф. канд. дисс., Алма-Ата, 1971.

² В. П. Жуков. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, стр. 12—13.

положением при этом является следующее: так как многие фразеологизмы любого языка образуются из конкретных свободных сочетаний, а поскольку цель калькирования — семантизация, заимствование семантики фразеологизма языка-источника, то «семантический заряд» такого фразеологизма может передаваться через его наложение (аппликацию) на совпадающее с ним одноименное свободное сочетание калькирующего языка. Использование метода межъязыковой фразеологической аппликации приводит в результате к образованию семантической фразеологической кальки — при наличии в калькирующем языке свободного словосочетания, одинакового с фразеологизмом языка-источника по лексическому составу. Образование покомпонентной фразеологической кальки происходит при отсутствии такого свободного сочетания в калькирующем языке; фразеологизм языка-источника переводится покомпонентно.

Семантические фразеологические кальки — это свободные словосочетания калькирующего языка, совпадающие по лексико-грамматическим характеристикам с фразеологизмом языка-источника, семантическая структура их заполняется по модели калькируемого фразеологизма. Основными условиями фразеологического семантического калькирования являются: 1) наличие у сочетания, параллельного калькируемому фразеологизму, прямого и метафорического значений; 2) наличие общего значения у компонентов калькирующего сочетания и компонентов калькируемого фразеологизма. Например, фразеологизм «детский/младенческий лепет», означающий наивные, убогие, поверхностные суждения, мысли и т. п.³, может употребляться и как свободное сочетание: в соответствующих ему тюркских свободных сочетаниях (буквально означающих «разговор/лепет дитяти, ребенка») компоненты совпадают по значению с компонентами русского фразеологизма: азерб. *ушаг данышығы*, каз. *баланың былдырағы*, тат. *сабийлар бытылдавы*. Это позволяет метафорически переосмыслить данные тюркские свободные сочетания по модели аппликаруемого русского фразеологизма, что и делалось при переводе фразеологизмов произведений В. И. Ленина на другие языки.

Многие фразеологизмы произведений В. И. Ленина были переведены на тюркские языки семантическими кальками. Среди этих семантических фразеологических калек можно отметить кальки соматических фразеологизмов («прятать голову под крыло» — 13, 317⁴, «показывать пальцем» — 36, 299), кальки фразеологизмов с компонентами, прямое значение которых связано с домом, бытом («закрывать дверь» — 24, 356—357, «снимать сливки» — 39, 324), с рождением ребенка, воспитанием детей («муки родов» — 38, 222, «младенческий лепет» — 16, 385), с явлениями природы («лед тронулся» — 37, 513), с умственной деятельностью человека («приводить к общему знаменателю» — 49, 320) и др.

Локальность семантических фразеологических калек может и не ограничиваться рамками переводного текста. И это проникновение в речь — язык — словарь — свидетельство их автономного развития по отношению к своему источнику. Многие фразеологические семантические кальки, возникшие на основе переводов фразеологизмов произве-

³ «Фразеологический словарь русского языка». М., 1938, стр. 225.

⁴ Иллюстративный материал с указанием тома и страницы дается по «Полному собранию сочинений» В. И. Ленина, изд. 5-е.

дений В. И. Ленина, закономерно осваиваются соответствующим языком, обогащая национальный фразеологический фонд и становясь частью общего русско-тюркского фразеологического фонда. Автономность развития фразеологических семантических калек отражена и в национальных словарях, где кальки иллюстрируются примерами из национальной художественной литературы, что указывает на их вхождение в язык. Так, в «Толковом словаре татарского языка»⁵ в виде фразеологизмов зафиксированы такие выражения, как: *ишек кагу* 'стучаться в дверь' (стр. 440), *ишеккә хурсәтү* 'указать на дверь' (стр. 440), *йодрыкта тоту* 'держаться в кулаке' (стр. 450), *күктән төшү* 'свалиться с неба' (стр. 292) и многие другие семантические кальки русских фразеологизмов, представленные первоначально как кальки в татарских переводах сочинений В. И. Ленина.

Основную часть общего русско-тюркского фразеологического фонда составляют покомпонентные фразеологические кальки и полукальки русских общезыковых фразеологизмов, использованных В. И. Лениным в его работах. Покомпонентные фразеологические кальки и полукальки образуются не при помощи аппликации, а в результате пословного перевода компонентов фразеологизма языка-источника. Фразеологическая калька — это фразеологический оборот, появившийся «в результате буквального, т. е. пословного перевода иноязычного оборота»⁶.

Фразеологическая полукалька — покомпонентный перевод фразеологизма искомыми и заимствованными (в процессе калькирования или до него) единицами⁷.

Суть покомпонентного калькирования и полукалькирования состоит не в копировании грамматической структуры модели. См.: «гуси Рим спасли» (19, 103), азерб. *газлар Романы хилас етмишләр* (V, 19, 111), каз. *Римдә сақтап қалған қазлар* (V, 19, 49), кирг. *Римди каздар аман сактап калган* (IV, 16, 49), тат. *Римны казлар коткарып калды* (IV, 16, 46), туркм. *газлар Рими халас эденмишлер* (IV, 16, 47), узб. *ғозлар Римни қутқариб қолган* (V, 19, 117)⁸. Как видно, правильный перевод компонентов русского фразеологизма и сохранение при этом его семантики не требует следования и его грамматической структуре: в тюркских полукальках — аффиксное выражение объекта (русск. *Рим* — азерб. *Романы*, тат. *Римны* и т. д.), сложная форма сказуемого — деепричастие + глагол или причастие на *-ган* (тат. *коткарып + калды*; каз. *сақтап + қалған* и т. д.); иной порядок компонентов.

Фразеологические кальки (как семантические, так и покомпонентные) способны передавать содержание модели фразеологизма языка-источника, несмотря на то, что их грамматическая структура может быть и иной. Некоторые тюркские фразеологические кальки, возникшие в процессе перевода фразеологических единиц произведений В. И. Ленина, являются точной копией своих моделей. Это, по определению Н. М. Шанского, точные фразеологические кальки: «Точные фразеоло-

⁵ «Татар теленен ылатмалы сүзлегә», Казан, 1979, т. I, II.

⁶ Н. М. Шанский. Лексикология современного русского языка. М., 1972, стр. 239.

⁷ Хотя Н. М. Шанский и дает другое определение фразеологической полукальки (единица, появляющаяся «тогда, когда часть компонентов иноязычного фразеологического оборота переводится, а часть заимствуется без перевода»), его примеры подводят к данному нами определению. Ср., например, фразеологизм «пробить брешь» (из фр. *battre en brèche*), в котором компонент «брешь» понзился в процессе калькирования, и фразеологизмы «желтая пресса» (из англ. *yellow press*), «смешать карты» (из фр. *brouiller les cartes*), в которых компоненты «пресса» и «карты» были лексикализованы в русском языке еще до заимствования этих фразеологизмов.

⁸ Перевод пятого издания сочинений В. И. Ленина осуществлен не на все тюркские языки, поэтому цифры V, IV, предшествующие ссылке на том и страницу переводов сочинений В. И. Ленина, указывают издаче.

гические кальки — воспроизведение лексико-грамматического состава чуждого фразеологизма без каких-либо отступлений»⁹. Однако большая часть тюркских калек фразеологизмов произведений В. И. Ленина представляет собой неточные кальки. «Неточные фразеологические кальки — пословный перевод иноязычного оборота с некоторыми отступлениями в лексико-грамматической передаче его отдельных компонентов»¹⁰.

Определить точные и неточные фразеологические кальки и полукальки можно методом межъязыковой аппликации. В результате аппликации русских фразеологизмов произведений В. И. Ленина на тюркские кальки и полукальки этих фразеологизмов установлено, что точные кальки и полукальки возникают при переводе русских фразеологизмов определенной структуры, например, такой, как:

1. Прилагательное /порядковое числительное/ местоимение + существительное в именительном падеже в единственном числе. Например: «сильная сторона» (45, 125), азерб. *кучлу цаһат* (IV, 33, 321), каз. *кушти жак* (IV, 33, 315), кирг. *кучтуу жак* (IV, 33, 345), тат. *көчле як* (IV, 33, 302), туркм. *гуйчли тарап* (IV, 33, 317), узб. *кўчли томон* (V, 45, 145); «тяжелая артиллерия» (49, 332), азерб. *агыр артиллерия* (IV, 35, 236), каз. *ауыр артиллерия* (IV, 35, 229), кирг. *оор артиллерия* (IV, 35, 239), тат. *авыр артиллерия* (IV, 35, 225), туркм. *агыр артиллерия* (IV, 35, 244), узб. *оғир артиллерия* (V, 49, 385).

2. Двусоставное нераспространенное предложение. Например: «лед сломан» (44, 150), азерб. *буз гырылмыш* (IV, 33, 40), каз. *муз бұзылды* (IV, 33, 39), кирг. *муз жарылды* (IV, 33, 42), тат. *боз ватылган* (IV, 33, 36), узб. *муз синдирилди* (V, 44, 173).

3. Простое трехчленное распространенное предложение с обратным порядком слов, в котором дополнение предшествует сказуемому. Например: «рука руку моет» (26, 244), азерб. *эл эли јујар* (V, 26, 268), кирг. *кол колду жууйт* (IV, 21, 253), тат. *кул кулны юа* (IV, 21, 234), туркм. *эл-эли јовар* (IV, 21, 242), узб. *қўл қўлни јовади* (V, 26, 280).

Неточные фразеологические тюркские кальки и полукальки по своей лексико-грамматической структуре несколько отличаются от русского фразеологизма. Это проявляется в следующем:

1. В пропуске отдельных компонентов фразеологизма, например, пропуске личного или притяжательного местоимения — как отражение имеющегося в тюркских языках аффикса притяжательности — формального показателя принадлежности предмета. Например, при полукалькировании крылатого выражения «О друг мой, Аркадий Николаевич! Об одном прошу тебя: не говори красиво!» естественным переводом на татарский язык будет следующий: *Дустым, Аркадий Николаевич..*, в котором слово *дустым* передает словосочетание «друг мой». Ср.: «...друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!» (9, 186) — тат.: *дустым, Аркадий Николаевич, болай матур сөйләмә!* (IV, 8, 63), каз.: *достым, Аркадий Николаевич, бўлай әдемі сөйләмесеңиши!* (V, 9, 199), букв. 'Друг мой, Аркадий Николаевич, не говори так красиво', азерб.: *Әзизим, Аркади Николајевич, көзәл данышма!* (V, 9, 200), туркм.: *Достым, Аркадий Николаевич, овадан гүрләме!* (IV, 8, 67), букв. 'Друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво', кирг.: *Досум, Аркадий Николаевич, мундай сөз сүйлөбөчү!* (IV, 8, 71), букв. 'Друг мой, Аркадий Николаевич, не говори такое хорошее слово'.

2. Во вставках отдельных компонентов в тюркскую фразеологическую кальку. Например, фразеологизм «через час по чайной ложке»

⁹ Н. М. Шанский. Указ. раб., стр. 241.

¹⁰ Там же

(55, 32) переводится на тюркские языки, как «через (каждый) час по одной чайной ложке», то есть со вставкой числительного «один» (*бер*): азерб. *hər saatda bir gəşiyg* (IV, 37, 41), кирг. *saat сайын бир гашык* (IV, 37, 45), туркм. *xer sağatdan bir çemçe* (IV, 37, 44); фразеологизм «буря в стакане воды» (35, 74) переводится с такой же вставкой числительного («буря в одном стакане воды»): азерб. *бир стəкан сујун фыртынасы* (IV, 26, 306), тат. *бер стакан судагы давил* (IV, 26, 292), узб. *бир стакан сувдаги бўрон* (V, 35, 81) и т. д. Вставка числительного *бер* объясняется особенностью его употребления в тюркских языках: кроме выражения идеи отвлеченного числа и количественного определителя предмета, числительное *бер* имеет значение и неопределенного артикля¹¹.

Субстантивированный компонент фразеологизмов русского языка при переводе на тюркские языки может сопровождаться вставкой слова *кеше* 'человек'; например, фразеологизм «сильные мира сего» (20, 143) переводится как «сильные люди мира»: тат. *дэньдагы көчле кешелər* (IV, 17, 74), узб. *дуньдагы машхур кишилар* (V, 20, 165).

3. В замене компонентов русского фразеологизма, выраженных в форме множественного числа, компонентами в форме единственного числа. Например, фразеологизм «снявши голову, по волосам (мн. число) не плачут» (25, 348) калькируется на тюркские языки, как: азерб. *башыны итирэн сач* (ед. число) *үчүн агламаз* (V, 25, 375), букв. 'лишившийся головы не заплачет из-за волоса', каз. *басын алдырган шашына* (ед. число) *жылгмас болар* (V, 25, 386), букв. 'отдавший голову из-за волоса не плачет', кирг. *башын алдырган киши чачына* (ед. число) *ыйлабайт* (IV, 20, 545), букв. 'человек, отдавший голову, не плачет из-за волоса', тат. *башны кискэч, чэч* (ед. число) *өчен єламыйлар* (IV, 20, 491), букв. 'отрезав голову, из-за волоса не плачут', туркм. *келлэни кесеңсоң, сачы* (ед. число) *үчин азламазлар* (IV, 20, 509), букв. 'после того как отрежешь голову, из-за волоса не плачут'.

Такая замена естественна, ибо в тюркских языках, как и в ряде других языков, понятийные категории единичности и множественности (количества) не тождественны грамматической категории числа¹². Для тюркских языков характерно употребление единственного числа при обозначении множества предметов. «Соотношение единственного и множественного чисел в тюркских языках не то, что в русском и в других европейских. Слово *таш* может означать не только „камень“, но и „камни“... форма *таш* не есть единственное число с точки зрения русского и других языков. Это — недифференцированная форма для обозначения коллективного понятия „камней вообще“. Она может функционировать и по линии единственного и по линии множественного числа»¹³.

4. В падежном оформлении компонентов тюркских фразеологических калек и полукалек также наблюдаются несоответствия по сравнению с русскими фразеологизмами, которые имеют следующую структуру:

а) глагол в неопределенной форме + существительное в зинительном падеже; русским фразеологизмам с такой структурой соответствуют тюркские кальки и полукальки структуры: существительное в начальной форме + глагол в неопределенной форме. См.: «стричь купоны» (27, 422), азерб. *купон кəсмək* (IV, 22, 318), каз. *купон қырқу* (V,

¹¹ «Современный татарский литературный язык». М., 1969, стр. 179.

¹² Г. А. Меновицков. Способы выражения единичности и множественности в языках различного типа. — «Вопросы языкознания», 1970, № 1, стр. 82.

¹³ Н. К. Дмитриев. Категории числа. — В кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. II. Морфология. М., 1956, стр. 68.

27, 463), кирг. *купон кыркуу* (IV, 22, 337), тат. *купоннар кырку* (IV, 22, 316), туркм. *купон гыркмак* (IV, 22, 329), узб. *купон қирқиш* (V, 27, 483);

б) количественное числительное в именительном падеже+существительное в родительном падеже; русские фразеологизмы с подобной структурой калькируются на тюркские языки сочетаниями: числительное в именительном падеже+существительное в именительном падеже. Например: «три кита» (19, 131), каз. *үш кит* (V, 19, 140), тат. *өч кит* (IV, 16, 78), туркм. *үч кит* (IV, 16, 78).

5. На синтаксическом уровне тюркские фразеологические кальки и полукальки отличаются от русских фразеологизмов порядком расположения компонентов. В русских фразеологизмах главный компонент предшествует зависимому, а в тюркских сочетаниях — наоборот: зависимый компонент предшествует главному. Например: «центр тяжести» (11, 80), азерб. *ағырлыг мәркәзи* (V, 11, 85), тат. *авырлык үзәге* (IV, 9, 78), туркм. *аграм меркези* (IV, 9, 81); «человек в футляре» (22, 12), кирг. *футлярдагы адам* (IV, 9, 41), тат. *футлярдагы кеше* (IV, 18, 236).

Различия синтаксического плана в тюркских кальках и полукальках по сравнению с русскими фразеологизмами наблюдаются при переводе фразеологизмов со структурой сложноподчиненного предложения и бессоюзного сложного предложения, которые могут передаваться тюркскими кальками, равнозначными по структуре простому предложению. См.: поговорка «волков бояться — в лес не ходить» (34, 321) передается на тюркские языки как «боящийся волков в лес не пойдет»: азерб. *гурд-дан горхан мешәјә кетмәз* (IV, 26, 105), каз. *қасқырдан қорыққан орманға бармас* (V, 34, 362).

В рамках данной статьи не представляется возможным описать все несоответствия лексико-грамматической структуры русского фразеологизма и его тюркской кальки или полукальки. Но и приведенные примеры показывают, что подобные «неточности» не означают отклонения от правильной передачи ленинского контекста, в котором использован тот или иной фразеологизм. Появление фразеологических точных и неточных калек и полукалек в тюркских переводах произведений В. И. Ленина — явление вполне закономерное и естественное и связано с освоением этими языками отсутствующих в них фразеологических единиц. Как видно, процесс этот идет в соответствии с нормами заимствующих языков, отвергающих буквализм.

Судьба тюркских фразеологических калек и полукалек в национальных языках различна: часть их вошла в национальный фразеологический фонд, обогатив его и получив автономное развитие, некоторые же кальки и полукальки, хотя и употребляются в языке, но малочастотны; наконец, определенную группу составляют и те, которые остались на уровне переводного текста. В целом же, калькирование русских фразеологизмов произведений В. И. Ленина тюркскими языками создало основу для образования общего русско-тюркского фразеологического фонда.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Н. Дж. МАМЕДОВ

ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ М. Ф. АХУНДОВА

(К 170-летию со дня рождения)

Мирза Фатали Ахундов вошел в историю азербайджанской литературы и культуры не только как родоначальник нового реалистического направления в художественной литературе и просветительно-демократической мысли, но и как основоположник литературной критики. Именно его, написанные в 60—70-е годы XIX века, литературно-критические статьи заложили основы литературной критики в Азербайджане.

Литературно-критические и эстетические взгляды М. Ф. Ахундова тесно связаны с его творческой и общественно-политической деятельностью, с его борьбой за просвещение, прогресс и процветание родного народа и народов всего мусульманского Востока.

На формирование и развитие литературно-эстетических взглядов М. Ф. Ахундова большое влияние оказали классики азербайджанской и персидской литератур: Фирдоуси, Низами, Руми, Хафиз, Саади, Джами, Вагиф, Закир. Исключительно плодотворным для М. Ф. Ахундова было и его близкое знакомство с произведениями западноевропейских просветителей и передовых представителей русской литературы, в первую очередь — революционных демократов.

Литературно-критические и эстетические взгляды М. Ф. Ахундова нашли наиболее полное изложение в его статьях: «О поэзии и прозе», «Критические заметки», «Редактору газеты „Миллет“ высокого Ирана», «Критика пьес Мирза-Ага Табризи», «О Моллаи-Руми и его произведениях», «Письмо Мирзе Мамед-Джафару». Особенно ценным в этом отношении является его знаменитый философский трактат «Три письма индийского принца Кемал-уд-Довле к персидскому принцу Джелал-уд-Довле и ответ на них сего последнего» (далее: «Письма Кемал-уд-Довле»); большой интерес с данной точки зрения представляет и эпистолярное наследие писателя.

Смелая и последовательная критика реакционной сущности придворно-эпигонской и религиозно-мистической поэзии и горячая защита принципов материалистической эстетики и реалистического художественного метода в литературе составляют содержание литературно-критических и эстетических воззрений М. Ф. Ахундова. Он первым в истории азербайджанской эстетической мысли выступил за тесную связь литературы с действительностью, с жизнью народных масс и актуальными запросами времени и общества. Говоря об идейно-воспитательном значении искусства, он подробно останавливался на вопросах содержания и формы, языка и стиля художественного произведения, выступал

за развитие новых видов и жанров литературы, в частности романа и драмы, доказывал важную роль и значение литературной критики и т. д.

Отстаивая материалистический взгляд на искусство, М. Ф. Ахундов подвергал критике эстетические концепции восточных мыслителей-идеалистов о божественном, сверхъестественном начале творчества.

М. Ф. Ахундов утверждал, что литературные произведения являются плодом деятельности одаренных природным талантом людей: «Всякое изящное и красноречивое творение есть непременно плод врожденного таланта какого-нибудь человека»¹. И далее: «Изящная проза и изящная поэзия, не относясь к разряду сверхъестественных явлений, вполне доступны человеческому таланту. Подтверждением этому могут служить Гомер, Шекспир и другие знаменитые европейские писатели, ораторы и поэты, которые все были не сверхъестественными существами, а подобными над людьми»².

Раскрывая реакционную сущность придворно-эпигонской поэзии, ее оторванность от реальной действительности, от злободневных запросов жизни, М. Ф. Ахундов последовательно разоблачал ее враждебность интересам широких народных масс, социальному, духовному и культурному развитию народа. Об авторах подобных произведений М. Ф. Ахундов писал: «Поэзией у них считается всякое произведение фантазии, написанное с соблюдением известного размера и рифмы, содержание которого, по их мнению, должно преимущественно заключаться в прославлении красавиц различными неестественными похвалами, или же в воспевании красот весны и осени неправдоподобными сравнениями»³.

М. Ф. Ахундов подвергал резкой критике также антинародную сущность религиозно-мистической поэзии, которая, по его словам, состояла «из отвратительных легенд о мнимых чудесах двенадцати имамов, потомков пророска, и других лжесвятых мужей» или «вертелась вокруг разных религиозных обрядов и правил»⁴. Считая религию «вымыслом», орудием угнетения и эксплуатации народных масс в руках господствующих слоев феодального общества, М. Ф. Ахундов заключал, что религиозно-мистическая поэзия служит уводу читателя от реальной действительности, отвращает его от всего прекрасного в жизни, воспитывает фатализм, терпимость к гнету и произволу, способствуя духовному закабалению людей.

М. Ф. Ахундов утверждал, что предметом литературы должны быть объективный мир, реальная действительность, повседневная жизнь, живой человек, отображаемые «правдиво», «естественно», «по форме самой жизни». Литература, писал он, должна отражать «действительную жизнь народа», «характеры и деяния людей», «человеческую природу и психологию».

Таким образом, М. Ф. Ахундов важнейший вопрос художественного творчества — отношение к реальной действительности — решал с позиций материалистической эстетики и реалистического искусства.

Подобно западноевропейским просветителям и русским революционным демократам, М. Ф. Ахундов в своих литературно-критических статьях особое внимание уделял идейности искусства, его общественно-воспитательному значению и роли в пробуждении самосознания народа. Критикуя восточных богословов и схоластов, внушавших человеку неприязнь к произведениям изобразительного искусства, к музыке, театру и неприятие окружающего мира, осуждавших чувственное познание и восприятие его красоты, М. Ф. Ахундов подчеркивал огромную роль

¹ М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения. Баку, 1953, стр. 67.

² Там же, стр. 66—67.

³ Там же, стр. 66.

⁴ Там же, стр. 65, 66.

всех видов искусства в духовном и культурном развитии человека. В своем трактате «Письма Кемалу-уд-Довле» М. Ф. Ахундов в связи с этим писал: «... Вы, проповедники, посредством ваших вздоров лишаете народ всевозможных земных благ, держите его в постоянном застое, преграждаете ему путь к прогрессу, ко всякому жизненному удовольствию»⁵.

Выступая против сторонников теории «чистого искусства», М. Ф. Ахундов утверждал, что задача искусства заключается не в развлечении кучки представителей господствующих классов. Искусство должно, по его мнению, защищать интересы широких народных масс, содействовать их освобождению от влияния средневековых предрассудков и религиозного фанатизма, пробуждать в них общественное сознание, способствовать их духовному и культурному развитию. Если литературное произведение лишено полезного содержания, не выражает положительного идеала и передовых идей своего времени, оно не может быть признано подлинным произведением искусства. Назначение искусства — «просвещать память и разум», «исправлять нравы и характеры людей».

Особое место среди литературно-критических статей М. Ф. Ахундова занимает статья «Редактору газеты „Миллет“ („Нация“. — Н. М.) высокого Ирана». В этой статье, анализируя творчество современного ему персидского придворного поэта Суруша, М. Ф. Ахундов подверг сокрушительной критике придворно-эпигонскую и религиозно-мистическую поэзию, обнажив ее антинародную, антигуманную сущность, и изложил свои передовые взгляды на роль художественной литературы в жизни общества. Обращаясь непосредственно к редактору газеты, М. Ф. Ахундов писал: «Дорогой брат! Ты сам пишешь, что и знать, и простонародье должны извлекать пользу из твоей газеты „Миллет“. Просто по совести спрашиваю я тебя, что даст твоему читателю знание родословной и биографии поэта, имеющего псевдоним Суруш, да еще прозвище Шамс-ашшуара? Какая же польза от того народу, что ты вынуждаешь своих читателей обязательно знать это?»⁶.

М. Ф. Ахундов указывает, что Суруш не обладает ни природным поэтическим талантом, ни подлинным вкусом, ни умом и образованностью, ни добрым человеческим нравом, необходимыми истинному поэту. Его произведения показывают, что «он поэт самый заурядный. У него нет даже умения и призвания писать стихи. И напрасно он избрал себе в качестве псевдонима имя ангела небесного, а название великого святылища небесного превратил в свое прозвище»⁷.

М. Ф. Ахундов резко критикует Суруша за отсутствие какой-либо оригинальности в его творчестве, осуждает его за религиозный фанатизм, панисламизм, за враждебное отношение к европейским народам, за нежелание приобщаться к передовой европейской науке, культуре и просвещению. Убедительно показав отсутствие каких бы то ни было идейно-художественных достоинств стихов Суруша, М. Ф. Ахундов заключает: «Назвать стихами подобный сумбур и их творца поэтом уж никак нельзя»⁸.

Большое внимание уделял М. Ф. Ахундов проблемам взаимоотношений содержания и формы в художественном произведении. Он пишет об этом почти во всех своих статьях, а также в «Письмах Кемалу-уд-Довле», высказывая при этом суждения, не утратившие своего значения и по

⁵ М. Ф. Ахундов. Указ. р.б., стр. 89.

⁶ Там же, стр. 214.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 227.

сей день. В литературном произведении главным М. Ф. Ахундов считал содержание, те мысли и чувства, которые оно выражает.

Особо важное значение, придаваемое М. Ф. Ахундовым содержанию литературных произведений, их гражданственности, воспитательному воздействию на читателя — определялось просветительскими взглядами писателя.

Примечательно и отношение М. Ф. Ахундова к художественной форме литературного произведения. Он органически не приемлет произведений, в которых «красоты изложения» являются самоцелью: «Если ... стихи обладают достаточным изяществом изложения, но лишены красоты содержания, подобно стихотворениям тегеранца Гаани, то такие стихи являются слабыми, наводящими тоску»⁹.

М. Ф. Ахундов неоднократно и настойчиво подчеркивал, что литературное произведение обязательно должно «обладать силой художественного воздействия»¹⁰, «оставлять сильное впечатление, возбуждать эмоции»¹¹, «должно быть отделано четко и стройно, оно должно быть свободно от недостатков, оно должно быть привлекательным и по форме, и по содержанию»¹².

Совершенными произведениями искусства М. Ф. Ахундов считал те из них, в которых содержание и художественная форма составляли органическое единство: «Поэзия, где имеется полная гармония, где наряду с художественной изящностью изложения имеется и красота, глубоко-мыслие..., такая поэзия способна вызвать у читателя восторг, она может волновать читателя и может нравиться всем»¹³. Творения великих классиков восточной литературы — «Шахнаме» Фирдоуси, «Хамсе» Низами, «Диван» Хафиза он считал именно такими произведениями.

М. Ф. Ахундов был убежденным сторонником критического отображения действительности в художественных произведениях. Литература должна, считал он, содействовать совершенствованию нравственных устоев общества, обличать его пороки и недостатки, широко используя приемы сатирического осмеяния и иронии. Эти суждения М. Ф. Ахундова перекликаются с идеями западноевропейских философов-просветителей и русских писателей — революционных демократов.

«Опыт европейских философов и целый ряд неопровержимых жизненных фактов, — писал М. Ф. Ахундов, — подтверждают, что помимо критики, иронии и смеха, никакими другими средствами нельзя искоренить в человеческой природе дурные и низменные наклонности. Если бы наставления и проповеди оказывали влияние на людей, то почему же население Ирана, которое вот уже более шестисот лет читает произведения Шейха Саади „Гюлистан“ и „Бустан“, не придает никакого значения содержащимся в них сентенциям и поучениям — ведь они от начала до конца являются дидактическими! И в результате угнетение и деспотизм изо дня в день скорее увеличиваются, нежели уменьшаются»¹⁴.

Подчеркивая преимущества сатиры в психологическом воздействии на людей перед проповедью, назиданием и наставлением, М. Ф. Ахундов в одном из своих писем утверждал: «Знайте раз и навсегда, что наставления и проповеди не могут оказать никакого воздействия на человеческую природу, независимо от того, будут ли они произнесены с отеческой любовью, или будут угрожать адом...»¹⁵.

⁹ М. Ф. Ахундов. Указ. раб., стр. 226.

¹⁰ Там же, стр. 230.

¹¹ Там же.

¹² Там же, стр. 244.

¹³ Там же, стр. 226.

¹⁴ М. Ф. Ахундов. Эсарлери. Уччилдик, 3-чу чилд, Бажы, 1962, стр. 246.

¹⁵ Там же.

Причину большей действенности критики, по сравнению с проповедью, М. Ф. Ахундов видел в наличии в сатирических произведениях иронии и насмешки, обычно сильно воздействующих на ум и чувства читателя: «Природа людей создана так, что они испытывают отвращение к чтению и слушанию проповедей и наставлений и с большой охотой читают критическое произведение. Эту тайну разгадали европейские ученые. А народы Ближнего Востока до сих пор еще о ней не ведают»¹⁶.

Не все современники М. Ф. Ахундова одобряли сатирическую направленность его произведений, прежде всего его комедий. Среди них было немало таких, которые обвиняли М. Ф. Ахундова в злонамеренности, в нигилизме, в бездушном, враждебном отношении к мусульманским народам, в отсутствии у него чувства патриотизма. Некоторые реакционные деятели Ирана даже объявили М. Ф. Ахундова врагом мусульманских народов и вели против него беспощадную борьбу. М. Ф. Ахундов же в письмах, адресованных своим критикам и противникам, стремился объяснить им огромное общественно-воспитательное значение и назначение сатиры. Посылая ряду влиятельных лиц сборник своих сочинений «Тамсилат», включающий его комедии и повесть «Обманутые звезды», М. Ф. Ахундов писал: «Увидев в этих моих произведениях критику некоторых вредных и отсталых обычаев и привычек мусульманских народов, никто не должен обвинить меня в недоброжелательности. Основная цель моей критики заключается в том, чтобы другие люди избежали этих пороков и дурных поступков»¹⁷. Выступая против критиков своего философского трактата «Письма Кемал-уд-Довле», обвинявших его в злонамеренности по отношению к мусульманским народам, М. Ф. Ахундов подчеркивал: «Кемал-уд-Довле не чужой, он наш единоведец, соотечественник. Он сын нашего народа, он является нашим братом, который высмеивает недостатки, иронизирует над поведением и поступками своих братьев»¹⁸.

Известно, что развитие литературы непосредственно связано с условиями экономической и общественно-политической жизни общества, с зарождением и формированием новых мировоззренческих теорий. Эти же закономерности лежат в основе появления и новых творческих литературных методов и стилей, новых литературных форм и художественно-изобразительных средств.

Присоединение Азербайджана к России, зарождение в стране в середине XIX века капиталистических производственных отношений привели к обострению социальных противоречий. Это, в свою очередь, способствовало формированию и распространению просветительских и революционно-демократических идей, что не могло не сказаться на азербайджанской литературе, не активизировать ее участие в социальной жизни страны. Возникла насущная необходимость в овладении писателями новыми методами и формами литературного творчества, в создании новых литературных жанров. Прекрасно понимая эти требования, предъявляемые изменившимися условиями жизни, М. Ф. Ахундов решительно выступил за утверждение критического, реалистического направления в азербайджанской и персидской литературе, противопоставляя традиционным устаревшим видам и жанрам классической восточной поэзии новые литературные формы — роман и драму: «Времена „Гюлистана“ и „Зинатуль-меджалиса“, — писал он в своей статье „Критика пьес Мирза-Ага Табризи“, — канули в вечность. Сегодня такие произведения не могут уже принести народу пользы. Ныне полезными, отвечающими

¹⁶ М. Ф. Ахундов. Эсэрлэри, стр. 247.

¹⁷ Там же, стр. 103.

¹⁸ Там же, стр. 248—249.

ми вкусу читателя и интересам нации, произведениями являются драма и роман»¹⁹.

Хотя в литературно-критических высказываниях М. Ф. Ахундова нет прямых характеристик жанра романа, автор повести «Обманутые звезды», восходившей по своему идейно-художественному содержанию к европейской философско-публицистической прозе Вольтера, Руссо и других писателей-просветителей, несомненно, был отлично знаком с сущностью и спецификой жанра романа. Не случайно он в своих статьях и письмах, наряду с Вольтером, Руссо, Монтескье, упоминает также имена Вальтера Скотта, Жорж Санд, Александра Дюма и других романистов.

Особенно подробно М. Ф. Ахундов высказывался о жанре драмы.

В предисловии к упомянутому выше сборнику своих произведений (1859), в статье «Критика пьес Мирза-Ага Табризи» и в ряде писем М. Ф. Ахундов подробно говорит о сущности драматического искусства, его задачах, специфике, большом общественном значении.

Вслед за французскими просветителями и передовыми русскими критиками, М. Ф. Ахундов считал драму самым «почетным» и «благословенным» видом искусства, игравшим важную роль в общественном, духовном и эстетическом воспитании народа. Он подчеркивал демократический характер драматического искусства, его доступность всем слоям населения. Особенно велико значение театра, считал М. Ф. Ахундов, для стран, где большая часть населения неграмотна.

М. Ф. Ахундов писал, что в драматических произведениях находят глубокое и широкое отображение повседневная жизнь народа, его нравы и обычаи, людские характеры, в них воспроизводятся типические явления и события в жизни общества, поднимаются актуальные современные проблемы. Основная цель драматического искусства, как и всей передовой литературы, утверждал М. Ф. Ахундов, состоит в обнажении социальных язв, в осмеянии и разоблачении реакционных сил общества, держащих народ во мраке отсталости, невежества и нищеты, в пропаганде просвещения и прогресса. В письме к иранскому сановнику Мирза-Гусейн-хану М. Ф. Ахундов, определяя цель и задачи драматического искусства, писал: «По моему глубокому убеждению, писать такие произведения — это значит проявить подлинную любовь к своему народу... Все европейские народы... стремились подобными произведениями исправить нравы, характеры людей. Не секрет, что в каждом народе имеются мерзкие, неблагородные и глупые люди, мошенники и пр. В назидание другим, поступки таких людей выставляют и высмеивают в драматическом искусстве»²⁰.

Подразделяя драматическое искусство на трагическое и комическое, М. Ф. Ахундов утверждал, вместе с тем, что и перед трагедией, и перед комедией стоят одни и те же задачи: «Польза рассказа о горе и радости, — писал М. Ф. Ахундов, — заключается в изображении человеческой природы и характеров с тем, чтобы слушатель радовался и подражал хорошему, страдал и отворачивался от дурного, а также чтобы человек, одолеваемый жизненными страстями, получая удовольствие от слушания подобных рассказов, не становился на путь порока»²¹.

М. Ф. Ахундов отмечал, что в странах мусульманского Востока получил развитие только жанр трагедии, имея при этом в виду религиозные мистерии, широко распространенные на Востоке, к которым писа-

¹⁹ М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения, стр. 249.

²⁰ Там же, стр. 272.

²¹ М. Ф. Ахундов. Избранное. М., 1963, стр. 80.

тель относился резко отрицательно за их идейную и художественную убогость.

По поводу популярного в странах Западной Европы и в России жанра комедии, не известного тогда на Ближнем Востоке, в том числе и в Азербайджане, М. Ф. Ахундов писал: «Передача чувств радости посредством представления вовсе не производится, и в этой области до сих пор не написано ни одного произведения, несмотря на то, что в рассказе о радости заключены замечательные поучения и полезные наставления»²².

М. Ф. Ахундов решительно отдавал предпочтение комедии перед трагедией как более демократическому виду драматического искусства. Комедия была ближе и доступней широким массам народа, что М. Ф. Ахундов считал крайне важным.

Определяя сущность и задачи комедии, Ж. Б. Мольер писал: «Задача комедии изображать человеческие недостатки и главным образом недостатки наших современников»²³. «Комедия является „бранью света со тьмой“»²⁴, — утверждал Н. В. Гоголь. Солидаризуясь со своими великими предшественниками, М. Ф. Ахундов считал, что смысл комедии прежде всего состоит в том, чтобы «показать в истинном свете пороки и недостатки современных людей, ибо ничто не может так искоренить в человеке его пороки и дурные привычки, как ирония и смех»²⁵.

Взгляды М. Ф. Ахундова на драму и театр нашли наиболее четкое выражение в статье, посвященной четырем комедиям Мирза-Ага Табризи, положившим начало развитию драматургии в Иранском Азербайджане. Конкретный идейно-художественный анализ комедий Мирза-Ага сочетается с теоретическими обобщениями и выводами М. Ф. Ахундова относительно природы, целей и общественно-воспитательного воздействия театра.

В своей лучшей комедии «Приключения Ашраф-хана, губернатора Арабистана», отличающейся глубоким социальным содержанием и острой сатирической направленностью, Мирза-Ага правдиво изображает государственную жизнь Ирана своего времени, подвергая смелой и резкой критике иранских правителей, обличая насаждаемый ими произвол, бюрократизм и взяточничество. Положительно оценивая эту комедию, М. Ф. Ахундов в то же время высказывает ряд замечаний. В частности, он советует Мирза-Ага критически отнестись к своему положительному герою Ашраф-хану, правителю одной из иранских провинций, и завершить комедию более убедительной и содержательной концовкой: «Надо построить пьесу так, чтобы Ашраф-хан лишился всех средств, чтобы он залез в долги, чтобы он начал испытывать нужду. Надо показать, как он от всей души, искренне раскаивается во всем том, что сотворил в Аравии, что мысль о допущенном им произволе сдает все его существо»²⁶.

В эти годы в Иране господствовала жестокая политическая реакция, и все прогрессивное подвергалось суровому гонению со стороны иранских правителей и духовенства. М. Ф. Ахундов рекомендует Мирза-Ага оградить себя от нападков и преследования властей, перенеся действие своей пьесы в историческое прошлое Ирана: «Друг Ваш, который напомнил Вам рассказ Шейха Саади о лисице, прав. Писать такие вещи о современниках и распространять их — дело опасное. В особенности это

²² М. Ф. Ахундов. Избранное, стр. 80.

²³ См.: Н. И. Муравьева и С. В. Тураев. Западноевропейская литература. М., 1956, стр. 47.

²⁴ «Н. В. Гоголь о литературе». М., 1952, стр. 199.

²⁵ М. Ф. Ахундов. Эсэрлэри, 3-чү китд, стр. 219.

²⁶ М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения, стр. 240.

неуместно в такой стране, как Иран, где совершенно отсутствует свобода... С этим легко справиться. Перенесем во времени это событие в период правления Шах-Султан Гусейна Сефевии, в царствование которого не было ни порядков, ни дисциплины. Мы это представим так, как будто в его царствование Ашраф-хан приезжает из Аравии и с ним происходит эта катастрофа. Тогда никто к Вам и придаться не сможет, а современники Ваши сделают себе соответствующий вывод»²⁷.

О второй комедии Мирза-Ага «Методы управления Заман-хана, губернатора Бруджирда» М. Ф. Ахундов писал: «Повествование о Кевкеб... написано занимательно и хорошо»²⁸, отмечая при этом, что автору необходимо углубить социальное содержание, усилить критику пороков правителей Ирана, ярче охарактеризовать ведущих положительных персонажей пьесы Кевкеб и Раджабали. По мнению М. Ф. Ахундова, комедию следовало завершить избавлением Кевкеб от преследований правителей и глубоким раскаянием Гаджи Раджаба, его отказом «от прелюбодеяний и пьянства». «Все это должно быть изложено занимательно, эмоционально, правдиво, чтобы воздействовать на ум и чувства читателя и зрителя»²⁹.

Говоря о комедии Мирза-Ага «Приключения Ага-Хашима», М. Ф. Ахундов настоятельно советует драматургу заняться доработкой характеров, прежде всего положительных персонажей, в том числе Сары, которая представлена в пьесе слишком вульгарной, циничной и хитроумной для молоденькой девушки. Она должна быть наделена такими привлекательными чертами, как скромность и застенчивость, а Ага-Хашим должен предстать более молодым, умным, грамотным и самолюбивым.

Суровой и решительной критике подверг М. Ф. Ахундов комедию Мирза-Ага «Приключение Шах-Кули Мирзы в Кирманшахе» за отсутствие в ней острого социального конфликта и типических характеров, что сделало ее грубоватым, развлекательным фарсом.

Статью «Критика пьес Мирза-Ага Табризи» М. Ф. Ахундов заканчивает следующими словами: «Льщу себя надеждой, что Вы внесете исправления в Ваши произведения, напечатаете и распространите их среди населения. Этим самым Вы сослужите службу своему народу... Привлеките еще молодое, подрастающее и способное поколение к тому, чтобы оно на Ваших произведениях научилось писать само и могло ознакомиться с драматургическим искусством. Пусть молодые драматурги будущего создадут в области драматического искусства, считающегося у европейцев самым почетным из искусств, нечто новое, монументальное... Может быть, в результате Вашего благого начинания, это прекрасное дело, новая форма творчества, станет популярной в народе и народ полюбит драматическое искусство»³⁰.

Литературно-критическое наследие М. Ф. Ахундова занимает важное место в истории азербайджанской литературной критики и эстетики. Оно оказало большое влияние на утверждение реалистического метода в азербайджанской художественной литературе, а также на зарождение реалистической литературы в Иране. Литературно-критические и эстетические взгляды М. Ф. Ахундова во многом не утратили своего значения по настоящее время.

²⁷ М. Ф. Ахундов. Избранные философские произведения, стр. 241.

²⁸ Там же, стр. 242.

²⁹ Там же, стр. 243.

³⁰ Там же, стр. 248.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. И. ЕГОРОВ, Л. П. ПЕТРОВ

ЭТИМОЛОГИЯ НЕКОТОРЫХ ЧУВАШСКИХ ОРНИТОНИМОВ

Чувашские орнитонимы до настоящего времени не были предметом специального исследования. Однако в некоторых трудах по истории чувашского языка, в частности, по исторической лексикологии и в этимологических исследованиях, приводится этимология чувашских названий некоторых птиц, хотя история чувашских орнитонимов освещена в них явно недостаточно, а порой и ошибочно.

Детальное изучение этимологии и истории такой специфической группы лексиконки как орнитонимы, представляет большой интерес для исследования истории языка.

В лексическом фонде общенародного чувашского разговорного языка орнитонимы занимают значительное место. Так, в нашей картотеке насчитывается более 180 народных названий птиц, из которых в двуязычные словари (за исключением известного Словаря Н. И. Ашмарина) попала лишь небольшая часть (около половины). Исконные орнитонимы в настоящее время отходят в пассивный лексический фонд языка и имеют тенденцию к исчезновению, нередко замещаясь варваризмами. Поэтому изучение орнитонимов приобретает особую актуальность.

Рамки журнальной статьи не позволяют проследить этимологии хотя бы части чувашских орнитонимов, поэтому ниже мы остановимся в основном лишь на двух, наиболее интересных, на наш взгляд, чувашских названиях птиц.

1. Пăчăр 'рябчик' (*Tetrao bonasia*); диал. 'куропатка'. Историко-этимологические связи этого чувашского орнитонима, насколько нам известно, впервые были рассмотрены Н. И. Золотницким. В его «Корневом чувашско-русском словаре», представляющем собой первый опыт этимологического словаря чувашского языка, это чувашское слово передано в русской графике в довольно примечательной форме — с губными гласными *пучур* (в современной орфографии *пăчăр*) в значении «куропатка». Данный орнитоним Н. И. Золотницкий сопоставлял с тат. *божар* (в современной орфографии *божыр* 'рябчик') и якут. *бочугураc* 'рябчик'¹.

¹ Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречьями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань, 1875, стр. 53.

Х. Паасонен ограничился сопоставлением чув. *păD'ž'ăg* ~ *pəD'ž'ăg* 'куропатка', 'рябчик' с тат. *bəžeg* 'Tetrao bonasia'².

В. Г. Егоров несколько расширил круг сопоставляемых форм и углубил этимологию этого орнитонима. Чувашское *пăчăр* 'рябчик' он возводит к *пăч* 'пятно', 'крапинка'; *пăч-пăч* 'пятнами', 'крапинками', что вполне достоверно. Не вызывает возражений и круг сопоставляемых форм: тат. *божыр*, башк. *бүзйр* 'рябчик', башк. *быжыр*, *бөзөр* 'рябой (от оспы)'; кирг. (Будагов I, 273) *бүчүр* 'рябой', 'рябина от оспы'; як. *бочугурас* 'рябчик', хотя эти формы требуют объяснения как в отношении их генезиса, так и в хронологическом плане³.

М. Р. Федотов, касаясь марийского *пучыре* 'стриж', выводил его из чув. *пăчăра* (*пăчăр+а*) 'рябчик' и сопоставлял с тат. *божыр* 'рябчик'⁴.

М. Рясänen чувашское *пăчăр* (*пăžăг*, *рəžăг*) 'рябчик' считал заимствованием из татарского *bəžeg* 'рябчик' и сопоставлял тюрк. **bucig* с як. *boçugur-as*, *böçügür-äs*, *böçüg-ünpöög* 'рябчик' и с кирг. *büzüg* 'оспинка', 'рябинка (от оспы)'⁵, хотя, судя по фонетическому облику, татарский орнитоним с полным основанием следует квалифицировать как чувашское заимствование.

Обзор существующих в литературе этимологических исследований чувашского орнитонима *пăчăр* показывает явно недостаточную полноту и глубину приведенных этимологий. Анализируемое слово имеет многочисленные корреляты в других языках обширной алтайской семьи, к сожалению, не учтенные исследователями при этимологизации этого орнитонима. Совокупность соответствующих чувашскому *пăчăр* 'рябчик' тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских форм позволяет проследить историю этого орнитонима от предполагаемой эпохи общности алтайских языков вплоть до наших дней.

Носителю чувашского языка нетрудно разделить это производное слово на морфемы. Так, великолепный знаток чувашского языка В. Г. Егоров усмотрел в корне этого слова чувашское *пăч* 'пятно', 'крапинка'; ср. парное *пăч-пăч*, *пăчă-пăчă* 'пятнами', 'крапинками', 'пятнистый', 'рябой'. Следовательно, чув. *пăчăр* 'рябчик' содержит в своем составе основу *пăч(ă)* 'пятно', 'крапинка' и аффикс *-ăр*, причем основа *пăчă* также исторически членима на глагольную основу *пăч-* (~ др.-тюрк. **bād-*) и аффиксальную морфему *-ă* (~ др.-тюрк. *-ik*). На семантике этих морфем остановимся несколько ниже.

Далее, чув. *пăчăр* 'рябой', 'пестрый'; ср. *пăчăр-пăчăр* 'пятнистый', 'рябой', 'пестрый', 'с крапинками', 'с оспинками' (отсюда мар. *риçăг-роçăг*, *рăçăг-рăçăг* 'неряшливый'; *тăçăг-тăçăг id*.) свободно сопоставимо с пратюрк. **bādāz* 'знак', 'отметина', 'резьба', 'пятно', 'крапинка'; ср. др.-тюрк. *bedāz* 'икона', *bediz* 'резьба', 'орнамент', 'украшение', 'изображение', 'образ', 'памятное здание', 'красивый', 'стройный'; *bediz bezä-* 'украшать'⁶. Этой пратюркской форме закономерно должна соответствовать прабулгарская форма **bādār* 'отметина', 'пятно', 'знак', 'украшение', 'резьба', которая подтверждается и данными монгольских языков; ср.

² H. Paasonen. *Csuvas szójegyzék*. Budapest, 1908, стр. 102; 2-е изд.: *Tschuwaschische Wörterverzeichnis*. Eingeleitet von A. Róna-Tas. Szeged, 1971, стр. 102.

³ В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 151.

⁴ М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I. Чувашско-марийские связи. Чебоксары, 1963, стр. 102.

⁵ M. Räsänen. *Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen*. Helsinki, 1969, стр. 85.

⁶ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 90 (далее: ДТС); С. Г. Кляшторный. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханын-юрской надписи). — «Тюркологический сборник, 1974». М., 1978, стр. 241—248.

п.-монг. *beder* ~ *bider* (последнее с вторичным сужением гласного) 'полоса', 'линия', 'черта', 'пестринки', 'крапинки'⁷, х.-монг. *бидэр* 'крапинки', 'пятна', 'полосы у живогных'; бур. *бүдэр* 'крапинка', 'пятно', 'пятнышко', *бүдэртэй* 'в крапинку', 'пятнистый', 'рябой'; калм. *бедр* 'украшение', 'орнамент', 'узор', 'арабеска'⁸; бур. (балаган.) *бадар* 'крапина'⁹. Тюркским *z*-формам в чувашском и монгольских языках закономерно соответствуют *g*-формы, следовательно, с чувашским *nāčär* в качестве протобулгарской формы можно сопоставить **bādār*. Но такое сопоставление требует объяснения как со стороны фонетических изменений, так и с семантической стороны. Фонетическая история протобулгарского **bādār* нам представляется следующим образом. Второй широкий гласный *ā* еще в прабулгарскую эпоху постепенно сузился в *e* (ср. монгольские формы), а затем и в *i* > *i* (ср. древнетюркокую форму). Первый широкий гласный переднего ряда *ā* в древнебулгарскую эпоху истории чувашского языка закономерно переходил в *a*¹⁰. Этот вторичный *a* в ряде случаев совпал с исконным *a* и в среднебулгарскую эпоху, как и исконный *a*, через ступень *o* сузился в *u*, а этот последний гласный повел себя как исконные губные и в новобулгарскую эпоху редуцировался в *ä*. Значительные изменения претерпел и медиальный согласный *d*, который, оказавшись перед *i* (< **ā*), еще в прабулгарскую эпоху истории чувашского языка закономерно перешел в *ž*, т. е. **di* > *ži*¹¹. Инициальный звонкий согласный *b*- по фонетическим законам чувашского языка перешел в глухой *p*-. Второй гласный *i* (< **ā*) согласно закону сингармонизма под влиянием изменения гласного первого слога, также претерпел значительные изменения. Передвижение первого гласного в задний ряд вызвало озаднение второго гласного [*i* > *i* под влиянием *a* (< **ā*) первого слога, небная гармония]; огубление вторичного *a* первого слога вызвало сгубление и второго гласного [*i* > *o* под влиянием *o* (< **a*) первого слога, губная гармония]; в последнюю очередь уже в конце среднебулгарской эпохи губные гласные редуцировались в *ä*, но в ряде говоров сохранили губной оттенок. Развитие протобулгарского **bādār* в современный чувашский *päžär* происходило по следующей схеме: протобулг. **bādār* 'пятно', 'крапинка' > прабулг. **bādir* > **bāžir* > др.-булг. **bažir* > ср.-булг. **božir* > **božog* > **bužig* > ново-булг. (чув.) **pužig* ~ *püžüg* ~ чув. *päžär* 'рябчик' (< 'пятно', 'крапинка', 'пятнистый', 'с крапинками')¹².

Приведенные реконструированные булгаро-чувашские формы находят себе поддержку со стороны тюркских и монгольских соответствий, являющихся разновременными заимствованиями из булгарского языка или из его диалектов; ср.:

протобулг. **bādār* → др.-монг., ср. п.-монг. *beder* > *bider* 'полоса', 'линия', 'черта', 'пестринки', 'крапины', 'полосы', х.-монг. *bider* 'крапинки',

⁷ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика. Л., 1929, стр. 149; G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1976, стр. 41; N. Poppe. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre. Wiesbaden, 1960, стр. 123; M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkisprachen. Helsinki, 1969, стр. 67.

⁸ G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch, стр. 41.

⁹ И. А. Подгорбунский. Русско-монголо-бурятский словарь. Иркутск, 1909, стр. 134.

¹⁰ М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков. I. Чебоксары, 1980, стр. 81—91.

¹¹ Б. Я. Владимирцов. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, стр. 405; М. Рясачев. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 138; М. Р. Федотов. Чувашский язык в семье алтайских языков, стр. 118—119.

¹² Хронологизацию истории чувашского языка см.: А. Рона-Там. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка — «Проблемы исторической лексикологии чувашского языка». Чебоксары, 1980, стр. 3—13.

'пятна', 'полосы у животных'; калм. *bedəg* 'украшение', 'орнамент', 'узор'; бур. *büder* (<*bädär), бур. (балаган). *baĉar* (<*bädär) 'крапинка', 'пятно';

монг.→тунг.-маньчж., ср.: маньчж. *bederi* 'полоса (на шкуре зверей, на камнях)', 'пятно (на шкуре зверей)', 'крапины (на перьях птиц)';

монг.-як. *bädär* 'рысь' (табуированное название, вместо исконного *ü:s* 'рысь', 'соболь', 'куница');

ср.-монг.→тюрк., ср.: ср.-тюрк. *bädär*: *bädär huġan* 'статуя'; др.-тюрк. *bädär* 'икона'; кирг. *büdür. bidir* 'прыщик' (из бур. диалектов), *bedär* 'узор', 'орнамент', 'отпечаток', 'пестрое (в поперечную полоску) перо птицы'; уйг. *pödür* (čük) 'перепелка'; сагай. *püdürčün* 'перепелка' (из бур. диалектов; о монгольском происхождении последнего орнитонима свидетельствует также аффиксальная морфема *-čün*, характерная для монгольских орнитонимов¹³); хак. *pider* 'крапинка'; башк. *böđög* 'рябь'; 'рябой'; *bidär* 'узор'; (кубеляк.) вобого 'рябь', 'зыбь' и т. д.;

прабулг. **bädir* > *bäzigr* в современных языках прямых следов не оставили, но следующие формы безусловно отражают прабулгарское состояние: бур. *bedir* 'пятно', 'крапинка'; тув. *bözür, tözür* 'рябой', 'с рябинами', 'щербатый', 'со щербинами', 'рябина', 'щербина'; балк. *zibig* (метатеза из **bizigr*) 'шероховатый'; кирг. *büzür* 'рябой', 'рябина от оспы'; башк. *büdür* 'рябчик', 'рябой'¹⁴;

др.-булг. *bažigr* > *bäzigr* отразились в каз. *bažig* 'резко-пестрый цвет'; ср. еще венг. *pacsir* (ta) 'жаворонок';

ср.-булг. **božigr* > **božog* > **bužig* имеют более широкий круг соответствий (эпоха возвышения Волжско-Камской Булгарии): каз. *bužig, büžür* (оперенные вызвано под влиянием *-ž-) 'рябина от оспы', *büžür kişi* 'рябой человек'; калп. *bužig*, ног. *bužig* 'рябой'; узб. *bužig* 'шероховатый'; чаг. *božig* 'очень рябой'; башк. *bäžär, bižig*, южн. *bizig* 'зыбь' ['рябь', 'рябина от оспы', 'рябой' и т. д. (← ср.-булг.)];

новобулг. (=чув.) **pušig* > *pežeg* ~ *pežär* ~ *päžär* 'рябчик' → тат. *büžüg* ~ *bežär*, диал. (златоуст.) *büž'og* 'рябчик'; башк. (диал.) *büžüg, büžüg, büžär, bozog, urtan* *böžärä* 'рябчик'¹⁵; →? мар. *pušige* 'стриж'¹⁶; ср. еще мар. *pušärtan* 'ласточка', которое М. Рясняном сопоставлено с чув. *päğžäġan, päğžkan* 'трясогузка' и под вопросом с венг. *pacsirta* 'жаворонок'¹⁷. Но чув. *päğžäġan* с мар. *pušärtan* объединяет лишь общая семантика, а фонетическая невыводимость одного слова из другого делает это сопоставление неприемлемым. Видимо, мар. *pušäge, pušärtan*, ср. еще *pušägäk vašägeñäš* 'стриж, береговая ласточка', хотя семантически и отличается, но имеет материальное родство с чув. *päžär* 'рябчик' (первоначально «рябой», «пестрый»). Приведенный М. Рясняном венг. *pacsirta* (где *-ta* — аффикс отыменного словообразования; ср. венг. диал. *pacsir*) 'жаворонок' также сомнительно сопоставить с др. булг. **bažigr* ~ **pažigr* 'крапинка', 'пестринка', 'рябь', 'рябой', 'пестрый', хотя «Историко-этимологический словарь венгерского языка» квалифицирует этот

¹³ Г. Касумбейли. По поводу одной этимологии у Потебни. — «Труды Института языка Академии наук Азербайджанской ССР», т. I, Баку, 1947, стр. 24; Д. Х. Базарова. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц. — «Советская тюркология», 1975, № 4, стр. 16.

¹⁴ В. В. Кагаринский. Башкирско-русский словарь. Оренбург, 1900, стр. 35.

¹⁵ Э. Ф. Ишбердин. Наименования птиц в башкирских говорах. — «Вопросы башкирского языкознания». Уфа, 1973, стр. 160.

¹⁶ М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми, стр. 102.

¹⁷ М. Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920, стр. 258.

орнитоним как ономатико-поэтическое образование и подчеркивает, что соответствий в тюркских языках он не имеет¹⁸. По внешнему виду жаворонок действительно является пестрой, рябой птицей.

Фонетический облик приведенных выше форм, представленных в разных языках, а также ареалы распространения отдельных фонетических вариантов красноречиво свидетельствуют о том, что источником заимствования указанных пространственно-хронологических аллолексов был язык болгарского типа. Бесспорно болгаро-чувашскими являются: ротацизм (булг. *bädär ~ общетюрк. *bädäz); переход *di > ž: (булг. *häžir), а также историческое развитие вокализма. Наиболее древние протоболгарские формы с медиальным -d- в очень раннюю эпоху проникли в древнемонгольский язык (п.-монг. *bedeg*), откуда уже в среднемонгольский период распространились в ряде тюркских и тунгусо-маньчжурских языков. Представленные в сибирских тюркских языках формы с медиальным -ž- (<*d-) свидетельствуют о древних контактах предков саяно-алтайских тюрков с прабулгарами (ср. тув. *bözüg*, развитие вокализма происходило по законам тувинского языка). В древнеболгарскую эпоху, мигрируя через Среднюю Азию, болгары передали это слово предкам казахов (каз. *bažir*), а уже на Северном Кавказе — предкам венгров (венг. *racsir*). В эпоху расцвета Волжско-Камской Булгарии ореднеболгарское слово проникло в языки смежных тюркских народов, а также в среднеазиатские тюркские языки (вплоть до чагатайского), видимо, в результате интенсивных и долговременных торговых контактов. И уже в нсвоболгарскую эпоху истории чувашского языка, окончательно оформившись в орнитоним, чувашское *ря́ж* стало источником заимствования для татарского, башкирского и марийского языков. Такова в общих чертах материальная история этого слова.

Интересна и его семантическая история. Первоначально слово *bädär (<*bäd- 'метить', 'делать знак, след, черту' + -är) значило 'отметина', 'знак', 'черта', 'узор', 'орнамент' и т. п. В дальнейшем оно долгое время удерживало в языке этот основной пучок значений, претерпев лишь незначительные семантические сдвиги: «крапинка», «рябинка», «рябой», «пестрый», «рябина от оспы» и т. п. И только в чувашском языке оно приобрело значение орнитонима: «рябчик» (<«рябой», «пестрый», «с крапинками»). Название рябчика в ряде языков связано с его пестрым оперением. «Общая окраска птицы буровато-серая, на боках заметен рыжий цвет, большая часть оперения с поперечными темными штрихами — рябью», — характеризует внешний вид этой птицы «Определитель птиц фауны СССР»¹⁹. В славянских языках, например, название этой птицы также характеризует его окраску; ср.: ср.-болг. *ерябь* 'куропатка', русск.-ц.-слав. *ярябь*, болг. *яребица*, *еребица*, вкр. *орябок*, русск. *рябка* 'куропатка', 'рябчик', русск. *рябчик* и т. д., в которых выделяется корень *rębъ, ср. русск. *рябь* и т. д.²⁰

В истории чувашского языка болгарское слово со значением «рябой», «пестрый», «крапинка» также перешло в разряд орнитонимов и стало обозначать рябчика (*Tetrastes bonasia*). Процесс этот произошел сравнительно недавно, в новоболгарскую эпоху чувашского языка. Ранее это слово бытовало исключительно со значениями «рябой», «пестрый», «рябинка», «пестринка», о чем свидетельствует семантика раннеболгарских заимствований в других языках. Современный чувашский

¹⁸ «A magyar nyelv történeli-etimológiai szótára». III kötet. Budapest, 1976. стр. 53.

¹⁹ П. П. Второв, Н. Н. Дроздов. Определитель птиц фауны СССР. М., 1980. стр. 55.

²⁰ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. III, М., 1971, стр. 534, 535.

язык сохранил это значение в парном *ražäg-ražäg* 'в крапинку', 'крапчатый', 'с крапинками', 'пятнистый', 'рябой' и т. п.

В недавнем прошлом чувашский язык знал другое название для рябчика *šuli* 'рябчик', зафиксированное в рукописном «Словаре языка чувашского» XVIII века²¹; ср. еще *šulli* 'кулик', обычно возводимое к иранскому источнику; ср. перс. چل *čil* 'серая куропатка', 'рябчик', 'серый франколин'²²; азерб., тур., узб., уйг., кирг. *čil* 'серая куропатка'; башк. *säl*; каз. *šäl* 'рябчик'; ног. *šäl* 'стрепет' и т. д.; ср. еще коми-перм. *šöla*, удм. *šala*, манс. *šula* 'рябчик'²³; скорее всего восходящие к болгаро-чувашскому источнику; ср. др.-чув. **šul* ~ тюрк. **čäl* ←? н.-перс. *čil*. Но такая этимология небезупречна с фонетической точки зрения. В арабских и персидских заимствованиях анлаутный *č*- в чувашском обычно удерживается. Непонятным остается и природа ауслатного *-i*, к тому же появляющегося вопреки законам сингармонизма. Остается необъяснимой чув. *u < i* и т. д. При этимологизации этого орнитонима нужно учесть и следующие тюркские формы: др.-тюрк. *čil* 'веснушки', 'рябинки', 'следы побоев на коже', 'ссадины', 'рубцы' (ДТС, 146); тур. *çil* 'веснушка', 'пятно (на зеркале)', 'рябина, крапль(к)а (на оперении птиц)', 'пестрый', 'пятнистый', 'рябой', 'крапчатый (о птицах, животных)'; *čil hogoz* 'рябой петух'; *čil tavuk* 'крапчатая курица'; туркм. *çii* 'рябой'; азерб. *čil* 'покрытый серыми, белыми пятнами', 'пятнистый', 'веснушчатый', 'дикая курочка', 'рябчик'; уйг. چل *čil* 'рябчик', 'куропатка', 'экзема'; *čil bögi* 'шакал' и т. д. В целом ряде тюркских языков представлена первичная семантика слова *čil* 'рябой', 'пятнистый', 'крапчатый', отсутствующая в иранских языках. Из числа индоиранских языков слово *čil* 'рябчик' можно обнаружить только в персидском и курдском языках, в остальных индоиранских языках это слово не представлено. Все это сильно расшатывает версию об иранской природе тюркокого *čil* 'рябчик'. Вполне очевидным становится исконно тюркское происхождение орнитонима *čil*. Это название было дано рябчику, опять-таки, по его пестрому, крапчатому оперению. В чувашском языке основа **čil* ('крапин(к)а' оформлена аффиксом обладания *-li*; то есть чув. *šulli* (<**čäl* 'крапинка' + *-li*), букв. 'имеющий крапинки', 'крапчатый'. Трудно объяснить в чувашском анлаутный *š*- (<**č*-, вместо ожидаемого *š*-) и гласный первого слога *u*. Все это наводит на мысль, что в пратюркском или праболгарском языках слово *čil* бытовало с долгим гласным, то есть в форме **či:l* < **čiäl*. Только реконструируемая согласно внутренним фонетическим законам чувашского языка праформа **čiäl* объясняет фонетический облик чувашской формы *šulli*. Фонетическая история этого орнитонима в болгаро-чувашских языках представляется следующим образом: протобулг. **čiäl* 'крапинка', 'пятно', 'рябинка'; **čiällig* 'крапчатый', 'пятнистый', 'рябой', 'рябчик' > прабулг. **čä:lilig* 'рябчик' > др.-булг. **šällij* > ср.-булг. **šalli* (→ удм. *šala* 'рябчик') > **šöllii* (→ коми *šöla*) > чув. *šulli* ~ *šuli* 'рябчик'.

В среднеболгарскую эпоху истории чувашского языка (период расцвета Волжской Булгарии) это слово употреблялось активно, о

²¹ В. Г. Егоров. Чувашские словари XVIII века. — «Записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Чувашской АССР», вып. II. Чебоксары, 1949, стр. 128.

²² «Персидско-русский словарь». Под редакцией Ю. А. Рубинчика. Том I, М., 1970, стр. 483.

²³ В. И. Лыткин. Исторический вокализм пермских языков, М., 1964, стр. 128; В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. Краткий этимологический словарь коми языка, М., 1970, стр. 270.

чем недвусмысленно свидетельствует его проникновение в контактировавшие с чувашским финно-угорские языки. В новобулгарскую эпоху чувашское *šullī* отошло в пассивный фонд лексики и его место заняло новообразованное *рăзăг* 'рябчик'. Не исключено, что появлению этого слова способствовало рус. *рябчик* (<*рябь*). Можно предполагать, что чув. *рăзăг* является своего рода калькой с русского *рябчик*, но зафиксированные в тюркских языках орнитонимы (ср. уйг. *rödüg, rödügçük, sağay. rödügçün* 'перепелка') не согласуются с этим предположением, ибо модель семантического развития «рябой» > «рябая птица» (орнитоним) типична и для алтайских языков.

Этимологизацию чувашского орнитонима *рăзăг* 'рябчик' нельзя считать исчерпывающей, если не учитывать якутские семантические параллели, приведенные М. Рясняном в качестве гомогенных с формой чувашского орнитонима, ср. як. *hoçuуҕас, hoçuуҕас, böcүгүрäs, bičiyiñar, bičiyiñar, bičiyiñai, böcүгүннөөг* 'рябчик'. Э. К. Пекарский, справедливо подметив их звукоподражательный характер, возводил к як. *hoçuуҕа* 'щебетать'²⁴. Нам остается только подчеркнуть, что якутские формы, вопреки М. Рясняну, с чувашским *рăзăг* 'рябчик' никаких генетических связей не имеют.

Наконец, отметим, что в «Этимологическом словаре тюркских языков» в словарной статье *büdür*²⁵ объединены две гетерогенные основы, восходящие первая — к общетюрк. **hudur||*büdür* 'шероховатый', 'неровный', а вторая — к протобулгарскому **bädär* 'знак', 'отметина', 'крапинка', 'рябинка', причем обойдены вниманием собственно тюркские соответствия к протобулгарской форме, восходящие к общетюркскому архетипу **bädaz*; ср. др.-тюрк. *bädiz* 'резьба', 'орнамент', 'украшение'. Эти две гетерогенные основы фонетически четко разграничиваются в чувашском; ср. общетюрк. **bädaz* ~ протобулг. **bädär* ~ чув. *рăзăг*; но общетюрк. **budur* ~ протобулг. **büdür* ~ чув. *рăдăг*; ср. чув. *рăдăг-рăдăг* 'шероховатый', 'неровный', 'бугорчатый' и т. п.

2. Хурчка 'ястреб'; 'коршун' (Accipiter). В чувашских диалектах зафиксированы следующие фонетические варианты этого орнитонима: низ. *хурчăка*, верх. *хорчка, хорчăка* 'ястреб'²⁶, ср.-низ. *хурчка* 'ястреб', 'коршун'. Орнитоним *хурчка* выступает в качестве основного слова в комбинированных названиях птиц отряда ястребиных, например, *путене хурчки* 'ястреб-тетеревятник' (*Accipiter gentilis*), 'ястреб-перепелятник' (*Accipiter nisus*), *серси хурчки* 'кобчик' (*Egitropus vespertinus*), *виле хурчки* (*Neophron percnopterus*)²⁷ и т. п. Большинство подобных атрибутивных синтагм скорее всего является калькой с русских научных и народных названий соответствующих птиц. В общеразговорном языке они малоупотребительны, за исключением *серси хурчки* 'кобчик' (букв. 'воробьиный коршун').

Семантика чув. *хурчка* 'ястреб' довольно устойчива, но некоторые старые словари дают и другие значения: «сыч»²⁸, «сокол»²⁹.

²⁴ Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Выпуск третий. СПб. 1912, стр. 514, 530, 645.

²⁵ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978, стр. 285—287.

²⁶ Н. И. Ашмарин. Словарь чувашского языка. Выпуск XVI. Чебоксары, 1941, стр. 235—236.

²⁷ «Чувашско-русский словарь». Под редакцией М. Я. Сироткина. М., 1961, стр. 511, 356.

²⁸ Н. В. Никольский. Краткий чувашско-русский словарь. Казань, 1919, стр. 305.

²⁹ «Словарь языка чувашского». Рукопись (хранится в рукописном отделе Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), стр. 54 об. (XVIII в.).

Уже первые исследователи историко-этимологических связей чув. хигска ~ хигз̄ага выявили его генетическую соотносимость с монг. хагса-уай 'ястреб'. Так, Н. И. Золотницкий сопоставлял чув. хорчка 'ястреб' с чаг., тат., кирг., алт. карчыга, якут. кырдь, с монг. харцагай. а также вогул. (= манс.) ортка³⁰. Х. Паасонен ограничился приведением к чув. хигДз̄'ага тат. соответствия кагс̄'ауа 'ястреб'³¹. В. Г. Егоров к чув. хурч'ага приводил соответствия из ряда тюркских и монгольских языков, но историко-этимологической интерпретации этого орнитонима не дал³².

В тюркологии общетюрк. qarç'ıya 'ястреб' не раз было предметом обсуждения, но все предпринятые до сих пор разработки этого орнитонима либо отмечены недостаточной исторической глубиной анализа, либо игнорируют фонетические и морфологические моменты, либо страдают неполнотой сравниваемого материала, либо же содержат все эти недостатки одновременно. Чтобы не быть голословным, остановимся на некоторых существующих точках зрения. Так, Э. Ф. Ишбердин, рассматривая в одном ряду башк. qarç'ıya ~ qarç'ıya и другие тюркские и монгольские формы с медиальным -ç- (ср. алт. qarç'ıya ~ qarç'ıyaј 'ястреб', 'сокол', 'коршун'; каз., ккалп., ног. qarç'ıya; карач. qarç'ıya 'ястреб'; бур. qarç'ıya; монг. qarç'ıgai ~ qarç'ıgai 'ястреб' и др.) с тюркскими формами с медиальным -t-, представленными в сибирских тюркских языках (ср. алт. qarç'ıya ~ qarç'ıya 'коршун', 'ястреб'; тув. qarç'ıya ~ qarç'ıya и др.), не дает объяснения историческим взаимоотношениям между этими формами³³.

Д. Х. Базарова, этимологизируя узб. qarç'ıyaј 'ястреб-перепелятник', подчеркивала его принадлежность к пласту тюркской лексики, общей с монгольской, объявив этот орнитоним звукоподражательным образованием. При этом она даже не пыталась проследить фонетическую и морфологическую историю этого слова³⁴.

М. Ряснен приводил ряд соответствий из тюркских и монгольских языков, причем указывал на связь монг. qarç'ıgai с тюркскими формами на -t-: тюрк. karç'ıya. Интересны его замечания о заимствованном характере чув. хигз̄ага, морд. karç'ıgaп, вогул. (= манси) karç'ıgaп (из тюркских языков; скорее всего татарского, судя по ссылкам на литературу)³⁵.

Ц.-Д. Номинханов также ограничился приведением генетических соответствий из монгольских и тюркских языков, не касаясь истории появления этих форм³⁶.

Большинство исследователей, так или иначе вникавших в фонетическую историю этого орнитонима, в тюркских формах с медиальным -ç- видели монгольское заимствование³⁷. Эта точка зрения прекрасно аргументирована фактами в работе А. Рона-Таш, посвященной среднемонгольским лексическим заимствованиям в чувашском языке³⁸. Анали-

³⁰ Н. И. Золотницкий. Корневой чувашско-русский словарь, стр. 97.

³¹ H. Paasonen. Csuvás szójegék. Budapest, 1908, стр. 52.

³² В. Г. Егоров. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964, стр. 309.

³³ Э. Ф. Ишбердин. Наименования птиц в башкирских говорах, стр. 152.

³⁴ Д. Х. Базарова. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка (на материале названий птиц). Ташкент, 1978, стр. 44.

³⁵ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, стр. 237.

³⁶ Ц.-Д. Номинханов. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1975, стр. 191—192.

³⁷ M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk Sprachen, стр. 237; В. И. Рассадин. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980, стр. 6.

³⁸ A. Róna-Tas. Középmongol eredetű jövevényszavak a csuvasban. — «Nyelvézeti dolgozatok», ч. I, 114. Szeged, 1971—1972, стр. 77—88; ч II, 115. Szeged, 1973—1974, стр. 125—141.

зируя историю чувашского *хигска* 'ястреб', он указал, что современные чувашские формы этого орнитонима через посредство кыпчакских языков Поволжья восходят к среднемонгольским формам типа *qarčiqai* ~ *qarčiya* → тат. *karčiga* ~ *karčäya* ~ башк. *qaršiya* 'ястреб' ~ чув. *хигска* 'ястреб'³⁹.

Наиболее полно история этого орнитонима рассмотрена Г. Дёрфером. Он впервые указал, что формы с медиальным *-t-* отражают пратюркское фонетическое состояние этого слова, а формы с медиальным *-č-* восходят к монгольским языкам и в тюркских являются обратными заимствованиями из монгольского: пратюрк. **qartīqa* → прамонг. **qartīga* > *qarčigai* → тюрк. *qarčiya* → чув. *хигска*. Далее он привел свод монгольских и тюркских проникновений в языках разных систем⁴⁰. Но даже этот самый полный в настоящее время свод рефлексов пратюркского **qartīqa* не является исчерпывающим. В нем не нашли отражение рус. *коршун* и мар. (горн.) *kərsünqəš* 'коршун', 'беркут', позволяющие несколько уточнить историю пратюрк. **qartīqa*.

Обратимся к фактам. Пратюркская форма **qartīqa* 'ястреб', 'коршун', 'сокол' < *'хищная птица' вполне реальна и подтверждается фактами сибирских тюркских языков: алт. *qartaŋa* (аладаг.), *qartīya* (абак.) 'коршун', 'ястреб'; *qartācaq* (верхнебийск.) 'ястребок'⁴¹; тув. *хартīya* 'сокол'; 'ястреб'; хак. *хартīya* 'ястреб'; шор. *qartaŋa* 'ястреб', 'коршун'; сар., кирг. *qartīya* 'ястреб'; лебед. *qartāzaq* (деминутив от *qartā* < **qartaŋa*) 'ястребок'; койб. *qartaŋa*; карагас. *hartaŋa* 'ястреб'; якут. *kī:rt* 'хищник', 'ястреб', 'ястреб-кобчик', 'сокол-сапсан'; *kī:t* (ср. формы принадлежности *kī:rdim*, *kīrdin*, *kī:rda*) 'ястреб', 'сокол-сапсан', 'хищная птица, похожая на сокола', 'серая сова'⁴² и др. Из южносибирских тюркских языков формы с медиальным *-t-* проникли в южносамодийские диалекты, ср. южн.-самод. *хартуга* 'ястреб', и угорские языки, ср. манс. *хортхан*, хант. *хартхан* 'ястреб'⁴³. Приведенные формы позволяют реконструировать для протобулгарского состояния форму **qartīqan* ~ **qartīyın*, восходящую к прототюркской форме **qartīqan*. Эта реконструкция находит поддержку в маньчж. *qarčīn* 'коршун'⁴⁴ (< прабулг. **qarčī:n* < **qartīyın* 'хищная птица').

В составе этого орнитонима выделяется глагольная основа **qartī-*, имеющая рефлекс в некоторых тюркских языках: ср.: чаг. *qartī-* ~ *qarčī-* 'оцарапать', 'поранить'⁴⁵ ~ чув. *хис-* (< **хигс-* < **хигсч-* < **хорсч-* < **qartī-*) 'чесать', 'царапать', перен. 'утащить' (ср. якут. *kī:t* < *kīrt* 'хищник', 'ястреб'). Фонетически такое сопоставление вполне приемлемо, так как выпадение *r* в звукосочетаниях *rt*, *rč*, *rs*, *rč*, *rp* и т. п. в чувашском известно еще с среднебулгарского времени; ср. общетюрк. **tō:rt* 'четыре' ~ ср.-булг. (язык болгарских эпитафий) *تواتم* *toatim* ~ *tuatim* 'четвертый' ~ чув. *tävat* ~ диал. (верх.) *toat* 'четыре'⁴⁶.

Таким образом выясняется морфемный состав и первичная семантика прототюркского орнитонима **qartīqan*. Слово это образовано из

³⁹ А. Róna-Tas. *Közepmongol eredetu jövevényiszavak a csuvasban*. — «Nyelvészeti és lögazatok», ч. II, стр. 131.

⁴⁰ G. Doerfer. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Band I. *Mongolische Elemente im Neupersischen*. Wiesbaden, 1963, стр. 404—405.

⁴¹ В. Вербицкий. *Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка*. Казань, 1884, стр. 131.

⁴² Э. К. Пекарский. *Словарь якутского языка*. Т. I, СПб., 1907, стр. 1419, 1440.

⁴³ G. Doerfer. Указ. раб. стр. 405.

⁴⁴ «Сравнительный словарь тунгусо-мачычжурских языков. Материалы к этимологическому словарю». Т. I, Л., 1975, стр. 379—380; сопоставление с монг. *хара* 'черный' — ошибочно.

⁴⁵ В. В. Радлов. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т. II, СПб., 1899, стр. 201, 205.

⁴⁶ А. Róna-Tas, S. Fodor. *Epygraphica bulgarica*. Szeged, 1973, стр. 156; М. Р. Федотов. *Чувашский язык в семье алтайских языков*, стр. 137.

глагольной основы путем присоединения аффикса *-qaп* (>прабулг. **-qaп>*-an>*-in*). Этот аффикс в языках общетюркского типа потерял назальность и принял фонетический облик *-qa>-ya*. В пору своего еозникновения орнитоним **qarṭīqaп* имел значение 'царапающая, ранящая (птица)', то есть 'хищная птица' (ср. якут. *kī:rt* 'хищник'), что вполне соответствует обозначаемому объекту. Фонетическая и морфологическая структура слова позволяет с полным основанием говорить о том, что орнитоним **qarṭīqaп* был образован в прототюркском языке исконно тюркскими языковыми средствами.

В языках болгарского типа общетюркский орнитоним **qarṭīqaп* претерпевал следующие исторические фонетические изменения: прото-булг. **qarṭīqaп* > прабулг. **qarčī:n>*qarčīn>* др.-булг. **qaršīn>*xoršun>* ср.-булг. **xoršān>* новобулг. **xuršān~*xurz'ān~xūr'z'ān~xārgz'ām* 'ястреб' < *'хищная птица'. Некоторые из этих диахронических фонетических форм проникли в контактировавшие языки и законсервировались:

прабулг. **qarčī:n* → маньч. *karčīn* 'коршун';

др.-булг. **qaršūn~*qoršūn~*xoršūn* → вост.-слав.: ср. рус. *кoршун*; диал. *кoршун*; укр., белор. *кoршун*; ср. слов. *kršák, kršo* 'кoршун' (← др.-булг. **qoršūn*). Представленное только в восточнославянских и словацком языках, это слово не имеет надежной индоевропейской этимологии⁴⁷;

новобулг. **xūršūn~xāršūm...* 'ястреб', 'хищная птица' → г.-мар. *kər-šünḡəš*. Определение болгаро-чувашских заимствований в горномарийском вполне закономерно⁴⁸. К болгаро-чувашскому орнитониму **xūršūn* в горномарийском присоединился аффиксальный элемент *-ḡəš*, являющийся сложным аффиксом < *-ḡəš||-ḡä+ -əž||-äž, -əš||-äš*. Оба аффикса встречаются в названиях живых существ; ср.: г.-мар. *čärläḡə* 'цапля' ← чув. *čarlan*; ср. тат. *čarлак* 'цапля', 'чайка'; г.-мар. *sarḡeḡä* ~ луг.-мар. *sorḡem* 'сорокопут'; г.-мар. *šäläḡə* (< *šälä-ḡə*) 'канюк', луг.-мар. *varḡeḡe* ~ сев.-зап. *varaksim* 'ласточка' и т. п.; луг.-мар. *kutkäž*, г.-мар. *kučkäž* 'орел' ~ фин. *kotka* 'орел'; г.-мар., луг.-мар., *kurniž* 'ворон' ~ фин. *kaagne* 'ворон'⁴⁹. Сложный аффикс *-ḡəš* (ср. его позиционные фонетические варианты *-ḡkäš||-ḡkäš, -ḡkäž||-ḡkäž, -ḡäš||-ḡäš, -ḡäž||-ḡäž*) довольно часто встречается в марийских орнитонимах, ср.: г.-мар. *ḡoḡäš* 'ореховка', *vätiišküž* 'выпь'; *vačärḡäḡäš* 'стриж', 'береговая ласточка' и т. п. О заимствованном характере горномарийского орнитонима свидетельствует наличие в марийском языке исконного названия для этой птицы; ср. луг.-мар. *varaš, varakš* 'ястреб', *kugu varaš* 'коршун' (букв. 'большой ястреб'); г.-мар. *vägäš* 'ястреб', *vägäšen* 'сокол', выступающий в широком круге описательных орнитонимов: *ižəvaraš* 'кoбчик' (букв. 'малый ястреб'); *oš varaš* 'белый коршун'; *kol'avaraš* 'мышинный ястреб'; *sal'di varaš, kul'ki varaš, täl'di varaš, tälki varaš, täli varaš, käl'i varaš, tulki varaš* 'ястреб-перепелятник' и т. п.⁵⁰

С новобулг. **xuršān* можно сопоставить удм. *kučīgan* 'сова', 'сыч' (метатеза из **xuršīn*?).

Что же касается общетюркских форм типа **qarčīya* (с медиальным *-č-* на месте *-t-*, представленного в формах типа **qarṭīqa*, бытующих в юго-восточных сибирских тюркских языках), то они большинством исследователей справедливо возводятся к монгольскому источнику. Дей-

⁴⁷ А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. М., 1958, стр. 364; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1957, стр. 342.

⁴⁸ М. Räsänen. Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen. Helsinki, 1920, стр. 99, 105, 108; М. Р. Федотов. Исторические связи чувашского языка с языками угро-финнов Поволжья и Перми. Ч. I, стр. 14.

⁴⁹ И. С. Галкин. Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II. Йошкар-Ола, 1966, стр. 25, 43.

⁵⁰ Упымарий (В. М. Васильев). Марий мутэр, Москo. 1925, стр. 33, 34, 35, 187.

ствительно, в монгольских языках представлены исключительно формы с медиальным *-č-*; ср.: п.-монг. *qačsaya. qačsayaī* 'ястреб', 'ловчая птица'; ср.-монг. *qačīqai, qačīya, qačgai* 'ястреб'; х.-монг. *qačsaga, qačsagav*; бур. *qačsaga* 'коршун', 'ястреб'; орд. *qartšagā*; ойр. *qartsag*, калм. *qartšayā*: 'ястреб', 'коршун' и др.⁵¹ (второй *a* — результат преломления *i, ī*, ср. п.-монг. формы *qačīyai, qačīyāi* 'ястреб')⁵².

Судя по историческому фонетическому переходу **ti > *ti > či > ča*, монгольские формы, по сравнению с тюркскими формами с медиальным *-t-*, являются инновациями. Приоритет тюркских форм типа **qartīqan*, имеющих к тому же надежную тюркскую этимологию, дает полное право квалифицировать общемонгольское **qačīqz* как раннее заимствование из пратюркского языка. Исторический переход **tī > *ti > či* произошел еще в общемонгольском прайзыке. Аналогичный процесс характерен и для языков болгарского типа, в частности — для чувашского, но природа этой монголо-чувашской фонетической параллели выяснена еще не до конца. Что это — общеалтайское наследие, взаимовлияние двух языков или параллельное, но автономное новообразование в праболгарском и прамонгольском?

Судя по наличию аффикса *-qa* на месте праболгарского *-an*, прамонгольскую форму **qačīqā* лучше всего отнести к заимствованиям из юговосточных сибирских тюркских языков. Но это не единственно возможный путь объяснения указанного соответствия. Обе формы этого аффикса можно вывести из прототюркского **-qan*, имеющего рефлекс в дагурском **qačīyān* (у Н. Витсена: *kartschugan* "een Navik"⁵³), а также в угорских языках; ср.: хант. *qačqan*, манс. *qortqan* 'ястреб' (← прототюрк. **qartīqan*). Нам представляется следующий путь развития этого аффикса:

прототюрк. **-qan > *-yan* (→ монг. *-qai ~ -yai*, дагур. *-yan*, угор. *-yan*) > общетюрк. **-qa ~ *-ya*, но: тюрк. *-qa(i) ~ -ya(i)* ← монг. *-qai ~ -yai*;

прототюрк. **-qan > *-yan* ~ протобулг. **-yan > прабулг. *-yin > др.-булг. *-jin > *-in > новобулг. *-än > *-n ~ *-m*; го есть развитие аффиксальной морфемы в языках общетюркского типа шло по пути утери конечного назального согласного, а в языках болгарского типа — по пути утери начального смычного, оказавшегося в интервокальном положении в слабой позиции⁵⁴.

Г. Дёрфер привел интересное объяснение появления конечного *i* в монгольских названиях ястреба. По его мнению, элемент *i* прибавился к заимствованной из тюркских языков основе **qartīqa* по аналогии с собственными монгольскими названиями животных *poqa* 'собака', *tuqai* 'змея', *gaqai* 'свинья' и т. п.⁵⁵ Но такое объяснение, как нам кажется, не соответствует истине. Чередование конечного гласного в аффиксальных морфемах тюрк. *-qan ~ -yan* ~ монг. *-qai ~ -yai* вполне закономерно, ср.: тюрк. **sañisqan > алт. sañisqan*, кирг. *sayızqan*, каз. *sawusqan* 'сорока' → п.-монг. *siyačayai* ~ х.-монг. *šāžāyāi*, калм. *šāžayā*: 'сорока'; тюрк. **tabišqan > др.-тюрк. tabišqan*, як. *tabišqan*, уйг. *tošqan*, азерб. *dovšan*, чаг.

⁵¹ Монгольские формы см. А. *Róna-Tas*. Указ. раб., стр. 131; G. *Doerfer*. Указ. раб., стр. 404.

⁵² Н. Н. Попче. Монгольский словарь. Мукаддимат ал-адаб. М.—Л., 1938. стр. 293, 406.

⁵³ N. *Witsen*. Nord en Ost Tartarye..., I. Amsterdam, 1705, стр. 71; G. *Doerfer*. Указ. раб., т. I, стр. 405.

⁵⁴ Гомогенность аффиксов *-qan* || *-yan* и *-an* несомненна; см. Э. В. Селорган. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1966, стр. 313—337.

⁵⁵ G. *Doerfer*. Указ. раб. т. I, стр. 404.

tavuŝqan 'заяц', 'тушканчик' → п.-монг. taɣulai ~ tawlai ~ taulai х.-монг. tulaɣ 'заяц' (← прабулг.) и т. д.

Таким образом выясняется, что в прототюркском названии ястреба имело форму *qartīqan и означало «хищная птица». В монгольские языки этот орнитоним проник еще в пратюркскую эпоху и скорее всего из прабулгарского языка. На прабулгарский источник заимствования древнемонгольского *qarčīqai указывают, как нам кажется, переход *ti > či > ča (после преломления i > a), а также сохранение в ряде случаев рефлекса конечного согласного -n, утерянного в языках общетюркского типа в очень раннюю эпоху: монг. -i прабулг. -n; т. е. пратюрк. *-qan ~ прабулг. *-ɣan (← монг. -qai > -ɣai) > др.-булг. *-jan > *in > новобулг. -än ~ *n ~ *m.

Ареал бытования форм с медиальным -t- охватывает исключительно юговосточные сибирские тюркские языки (алт., тув., хак., шор., кир., караг., якут. и др.), а также прото- и прабулгарский (*qartīqan > *qartīn), и, возможно, — прамонгольский (*qartīqan?), что, с одной стороны, свидетельствует о центральноазиатской прародине этого орнитонима, а с другой — о тесных исторических контактах прабулгар с древними предками центральноазиатских тюрко- и монголоязычных народов (эпоха возвышения хуннов).

В эпоху возвышения монголов название этой ловчей птицы проникло в целый ряд тюркских языков: алт. qarčīɣa ~ qarčīɣai 'ястреб', 'сокол', 'коршун', qarčā 'ястреб', 'сокол'; агаг., кач., чаг. qarčīɣai 'ястреб'; тел., крым.-тат., тат. qarčīɣa; зап.-сиб., тат. qarčīɣa; хак. qarčīɣai; тар., чаг. qarčīɣa, чаг. qarčīɣai; тоб., бар., ком. qarčīɣa; каз. qarčīɣa; кумык. qarčīɣa, карач. q'artčīɣa, узб. qarčīɣai, ног. qarčīɣa; тат. karčīga, karčāɣa, qarčāɣa; мишар. qarčīɣa, башк. qaršīɣa, qaršāɣa 'ястреб' и т. д.

Из кыпчакских языков Поволжья (татарского, мишарского) этот орнитоним попал в чувашский (новобулгарский) язык и вытеснил исконно чувашское *xogzän ~ *xugzän ~ xägzäm 'ястреб'.

Представленные в мордовских языках формы этого орнитонима отражают мишарско-татарские произносительные нормы; ср.: эрз. karčīgan, karčāgān, karčāka 'ястреб (разных видов)'; karčēgan, karčūgan, karčūgan 'ястреб'; но эрз. karčāga в фонетическом отношении стоит ближе к чув. диал. xigš(ä)ga 'ястреб'⁵⁶.

Мансийская форма qarčeqan 'ястреб' заимствована из восточно-сибирских языков и восходит к булгарско-монгольским формам типа *qarčīqan.

Рус. карчя 'название, данное малорослым заморским орлам' (Даль, II, 95) отражает огузское произношение типа тур. *karčīga и восходит, скорее всего, к крым.-тат. *qarčīgä ~ qarčīɣa 'ястреб' (← монг.). Замечание В. И. Даля о том, что названче дано заморским орлам, наводит на мысль, что источником рус. карчя могли быть и турецкие диалектные формы, но в доступных нам источниках турецких соответствий мы не нашли⁵⁷.

Осет. qægssuǵa||qægssiǵa 'ястреб' бесспорно восходит к тюркским языкам Кавказа, ср. балк. qarčəǵa 'ястреб' (← монг.)⁵⁸.

⁵⁶ G. Doerfer. Указ. раб., стр. 405; мордовские формы см.: М. Е. Евсеев. Эрзянь-рузонь вэлкс. (Мордовско-русский словарь). Москва, 1931, стр. 185.

⁵⁷ М. Фасмер. Указ. раб., стр. 205; Е. Н. Шипова. Словарь тюркизма в русском языке. Алма-Ата, 1976, стр. 171.

⁵⁸ В. И. Абага. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II, Л., 1973. стр. 294.

Из кавказских тюркских языков, главным образом из кумыкского, этот орнитоним проник в дагестанские языки, ср.: лакск. *къаргъичай* (метатеза), *къарчигъай*; дарг. *къарчигъа*, *къарчигъа* (кубач.); анд. *хъачиргъа* (метатеза); авар. *хъарчигъа*; чамал. *къарцигъа* 'ястреб' (← кумык. *къарчыгъа* 'ястреб' ← монг.)⁵⁹, а также в другие языки Кавказа; ср. дидойск. *kağ'iga*, хюркилин. *kağ'iya*, кабард. *kaşig'ya*, *qaşig'ya* 'ястреб'⁶⁰.

Происхождение иранских форм из монгольского **qağ'iya* через посредство тюркских языков (ср.: тадж. *qağ'igai* 'ястреб' ← узб. *qağ'iya* ← ср.-монг. *qağ'igai* 'ястреб') прекрасно доказано Г. Дёрфером⁶¹ и поэтому нет нужды повторяться.

* * *

Глубокий и разносторонний историко-этимологический анализ чувашских (resp. алтайских) орнитонимов представляет значительный интерес не только для тюркского языкознания, но и для всей тюркологии в целом. Подобные исследования проливают свет на древнейшие этногенетические процессы, почти недостижимые по другим источникам. Так, анализ даже двух чувашских орнитонимов — *ря́зъг* 'рябчик' и *хигъска* 'ястреб' проливает свет на древнюю историю не только чувашей, но и многих контактировавших с их предками народов; находит новое лингвистическое подтверждение теории о древней центральноазиатской прародине болгарских предков чувашей; выясняются древние исторические культурно-экономические и, как следствие — языковые взаимосвязи, имевшие место между прабулгарами и древними предками восточносибирских тюркоязычных народов, а также контакты тех и других с прамонгольскими племенами. Тщательный анализ фонетических и морфологических процессов позволяет указать также на направления путей заимствования. Выше мы видели, что древние лексические заимствования орнитонимов, в частности, происходили из языка болгаро-чувашского типа (прабулг. → монг.: др.-булг. → венг., слав.; ср.-булг. → ф.-уг. языки Поволжья и Перми; новобулг. → кыпч. и ф.-уг. языки Поволжья и т. д.), что свидетельствует о довольно высоком для своего времени уровне развития экономики ранних болгар. Приведенные два орнитонима, безусловно, недостаточны для подтверждения этих выводов, но работа над составлением «Этимологического словаря чувашского языка» показала, что довольно значительный пласт чувашской лексики, относящийся к общеалтайскому фонду, имеет аналогичную историю. А это уже является довольно веским аргументом в пользу болгарской теории этно- и глоттогенеза чувашского народа.

⁵⁹ С. М. Хайдаков. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973, стр. 17—18; G. Doerfer. Указ. раб., стр. 405.

⁶⁰ G. Doerfer. Указ. раб., стр. 405.

⁶¹ Там же, стр. 404—405.

Т. СЛЯРМБАЕВ

РОЛЬ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ СЛОВ В ОБРАЗОВАНИИ СЛОЖНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

В тюркологической литературе, как и в русском языкознании, существуют различные точки зрения на классификацию словосочетаний по их структуре. Ряд ученых утверждает, что словосочетание может быть только простым, и не следует относить к нему сложные группы¹. Другие исследователи делят словосочетания на простые и сложные, а некоторые выделяют еще так называемый комбинированный тип — объемные номинативные группы слов, в основе которых лежит принцип построения простых словосочетаний.

В образовании всех видов словосочетаний участвуют различные части речи, в том числе не только полнозначенательные, но и вспомогательные, роль которых так же определена и существенна. Данная точка зрения получила распространение не только в казахском, но и в русском языкознании².

И в русском, и в казахском языках имеются группы слов, называемые «служебными»³. Несмотря на гождественность названий, по своему смысловому значению и выполняемым в предложении функциям они в этих языках не всегда идентичны. Из всех групп служебных слов русского языка непосредственное отношение к словосочетаниям имеют только предлоги, поэтому в исследованиях по данной проблеме анализируются лишь функции предлогов⁴. Если относить к словосочетаниям однородные члены предложения (а такое мнение существует), то можно считать, что и союзы выполняют определенную функцию в образовании словосочетаний. Однако такая точка зрения представляется нам не совсем верной⁵. Сама природа вспомогательных слов в казахском языке несколько иная, чем в русском. Вспомогательные глаголы (*Асан деген*

¹ И. И. Мещанинов. Синтаксические группы. — «Вопросы языкознания», 1953, № 3; А. Реформатский. Введение в языкознание. М., 1955, стр. 233; Т. Ф. Слободинская. К вопросу о словосочетаниях. — В кн.: «Вопросы словосочетания», Волгоград, 1969, стр. 21.

² «Современный русский язык. Служебные части речи». Минск, 1971; О. С. Ахманова. О словосочетании. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», 1960, № 6; *её же*. О роли служебных слов в словосочетании. — «Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР», II, 1952, стр. 118.

³ А. Исқақов. Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1974, стр. 359—395; «Современный казахский язык», Алма-Ата, 1962, стр. 325.

⁴ Н. С. Валгина. Синтаксис современного русского языка. М., 1978, стр. 52.

⁵ В. А. Белошапкова. Современный русский язык. Синтаксис, М., 1974, стр. 74.

бала 'Мальчик по имени Асан') казахского языка употребляется чаще, следовательно, и их роль в образовании словосочетаний более существенна. К тому же в русском языке отсутствует такая разновидность имен существительных, как служебные имена, активно участвующие в образовании словосочетаний в казахском языке. Напротив, в русском языке служебные слова в словосочетаниях малоупотребительны, поэтому особого значения их функциям не придается. Специалисты в области синтаксиса считают, что функциональные особенности служебных слов должны изучаться не в морфологии, а именно в синтаксисе⁶.

Значимость служебного слова, участвующего в образовании словосочетаний, не всегда одинакова. Служебное слово, стоящее в конце предложения, не оказывает на него семантического и синтаксического влияния. Вспомогательные слова — глаголы, служебные имена, послелоги, модальные слова и т. д. — оказывают влияние на предложение в том случае, если они находятся в его середине.

Д. С. Маслов подчеркивает: «Служебные слова образуют отдельную подсистему служебных частей речи (или, как иногда говорят, „частиц речи“). Эта подсистема сильно видоизменяется от языка к языку. Могут быть выделены „морфологические“ и „синтаксические“ служебные слова... Синтаксические служебные слова обслуживают словосочетания (т. е. сочетания знаменательных слов) и предложения...»⁷. Это еще раз утверждает нас в мысли, что специфика служебных слов находит наиболее явное проявление в «синтаксических» особенностях.

На первых этапах становления теории словосочетаний в тюркологии А. П. Поцелуевский считал выражение *менин учин* 'для меня' словосочетанием, образованным посредством связи управления⁸. В этом случае местоимение *мен* имеет самостоятельное лексическое значение, а слово *ушин* в своем подчинительном или подчиняющем употреблении лишено как лексического смысла, так и синтаксической значимости. Однако, несмотря на это, автор сочетание любых двух слов относит к словосочетаниям. Такую точку зрения в свое время разделял и Н. К. Дмитриев⁹. А. З. Гаджиева посвятила этому вопросу специальный раздел «Употребление служебных частей речи в словосочетаниях осложненного типа»¹⁰.

М. Балакаев сложными словосочетаниями считает такие, в которых хотя бы один из компонентов образован при помощи двух или более знаменательных и служебных слов, или сложных слов¹¹. Согласно этому утверждению, в образовании сложных словосочетаний участвуют как знаменательные, так и служебные слова.

К. Басымов считал членами предложения, в их числе выражения *кешке дейин бардым* 'до вечера дошел', *еки есе болды*, 'увеличился в два раза', *йине шейин апардым* 'довел до дома', сложными обстоятельствами, присоединившими к себе послелоги¹². И К. Басымов и М. Балакаев признают значение служебных слов в образовании словосоче-

⁶ С. В. Ястремский. Грамматика якутского языка. Иркутск, 1970; В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. II, М., 1961; «Современный казахский язык», Алма-Ата, 1962, стр. 384.

⁷ Д. С. Маслов. Введение в языкзнание. М., 1975, стр. 219.

⁸ А. П. Поцелуевский. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Аш-табад, 1948, стр. 16.

⁹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 203.

¹⁰ А. З. Гаджиева. Осложнения именных словосочетаний в современном азербайджанском языке. Баку, 1966, стр. 18; Н. К. Дмитриев. Русские предлоги и татарские послелоги. — В кн.: «Строй тюркских языков». М., 1962, стр. 165.

¹¹ М. Балакаев. Основные типы словосочетания в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. III.

¹² К. Басымов. Пысықтауыш. — «Халық мұралы», 1939, № 2, стр. 17.

таний, хотя один из них говорит о структуре словосочетаний, а другой — о структуре предложений.

Языковые факты подтверждают важную роль вспомогательных слов в образовании словосочетаний. Зависимые компоненты словосочетаний состоят не менее чем из двух слов и выражаются словами знаменательными и служебными. Тем не менее все они выполняют единую синтаксическую функцию и сами не образуют словосочетания, а употребляются лишь вместе с зависимым компонентом главного.

Если бы зависимые компоненты словосочетаний могли сами образовывать словосочетания, то каждое из них в отдельности вступило бы в связь с главным компонентом и образовало словосочетание по следующей схеме:

одан } *көрінеді* *бұл* }
бері } *үшін* } *айтылмайды*

Такое сочетание каждого зависимого компонента с главными в отдельности привело бы к бессмыслице. Лишь сочетаясь с главным компонентом путем последовательной связи, два зависимых компонента обретают самостоятельное значение и выражают определенную мысль.

Таким образом, служебные слова используются в предложении как один из образующих компонентов словосочетания, то есть они принимают непосредственное участие в образовании сложных словосочетаний, хотя и не имеют самостоятельного значения.

Свойства служебных слов, участвующих в образовании словосочетаний, сводятся к следующему:

1. Служебные слова не имеют самостоятельного значения и соотносятся с определенной частью речи.

2. Служебные слова не выполняют самостоятельной синтаксической функции; их синтаксическая значимость проявляется лишь в связи с другими словами.

3. Служебные слова могут оставаться неизменными и подвергаться морфологическим изменениям.

4. Служебные слова, присоединяясь к другим словам, подчиняют себе последние.

5. Служебные слова играют главную роль в пояснении семантики знаменательных слов.

М. Р. ФЕДOTOB

ЗАПISKA H. И. АШМАРИНА ОБ ИЗДАНИИ ЧУВАШСКИХ ТЕКСТОВ

H. И. Ашмарин, всю жизнь занимавшийся исследованием чувашского языка, не только дал научное описание современного ему состояния этого языка, но и во многом способствовал его становлению как общенационального литературного языка.

Выросший в чувашской среде, будущий ученый еще в юности увлекся изучением истории чувашского народа, его языка и фольклора. Он глубоко сочувствовал стремлению передовой, мыслящей чувашской интеллигенции к развитию родного языка и культуры. Уже тогда у H. И. Ашмарина возникла идея создания словаря чувашского языка. Став членом-сотрудником Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, он в 1900 году обратился к чувашам с «Программой составления чувашского словаря» (доложено общему собранию Общества в 1899 году), которая завершалась следующими словами: «...Даже за самые краткие и мелкие сообщения я буду безгранично благодарен. В заключение припомню чувашскую поговорку, которая гласит: халăх сурать — күлĕ тăвать, пĕр сын сурать — типсех лырать»¹.

К H. И. Ашмарину потекли сотни, тысячи писем от знакомых и незнакомых ему лиц.

Известно, что В. В. Радлов в 1916 году написал свою последнюю работу, посвященную древнетюркским и чувашскому языкам, то есть очередную работу из серии «Alttürkische Studien» (№№ I—VI были опубликованы еще при жизни автора). В этой работе автор сообщал, что его желание через тридцать лет вновь вернуться к изучению чувашского языка вызвано постановлением Академии наук об издании образцов народной литературы чувашей, осуществление которого поручается H. И. Ашмарину².

В нашем распоряжении имеются две архивные выписки из протоколов заседаний историко-филологического отделения императорской Академии наук.

«XIII заседание, 9 января 1916 г.

§ 327. От имени академика В. В. Радлова читано:

После продолжительного и тщательного обсуждения с H. И. Ашмариним составленного им и прилагаемого при сем проекта издания „Образцов чувашской народной словесности“ и алфавита, которым долж-

¹ «Известия Общества археологии, истории и этнографии». Казань, 1900. Том XVI, стр. 243—248.

² Ленинградское отделение Архива АН СССР, фонд 177, опись 1, № 30.

ны печататься чувашские тексты, представляю этот проект Отделению с просьбой утвердить его.

Вместе с тем покорнейше прошу возместить Н. И. Ашмарину расходы его по поездке в Петроград и двухнедельному пребыванию здесь в размере 250 руб., так как от Министерства народного просвещения он никакого пособия не получил и приехал сюда по вызову Академии».

Было решено высказаться о проекте на следующем заседании, а сам проект напечатать во II приложении к протоколу проведенного заседания и просить Правление о выдаче Н. И. Ашмарину 250 руб.³

«Записка» Н. И. Ашмарина была напечатана во II приложении к протоколу XIII заседания отделения исторических наук и филологии императорской Академии наук 9 ноября 1916 года (к § 327).

«Прежде чем приступить к систематическому собиранию произведений народного творчества на местах, — пишет Н. И. Ашмарин, — было бы полезно издать уже имеющиеся налицо записи на чувашском языке, заключающие в себе описания чувашских религиозных верований и обычаев, а также различные виды словесных произведений: пословицы, поговорки, прибаутки, загадки, приметы, толкования снов, сказки, поверья, описания обрядов, песни и пр.». Н. И. Ашмарин отмечает, что записи ему были доставлены лицами, относящимися сочувственно к его работе. Говоря о рукописях и их неодинаковом качестве, он отмечает, что сказалось влияние книжных образцов «как на морфологию и словарь рукописей, так и на их синтаксисе, в особенности же на их фонетике». Он отмечает непригодность общепринятой азбуки для точной передачи звуков северных говоров.

Замечания Н. И. Ашмарина, относящиеся к изданию образцов народной словесности чувашей, по сей день не утратили своего значения.

Н. И. Ашмарин указывает порядок и последовательность расположения материала.

Намеченный Н. И. Ашмариным план работы по сбору и изданию новых материалов по языку и народной литературе чувашей также не утратил своего значения. Он рекомендовал начать работу по сбору материалов с «укающих» южных, и завершить ее «окающими» северными говорами. В связи с этим им приводилась таблица говоров. Вместе с тем им оставался открытым вопрос об изучении говоров Самарской, Саратовской, Оренбургской и Уфимской губерний, а также Лаишевского, Чистопольского и Спасского уездов Казанской губернии.

Что касается системы транскрипции, разработанной Н. И. Ашмариным совместно с академиком В. В. Радловым, то, пользуясь ею, «может читать правильно по-чувашски даже тот, кто никогда не слышал живой чувашской речи» (прилагалась таблица знаков, предлагаемых для обозначения звуков чувашской речи).

Протокол заседания историко-филологического отделения имп. Академии наук от 23 ноября 1916 года гласил:

«§ 340. Во исполнение постановления Отделения (XIII. 327; прил. II) должно было состояться обсуждение записки Н. И. Ашмарина. Непременный секретарь доложил просьбу академика В. В. Радлова отложить обсуждение этого вопроса до другого заседания Отделения.

При этом от имени академика К. Г. Залемана должно его мнение, что записка Н. И. Ашмарина (XIII. 327; прил. II) дает повод к некоторым замечаниям как по способу издания текстов, так и по транскрипции, и просьба, не вынося окончательного постановления, учредить особую Комиссию.

³ Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 1, о.л. 1а. № 163, § 327.

Положено иметь суждение в одном из следующих заседаний Отделения»⁴.

В протоколе I заседания историко-филологического отделения Российской Академии наук от 11 января 1917 года было записано: «б) На подготовку чувашских текстов, в распоряжение академика В. В. Радлова ... 400 руб.»⁵.

Последний раз историко-филологическое отделение Российской Академии наук рассмотрело этот вопрос на II заседании 25 января 1917 года:

«§ 82. Во исполнение постановления ИФ (I 44) состоялось суждение относительно распределения сумм на подготовку изданий в 1917 году: б) На подготовку изданий чувашских текстов, в распоряжение академика В. В. Радлова ... 400 руб.

Положено утвердить, о чем сообщено в Правление»⁶.

Сейчас трудно сказать, почему Академия наук не выполнила впоследствии своего решения. Быть может, причиной этого явилась смерть В. В. Радлова (1918) и тяжелое экономическое положение молодой Советской республики. К сожалению, задуманное академическое издание образцов чувашской народной словесности не было осуществлено.

⁴ Ленинградское отделение Архива АН СССР, ф. 1, оп. 1а, № 163, § 340.

⁵ Там же, № 164, § 44.

⁶ Там же, § 82, п. 6.

РЕЦЕНЗИИ

О. НАЗАРОВ. ТУРКМЕН ДИЛИНДЕ РУС АЛЫНМА СӨЗЛЕРИ

«ЫЛЫМ» НЕШИРЯТЫ, АШГАБАТ, 1981, 200 стр.

Проблема изучения русского языка как средства межнационального общения, использования его в иноязычной среде является многоаспектной и может разрабатываться в различных направлениях.

При этом немаловажное значение имеет исследование взаимодействия русского и национальных языков в функциональном и внутривидовом отношениях. Одному из аспектов этой проблемы и посвящена рецензируемая монография О. Назарова, в которой рассматриваются условия и причины взаимопроникновения структурных элементов языков, классифицируются по наиболее важным параметрам русские заимствования в туркменском языке, исследуется процесс семантического, морфологического, фонетического освоения заимствованных слов, разбираются особенности их орфографирования.

Автор справедливо отмечает, что русско-туркменские языковые связи имеют довольно давнюю историю. Качественно новыми и особенно интенсивными они стали в советскую эпоху, когда туркменский язык значительно расширил свои социальные функции, превратившись из языка бытового общения, фольклора, классической поэзии в полифункциональный язык, обслуживающий все сферы социально-политической, экономической и культурной жизни туркменского народа. Расширение общественных функций привело к обогащению словарного состава, совершенствованию грамматической и стилистической систем туркменского литературного языка. К этому периоду относится и развитие особенно тесных связей туркменского языка с русским литературным языком, что привело к обогащению словарного состава и прежде всего терминологической лексики туркменского языка как за счет собственных внутренних ресурсов, так и широкого использования богатств русского языка. Невиданное расширение социальных функций туркменского

языка послужило основной причиной массового заимствования русских слов. Этому процессу прежде всего, по мнению автора, способствовало развитие туркменско-русского двуязычия, все более прогрессирующего и охватывающего в настоящее время более четверти туркменского населения республики.

В книге дается научная классификация русских заимствований, основанная на особенностях их функционирования в языке и речи, путях проникновения в туркменский язык, первоначальной принадлежности заимствуемых слов к конкретному языку-источнику. Весь проанализированный автором заимствованный лексический материал отнесен в монографии к русским заимствованиям. О. Назаров обосновывает это тем, что все эти слова перешли в туркменский язык непосредственно из русского языка и определение их генезиса представляет интерес лишь в этимологическом плане. Говоря о заимствованной лексике собственно русского и интернационального происхождения, автор отмечает закономерность, согласно которой исконно русские слова с прозрачной внутренней формой преимущественно калькируются, а термины интернационального характера заимствуются прямо, без каких-либо существенных изменений. Развитие терминологии языков на современном этапе характеризуется появлением и расширением общего для них (как родственных, так и неродственных языков) лексико-фразеологического фонда, что в эпоху научно-технического прогресса имеет особенно важное значение для облегчения взаимообмена информацией между носителями различных языков.

Слова заимствуются, как правило, для заполнения «пустующих» ячеек в лексико-семантической системе заимствующего языка. Этим обстоятельством и определяется прежде всего тематика и характер заимствуемой лексики. В книге подробно описы-

ваются тематические группы русских заимствований, отдельно рассматриваются термины по различным отраслям экономики, науки, техники, культуры, указываются особенности функционирования заимствованной лексики в тех или иных стилях литературного языка. Говоря о сложном вопросе заимствования многозначных слов, О. Назаров отмечает взаимную связь между типом лексического значения и способностью перехода слов из одного языка в другой: легко заимствуются слова с номинативным значением, тогда как для освоения синтаксически обусловленного и фразеологически связанного значения требуются гораздо более длительные контакты. В работе рассматривается влияние русского языка на обогащение туркменского языка синонимами, анализируются антонимические отношения, иногда обнаруживающиеся между собственно туркменскими словами и русскими заимствованиями.

Большое место в монографии отведено исследованию морфологического освоения русских заимствований в туркменском языке. В этой связи справедливо подчеркивается, что русские слова при этом теряют присущие им в языке-источнике грамматические признаки и полностью подчиняются морфологическим нормам заимствующего языка. Большинство заимствований с производной основой в туркменском языке признаются корневыми морфемами, причем морфемный состав заимствуемых слов определяется на новой языковой почве. Из русского языка обычно заимствуются имена существительные, прилагательные, единичные числительные, глаголы. Из этих слов не подвергаются морфологическому переформлению числительные и часть существительных, тогда как основы остальных слов претерпевают определенные изменения, в частности, нередко отсекается словообразующий элемент, заменяемый собственно туркменским аффиксом.

Любопытно утверждение автора о том, что интенсификация заимствования слов привела в туркменском языке к более четкой дифференциации отдельных лексико-грамматических разрядов слов, например, в связи с освоением производных прилагательных путем усечения части словообразующих аффиксов утвердилось группа слов, неизменно выступающих в функции прилагательного. Массовое заимствование русских слов путем частичного калькирования оказало существенное влияние на активизацию ряда собственно туркменских словообразующих аффиксов. Под влиянием русского языка в туркменском языке появился новый способ словообразования — аббревиация, инвентарь служебных морфем пополнился аффиксами, образующими мужские и женские фамилии и отчества.

О. Назаров приходит к интересным выводам при исследовании фонетического освоения русских заимствований. Фонетические системы контактирующих русского и туркменского языков значительно отличаются одна от другой, а уровень владения

туркменами русским языком далеко неодинаков, поэтому, естественно, степень точности воспроизведения фонетического облика русских слов в туркменской речи различна. С этой точки зрения современных носителей туркменского языка, по мнению автора, можно подразделить на следующие группы: 1) активные билингвы, свободно владеющие нормами русского языка и продуцирующие русские заимствования максимально близко к их звучанию в языке-источнике; 2) умеренные билингвы, говорящие по-русски с явно выраженным туркменским акцентом; 3) пассивные билингвы, понимающие русский язык, но не умеющие говорить на нем и 4) монолингвы, не понимающие русскую речь. В монографии последовательно прослеживаются те вызванные влиянием родного языка фонологические и комбинаторные изменения, которым подвергаются русские заимствования в речи последних трех групп носителей туркменского языка. Этот материал, помимо теоретического, представляет и практический интерес для преподавания русского языка в туркменской аудитории, позволяя прогнозировать потенциальные очаги интерференции в русской речи туркмен.

В книге сделан достаточно аргументированный вывод о близости фонологической характеристики ударных гласных (при наращениях же аффиксами, когда ударение переходит на последний слог этимологически ударных гласных) в составе русских заимствований к долгим гласным фонемам туркменского языка. Научно обоснованную позицию занимает автор и при рассмотрении спорной проблемы о заимствовании фонем. В туркменском языкознании распространено мнение о том, что под влиянием русского языка в туркменском литературном языке появились новые фонемы и новые типы слогов. Справедливо оспаривая эту точку зрения, О. Назаров считает основным критерием заимствования новой фонемы факт появления ее в речи монолингвов и неактивных билингвов, которые, однако, заменяют специфические русские звуки в составе заимствований приблизительно теми артикуляционно-акустическими «эквивалентами» родного языка и видоизменяют специфические типы слогов соответственно слоговой структуре туркменских слов. Отмечая постоянно усиливающуюся тенденцию к освоению русских заимствований с максимальным приближением к их произношению в языке-источнике, автор вместе с тем подчеркивает, что в настоящее время эти новые фонемы и типы слогов освоены лишь активными билингвами, которые составляют относительно небольшую часть носителей туркменского языка.

Отношение русских заимствований к нормам современного туркменского литературного языка наиболее полно анализируется автором при исследовании орфографирования русских заимствований в туркменском языке. Часть ранних заимсткова-

ний, перешедших в туркменский язык через устную речь, орфографируется согласно фонетическому принципу. По этому же принципу нередко орфографируются и отдельные русские слова, включаемые в текст художественных произведений для характеристики речи персонажа. Однако ведущим принципом написания русских заимствований является этимологический принцип, согласно которому на новую языковую почву переносится орфография, существующая в языке-источнике. Принятие в 1940 году нового алфавита на русской графической основе имело наряду с другими достоинствами и важное значение для установления твердых норм орфографирования русских заимствований в туркменском языке. Вместе с тем автор обращает внимание читателей и на несовпадение функций отдельных графических знаков в русском и туркменском алфавитах, что приводит к определенным трудностям при обучении туркмен орфоэпическим нормам русского языка. В книге рассматриваются также нерешенные вопросы орфографирования русских заимствований. К их числу автор относит написание отдельных субстантивированных и относительных прилагательных, форм дательного падежа ряда именных заимствований, окончаний некоторых сложных слов и аббревиатур.

Рецензируемая монография, на наш взгляд, не лишена и отдельных недочетов. На фоне серьезного исследования основных вопросов адаптации заимствованной лексики недостаточно глубоко представляется анализ критериев освоения русских слов в

туркменском языке. Оригинальные мысли автора о воспроизведении туркменами звукового и акцентологического облика русских заимствований стали бы более убедительными, если бы они были подкреплены данными экспериментально-фонетического исследования. Недостаточно глубокий анализ орфографирования русских заимствований, например, вне поля зрения исследователя остался вопрос о написании заглавных букв в составных названиях, заимствуемых туркменским языком из русского путем полного или частичного калькирования.

Несмотря на это, проведенный в книге комплексный анализ русских заимствований в туркменском языке дает достаточно полное представление о прогрессивной роли русского языка в обогащении и совершенствовании туркменского языка в условиях все прогрессирующего билингвизма. Монография существенно расширяет и углубляет знания в области взаимовлияния и взаимообогащения русского и туркменского языков на современном этапе.

Исследование велось на богатом фактическом материале, почерпнутом как из письменных источников, так и из живой разговорной речи. Были использованы новые достижения лингвистической науки в области языковых контактов. Книга О. Назарова будет полезной для ученых-языковедов, учителей школ, студентов и для всех читателей, интересующихся вопросами взаимовлияния языков.

Б. Чарьяров, С. Атанязов

ЭЛИСА ШУКУРОВ. АЗЭРБАЙЧАН ДИЛИНИН ТАРИХИ ГРАММАТИКАСИ (ЗЭРФ ВƏ КӨМƏКЧИ НИТГ ЁИССƏЛƏРИ)

АЗЭРБАЙЧАН ДӨВЛƏТ ПЕДАГОЖИ ИНСТИТУТУНУН НƏШИРЛЯТЫ,
БАКЫ, 1981, 95 стр

Рецензируемая монография А. Дж. Шукурова «Историческая грамматика азербайджанского языка (Наречие и служебные части речи)» состоит из введения и четырех глав.

Во введении обстоятельно излагаются цели и задачи работы, говорится о причинах недостаточной изученности наречия и служебных частей речи не только азербайджанским языкознанием, но и тюркологией в целом. Автор отмечает, что в азербайджанском языкознании, попытавшемся длительное влияние арабской школы, наречие относилось к числу служебных частей речи. Однако, как свидетельствуют факты азербай-

джанского и других тюркских языков, в них «в отличие от арабского языка, наречие входит в число основных частей речи» (стр. 3). Что же касается служебных частей речи, то они не рассматривались прежде в историческом аспекте. И автор исследования убедительно показывает, что в азербайджанском языке послелоги, частицы и немалая группа союзов сформировались в процессе его исторического развития.

В первой главе дается подробный анализ видов и групп наречий, определяются их характерные признаки. Как отмечает автор, особенность данной грамматической категории состоит в том, что некогда самостоя-

тельные слова, частично или полностью утратив свое первичное лексико-грамматическое значение, превратились в наречия.

В монографии рассматриваются простые, то есть собственно наречия типа *bârü* 'сюда', *türkün*, *bejüd* 'быстро', *varin* 'много', *jajak* 'пешком' и др.

В подразделе «Производные наречия» особое место уделяется автором наречиям, образованным посредством словообразующих аффиксов *-suzun*, *-siziñ*, представляющих сочетания аффикса *-suz*, *-siz* и древнего аффикса совместно-орудийного падежа *-un*, *-in*: *ansuzun* 'быстро', 'вмг', *biläsinzä* 'за', 'следом' и др.

Рассматривая наречия, образованные синтаксическим путем, автор отмечает, что для письменных памятников азербайджанского языка характерны наречия, возникшие синтаксико-морфологическим путем, типа *buldur-buldur aylamag* 'горько плакать', *jari g'ejä* 'в полночь', *mundan ilärgü* 'до', 'до сегодняшнего дня' и т. п. В этом подразделе рассматриваются также широко распространенные в азербайджанских письменных памятниках азербайджанские слова. Заслуживают внимания приведенные автором многочисленные языковые факты, подчеркнутые из письменных памятников азербайджанского языка, а также из архонто-енисейских памятников в честь Кюль-Тегина, из «Кодекса-Куманикуса» и из памятников древнеуйгурской письменности.

Автор пишет, что в азербайджанском языке, как и во многих других языках мира, наречия возникли значительно позднее других частей речи, и образование их происходило на базе сманггиди основных частей речи.

Изучение древнетюркских памятников свидетельствует о том, что уже в VI—VIII вв. наречие существовало как самостоятельная часть речи.

Вторая глава посвящена послелогам. Исходя из особенностей падежного управления, автор делит послелоги на следующие группы: 1) послелоги, управляемые основным и родительным падежами; 2) послелоги, управляемые дательным-направительным падежом; 3) послелоги, управляемые исходным падежом.

Основываясь на трудах известных тюркологов — В. Шотта, О. Бетлингга, В. В. Радлова, Г. Вамбери, Ж. Дени, Н. К. Дмитриева и других, А. Шукюров высказывает ряд интересных предположений (стр. 35—37). Так, например, послелог *däk* им связывается с глаголом *däj* (*mäk*), *toñun* (*mak*) 'трогать', 'дотрагиваться' (стр. 35). Весьма убедительным представляется и предположение автора об образовании послелога *bärlü* ('с тех пор как', от деепричастия *baralu* (стр. 43).

Немаловажный интерес представляет также этимология частицы *däxi*, которую автор связывает с бытующим ныне в азербайджанском устном языке *dä+ki*, полагая, что *däxi=dä+kük* (*kük* — древняя частица в азербайджанском языке). Отметим здесь, что и в азербайджанских письменных

памятниках частица *kük* не встречалась, тем не менее предположение автора относительно этимологии частицы *däxi* подтверждается фактами живого разговорного языка, что, безусловно, имеет немаловажное значение.

Третья глава монографии посвящена частицам азербайджанского языка. Автор подчеркивает, что частицы являются одним из древнейших элементов и активно участвуют в формировании некоторых союзов. Частицы А. Шукюров делит по происхождению на общетюркские и заимствованные, по структуре — на собственно частицы и слова-частицы. Автор отмечает, что в классическом азербайджанском литературном языке употреблялись в основном следующие частицы: 1) звательные частицы типа *a*, *mirä*, *mägä*; 2) усилительные частицы типа *axu*, *axug*, *apñag*, *da*, *dä*, *ki*; 3) вопросительные частицы типа *mí*, *mu*, *ja*; 4) отрицательные частицы типа *deg'il*; 5) должноствоительные частицы типа *g'aräk*.

Четвертая глава монографии посвящена союзам. А. Дж. Шукюров полагает, что союзы оформились значительно позднее частиц, хотя понятие союза в тюркских языках существовало и в более отдаленные времена. Это подтверждается тем, что в азербайджанском и других тюркских языках с давних времен использовалось множество союзов и союзных слов, сыгравших важную роль в образовании и эволюции всех видов сложноподчиненных предложений уже в период функционирования письменных литературных языков. К тому же в устной народной речи союзы как правило отсутствуют, а их функцию выполняет интонация.

Основываясь на известном положении И. И. Мещанинова, А. Дж. Шукюров связывает возникновение союзов с особенностями структуры тюркского предложения. При этом автор отмечает, что своеобразные союзы в тюркских языках существовали издавна, однако это была категория, связанная прежде всего с развитием письменного литературного языка.

Монография А. Дж. Шукюрова «Историческая грамматика азербайджанского языка», несомненно, представляет большой интерес для исследователей истории азербайджанского литературного языка. К ее достоинствам следует отнести и то, что автор привлек почти все известные письменные памятники азербайджанского языка, благодаря чему удалось ему выявить новые языковые данные.

Тем не менее с некоторыми положениями и высказываниями А. Дж. Шукюрова нельзя согласиться. Так, например, им не включены в исследование вспомогательные слова, хотя термин «вспомогательные слова» им и не отрицается (стр. 29—30, 38—40). Служебные слова типа *äлиндän*, *üstündä*, *säbäbinjän* 'из-за' (а в азербайджанском языке они являются синонимами послелогов *g'orä*, *ötrü*, *üçün*) вне контекста лишены указанного значения. Подобные, утратившие свою основную семантику, сло-

ва в азербайджанском письменном литературном языке многочисленны, и их не следует игнорировать.

Не высказал автор и своего отношения к послелогу *sağı*. Не совсем убедительно ограничение автором рассмотрения отдельных языковых фактов четкими хронологическими рамками. Так, например, употребление послелога *dānlū* имеет место не только в письменном памятнике азербайджанского литературного языка XIII века «Дастан-и-Әһмад Нәрами», но и в диванах Насими и Физули, а фонетический вариант этого послелога *dāklū* зафиксирован даже в памятниках XIX века. Нельзя также согласиться с утверждением автора об употребительности вспомогательного глагола *ipāz//itmas* «только в XVI—XVII вв.», ибо он часто встречается в «Диване» Кашвери (XV в.) и даже в литературном языке XIX века (в реликтовом состоянии).

При рассмотрении того или иного исторического языкового факта, как нам кажется, не следует его жестко связывать с определенным веком, ибо в таких случаях речь может идти лишь об интензивности его функционирования в этот период. Автору следовало более активно привлекать к исследованию материалы разговорной речи, часто хранящей языковые данные, не зафиксированные порою ни в одном, даже самом полном письменном источнике.

В некоторых случаях иллюстрирующие примеры не полностью подтверждают тезисы автора (стр. 13, 23).

И все же отмеченные недостатки не умаляют общих достоинств рецензируемой работы, ценной еще и тем, что она представляет собой учебное пособие, необходимое для студентов языковедческих факультетов вузов.

С. Г. Мехтиева

РӘБИҒА СЫЗДЫКОВА. СӨЗДЕР СӨЙЛҒИДІ (СӨЗДЕРДІҢ ҚОЛДАНЫЛУ ТАРИХЫНАН)

«МЕКТЕП», АЛМАТЫ, 1980, 126 стр.

Рецензируемая книга Р. Г. Сыздыковой «Из истории слов» является одним из первых исследований, специально посвященных вопросам семантики. Определяя цель своей работы, автор пишет: «для нас являлось важным прежде всего определение и изучение семантического движения слов или словосочетаний» (стр. 5).

Книга состоит из предисловия, основной части — словарных статей и списка использованной литературы в виде титлов. Оформление работы в форме словаря отзвучает целям и задачам исследования, хотя нельзя не отметить, что количество анализируемых форм отнюдь не равно количеству заглавных словарных статей.

В большинстве случаев в книге не приводится чисто морфологическая этимология слов, ибо это не входит в задачу автора, сконцентрировавшего свое внимание на воссоздании семантического комплекса значений и употреблений изучаемых лексем. Однако семантическая реконструкция словоформ значительно облегчает работу по обнаружению этимона того или иного слова с затемненным морфемным составом. Приведем один характерный пример. В казахском эпосе, в средневековой казахской поэзии и литературе нового времени встречается слово *күдері* (~ *күдіре* ~ *күдеру* ~ *көдіре* ~ *көдіре* + *бау* и т. п.), означающее «нечто мягко выделанное» (о коже, шкуре и т. п.), «нечто мягкое, податливое» (о коже, замше), которое зачастую путают с его омонимом *күдіре* (~ *күдері* ~ *көдіре* ~

көдіре ~ *қыдыра* + *бел*, *жылқы*, *жал* и т. д.) в значении «прочный», «крепкий», «выдержанный, выносливый». По мнению Р. Г. Сыздыковой, последние значения представляют собой переносные, метафорические, последующие звенья в семантической цепи значений данной лексики, причем предназначения ее, по-видимому, сохранились в казахских словах *күдірею* (*күдір-ей-*) 'подниматься вверх (о чем-либо)', 'торчать (вверх)', 'выпячиваться', *күдері* ~ *күдіре* 'нечто возвышенное, возвышающееся над землей, приподнятое над землей', 'возвышающееся', 'выступающее', 'небольшое возвышение' ('высокий' > 'большой' > 'сильный', 'крепкий?') и т. п. Объяснение, данное Е. Жаннессовым сочетанию *күдері бау* 'хорошо выделанный кожаный шнур, бечевка' в связи с вышеприведенными значениями (а именно: «ремень из кожи выступающих, выпирающих частей спины, корпуса лошади»), по всей вероятности, возникло на основе наблюдающейся частичной контаминации форм омонимов. Это весьма резонно подвергло сомнению Р. Г. Сыздыкова, которая трактует значения «чего выпирающее (вверх), приподнятое» и «нечто мягко выделанное, мягкое (о коже)» как гетерогенные. Автор рецензируемой книги отмечает, что установление этимологии данных омонимичных комплексов представляется затруднительным (стр. 77). Однако материалы словаря показывают, что семантический анализ форм может выявить направление последующих разысканий, что уже само по

себе немаловажно. Так, из значений *күдіре* ~ *күдері* ~ *көдіре* ~ *көдіре* ~ *қыдыра* (+ бел, жылқы, жал) центральными, а значит и древнейшими представляются значения «высший», «приподнятый (вверх)», «большой (о росте)». Именно эти значения являются главными в казахских формах *күдірей*, *күдір*, *күдіре*, *күдері* ~ *күдіре* (+ бел, жал и т. д.). В этот же ряд необходимо поставить *күжірей* (по семантике полностью идентичное *күдірей*), *күжір*, *күжди*, а также *күж* ~ *күжі* (в *күж қара*), *күжбан* ~ *күжбан*, *күждей* (в последних трех примерах: *«высокий», «большой (о росте)» > «огромный», «большой» > «полный», «толстый»; «сильный» и т. д.) и другие, как закономерно соответствующие *күж* ~ *күж* ~ *күд*. Все это позволяет предположить гомогенность вышеприведенных форм общетюркского корня **küt* ~ **köt*, представленного в чистом виде только в саягском — *küt* ~ **köt* ~ *küt* ~ *küt* — «носить (на спине)» (см. 1) и якутском — *köt* — «летать», «взлетать», «взвизгаться», «вспархивать», «лететь», «прыгать», «перепрыгивать» (см. 2, стр. 1174) языках и имеющего широкий ряд дериватов: древнетюркские *köti* — «подниматься», *kötki* — «холм, возвышенность», *kötü* — «крыша», *kötär* ~ *kötür* — «поднимать» (см. 3, стр. 319—320); чагатайские *kötäl* — «крутой подъем, перевал», «узкий проход в горах», «горный хребет», *kötäl* — «подняться (о тесре)», «вздуться» (см. 4, т. 2, стр. 1277), а также «всходить» (см. 5, т. 2, стр. 144); якутские *kөтөр* — «птица», *kөтөх* — «поднимать, приподнимать», *kөтүт* — «заставлять лететь», «поднимать» (см. 6); казахские *көтер* — «поднимать», «приподнимать», *көтеріңкі* — «приподнятый, поднятый» и т. д.

В процессе изучения языка эпоса, поэзии акынов, жырау и некоторых других фольклорных источников выясняется, что многие ныне широкоупотребительные слова в недавнем прошлом выражали несколько иные значения. Выделяется целый ряд слов-терминов, имевших «военную» семантику — *аға*, *азамат*, *жолдас*, *жігіт*, *шора*. Слово *аға*, в современном казахском языке означающее «старший брат», «старший», ранее значило также «предводитель войска», «глава отряда (вооруженного)»; «глава рода, племени», «вождь», «предводитель», что дополнительно подтверждается семантикой данного слова в современных казахских словосочетаниях *ел ағасы*, *от ағасы*, *ауыл ағасы*, *жігіт ағасы* и других (стр. 11). Точно так же слова *жолдас* — «друг, товарищ», *азамат* — «гражданин», *жігіт* — «молодой человек, юноша, парочь», «молодец», *шора* (устар.) — «господин», «феодал» с точки зрения исторической семасиологии находились некогда в одном синонимическом ряду и значили примерно одно и то же — «воин (наемный)», «дружинник», «соратник» (в военных походах или набегак), «вольнонаемный, волонтер», нечто родственное русскому «опричник». Анализируя значения и практику употребления слова *шора* в староказахской литературе, Р. Г. Сыздыкова устанавливает

интереснейший факт: в подавляющем большинстве случаев в значениях «дружинник», «воин», «соратник» употребляется форма *шора*, тогда как для значения «наемный работник», «служанка», «наложница», «рабыня», «раб» — в основном фонетический вариант — *шоры* (стр. 14—17). Семантическая гомогенность понятий «(наемный) воин, дружинник» и «(наемный) работник» вполне понятна и допустима для древних эпох, когда военный промысел рассматривался как специфичная разновидность труда, способ добыwania средств к существованию. Если чисто лингвистический анализ структур *шора* и *шоры* подтвердит также их единство, то можно будет констатировать наличие еще одного случая лексикализационного использования фонетического варианта слова в казахском языке — для семантической градации, таким образом, более широкого, обобщенного значения некогда семантически и лексически монолитной формы. Данное предположение подкрепляется тем, что уже в значениях одной формы *шора* (или *шура*, *чура*) в том или ином тюркском языке можно обнаружить значения близкие к семантике казахских слов *шора* и *шоры*.

Одним из феноменов тюркского словообразования, противоположным во всех отношениях различным лексикализационным процессам, как бы разбазационным исторически монолитные лексемы на самостоятельные слова в синхронных срезах, и одним из сложнейших моментов исторической грамматики тюркских языков является сращение — стяжение внешне и семантически схожих слов в одну лексему. Подобные моменты — на разных уровнях — стали объектом исследования Р. Г. Сыздыковой. В качестве одного из примеров таких сращений можно привести употребление *тауап ету* в значении *тау ету* — «поклоняться» (из *«кланяться», «наклоняться»), как следствие частичной контаминации в результате семантической и фонетической близости форм *тау ету* *«поклониться», «совершить ~ совершать поклонение», «кланяться» и *тауап ету* *«обойти вокруг», «кружить(ся) вокруг чего-либо» (обряд поклонения) (стр. 114—115) и многие другие подобные примеры.

В историко-семасиологическом словаре Р. Г. Сыздыковой зачастую прослеживание семантического развития лексики или устойчивого словосочетания сопровождается некоторыми этимологическими пояснениями. Весьма содержательна в этом плане словарная статья *абжылайдай толғану*, открывающая основной раздел книги. На основании тщательного анализа семантического наполнения казахского фразеологизма *абжылайдай толғану* на материале фольклорно-эпических языковых данных казахского языка, а также фактов других тюркских языков, Р. Г. Сыздыкова приходит к весьма убедительному аргументированному и интересному выводу. Во-первых, ею выдвигается новая этимология слова *абжылай*, по традиции толкуемого многими учеными как композит из персидского *аб* — «во-

да' ('водяной') и тюркского *жылан* 'змея', 'змей'. В последнем случае *абжыландай* в *абжыландай толғаным* обычно толкуется как «водяная змея, символ быстроты и стремительности». В «Кратком этимологическом словаре казахского языка» (см. 7, стр. 17) элемент *аб* в *абжылач* сближается как гомогенный с якутским *ал* 'волшебство', 'колдовство', 'чародейство', 'магия', 'оболение', 'прельщение', с древнетюркскими *аб* 'охота', *у* 'яд', причем первичным для *аб* предлагается значение «ядовитый». Однако, по данным тюркских языков (см. 8, т. I, стр. 62—64, 67, 169), вышеперечисленные три формы гетерогенны. Р. Г. Сыздыкова, не соглашаясь с этимологией о связи *аб* в *абжылан* со значениями «волшебство», «охота», «яд», гипотетичной уже в силу их значительного семантического расхождения, предлагает остановиться только на одной из этих форм — *аб ~ ал* в значении «колдовство», «прельщение», «магия» (см. 2, стр. 122—123). Свой выбор автор подкрепляет семасиологическими и морфолого-грамматическими доводами — в результате анализа компонента *толғау* (*толғану*) в *абжыландай толғану*. В современном казахском языке продуктивны в основном непервые значения данного слова — «обдумывать», «задумываться», «размышлять», являющиеся продуктом метафоризации от более древнего значения глагола *толғау* 'накручивать', 'крутить', 'закручивать', 'отворачивать', 'вертеть' и т. д. Ср. древнетюркское *толғау* 'накручивать', 'наматывать' (см. 3, стр. 573), а также сходные значения в словарях Л. З. Будагова и В. В. Радлова. Именно данное значение, по мнению автора, сохранилось в казахских *абжыландай толғану* 'завораживать' (притягивать, привораживать, подчинять), как змей < *'кружиться', 'окружать', 'обворачиваться', 'выворачиваться', 'выгибаться', 'наматываться' (на что-либо, вокруг чего-либо) (как змей); *толғамалы ақ сүңгі, найза, мылтық, балта* 'копье, топор с обернутой (чем-либо), ручкой', 'ружье с обернутым (чем-либо) прикладом' и т. д. (стр. 10, 117). Таким образом, сочетание *абжыландай толғану* некогда использовалось для положительной образной характеристики того или иного персонажа, его действия. Со временем, по всей вероятности, в результате традиционной «отрицательной» семантической окраски слова *жылан*, рассматриваемое сочетание стало выражать явно негативные значения, как например, в *абжыландай ұсырды* ('засвистеть, засвистать как змей, змий'. — Е. К.) и др. В некоторых словарях даже регистрируется значение «гневаться», «угрожать» для *абжыландай толғану*... Конечно, подобные регистрации односторонни и могут быть в лучшем случае оправданы как соответствующим узко современному пониманию, искаженному и измененному в результате забывания прежних значений» (стр. 10—11).

Такое заключение Р. Г. Сыздыковой о том, что *аб* в *абжылан* восходит к тюркскому *аб* 'магия', 'колдовство', 'прельщение',

'волшебство', подтверждается также тем, что данный корень широко представлен в тюркских языках в инвасированной форме в составе *арба ~ арва* 'заворачивать', 'закладывать', 'соблазнять', 'обманывать' < **абра ~ авра*, где *аб* — 'волшебство', 'колдовство' (см. 8, т. I, стр. 169—170). Наличие данного моносиллаба в монгольских языках, а также относительная распространенность формы с метатзой в тюркских языках, подтверждает вывод Р. Г. Сыздыковой о том, что в **аб ~ ал* мы имеем либо одно из древнейших монгольских заимствований в тюркских языках, либо слово из древнейшего общемонгольско-тюркского пласта алтайской лексики» (стр. 9). Заметим также, что глагол *толғау* 'кружить', 'крутить' и т. д. входит, в свою очередь, к некогда самостоятельному глагольному корню **тол ~ тул* 'обходить', 'быть окруженным' (см. 9).

Подобных примеров можно привести немало. Правомерно мнение автора о гомогенных современных казахских *ару* (в отдельном употреблении и в составе *ару қыз, әйел*) 'красивый', 'изящный', 'прекрасный', 'прелестный'; 'красивая женщина, девушка', 'красавица', 'сказочно красивая женщина', 'фея'; *арулау* (эликте *арулап жуу*; *таза арулау*; *арулап көму, қою*) 'очищать', 'делать чистым', 'освящать'; *аруаңа* 'породистая верблюдица'; *арылу* 'очищаться (от чего-нибудь)', 'избавляться (от чего-либо)' и приветствий *ар ма!*, *армысыз*, с одной стороны, и уже вышедших из современного словообихода *ару ат*, *ару ұл*, *ару батыр*, *арусыңу*, *арулық*, с другой, а также древнетюркских *арығ* 'тон чистая одежда', *аруғ азүк* 'чистая (годная к употреблению, съедобная, хорошая) пища', *қылғы аруғ* 'хорошего нрава', 'мягкого, доброго характера' (о ком-либо), *ару күміс* 'чистое серебро', среднетюркские *ару ~ ары ~ арығ ~ аруғ ~ арық* 'чистый', 'нетюркский', 'святой', 'добрый, добропорядочный, положительный' и т. д. (стр. 36—38). Причем, по мнению автора, аналогичное киргизское приветствие *арбан*, также как и казахские *ар ма*, *армысыз*, следует возводить не к *ару ~ ары* 'устанавливать, извещать', 'худеть', как это сделал в свое время К. К. Юдахин (*арбаң* 'не уставляйте'), а непосредственно к *ару ~ ары* 'чистый', 'свободный' (от болезни, недуга) > 'здоровый' и переводить их надо в целом как обычные вопросы-приветствия (ср. в русском языке: «справиться о чем-либо здоровии»). Утверждение автора о том, что в данном конкретном случае мы имеем дело с древнейшим общим монгольско-тюркским архаичным подтверждается некоторыми другими исследованиями. Можно отметить статью К. М. Мусаева, посвященную алтайскому моносиллабу **аг ~ *аз*, отражающему древнее нерасчлененное состояние *г/з ~ г/з̄* и бытующему в соответствующих глагольных и именных значениях 'разделять', 'отделять', 'очищать' и 'нечто очищенное, отделенное' (от чего-нибудь) (см. 10).

Интересная приведенная в книге реконст-

рукция древнего значения слова *байтақ*. По материалам эпоса, а также средневековой поэзии *байтақ* — «определённая этно-территориальная единица», «ханство», «определённое племя, народ (роды, известное количество родов), проживающий на какой-либо территории», «небольшое владение». Необходимо подчеркнуть, что в материалах других тюркских языков данное субстантивное значение не прослеживается. И все же аргументы в пользу реальности данного явления — употребления *байтақ* в этих значениях — принять можно, хотя следует заметить, что приводимую автором версию заимствования данного слова из персидского *рафтақ* трудно считать окончательной ввиду недостаточной морфолого-семасиологической убедительности этимологии. Заметим, что в соответствующем томе «Этимологического словаря тюркских языков» Э. В. Сениорьяна (см. 8, т. II, стр. 36) это слово зарегистрировано как собственно тюркское и этимологизировано на чисто тюркской основе.

Заслуживает особого внимания рассмотрение в словаре сочетаний слов в их структурном и семантическом развитии, изучение этапов процесса семантико-морфологического движения словесных конструкций. Одним из таких примеров является зафиксированное в поэзии Досымбета жырау (XIV в.) *айдындықтай ақ білек* (*айдындықтай ақ білегін жасғанып*), что представляет собой, как устанавливает Р. Г. Сыдыкова, несомненно, позднее явление — продукт ступенчатой трансформации, которую можно схематически представить в следующем виде: 1. **айдын* (одно из древнейших значений «что-то белое», «белоснежный цвет», «белый, яркий свет, луч») + *білек* > 2. *айдын* + *дық* (суффикс присоединен вследствие частичного забвения значений корня-основы *айдын*, в первую очередь атрибутивных) + *білек* > 3. *айдындық* + *тай* (последний суффикс сравнения присоединен также вследствие частичной затемненности значения основы — как усиление) + *білек* > 4. *айдындықтай* + *ақ* (добавление *ақ* «белый» и в этом случае вызвано теми же причинами, что и присоединение аффиксов *-дық*, *-тай*, и является проявлением, уточнением семантики *айдындық-тай*, являя вспомогательную роль). Таким образом, сочетание *айдындықтай ақ* состоит из двух синонимов, как бы дублирующих друг друга (стр. 19). Подобные плеонастические сочетания и собственно плеоназмы постоянно держатся в поле зрения автора словаря [стр. 43: *өл-жұрт, телегей-теңіз, бекер босқа, құр текке, байтақ ел*; стр. 89: *қатұлаңып қаттану*; стр. 105: *ойсана*; стр. 111—112: *қоңсы-сыбай*; стр. 113: *жазу-сызу*; стр. 116: *толағай бас* (гипотетически); стр. 121: *дау-шар*; стр. 122—123: *шыбын жан* и т. д.].

Есть в книге интересные толкования, казалось бы, вполне ясных, «открытых» слов и выражений. Тем важнее прояснение их семантики для современного читателя. Таково объяснение глагола *қағылма*, который

обычно считался производным от корня *қақ-* (*қағу*) «бить», «ударить», а на самом деле является, как выясняется (в определенном контексте), производным из ныне мертвого корня *қақы-* (*қакы*) «сердиться», «обижаться», «гневаться», «расстраиваться» (стр. 81). В результате семантического анализа казахских *ала топазақ, алай-түлей, ала сапыран, алас-қалас, ала құйын, ала көлеңке, алағанышқы боран, ала таң, елең-алаң* автор выделяет архетип **ала* в значении «что-то непостоянное, беспорядочное, сменяющееся, изменчивое, непостоянное, неясное». Точно так же из состава казахских *алапат, аламан, алаш, алау, алаулау, ала сургін, ала қырғын, ала балға, ала ту, ала берен, аласат, алақу* выделяется омоним **ала* «военный», «война», «бэзлей», «бой», «грабеж», «грабительский», «разбой», «разбойный», «убийственный, смертельный, смертоносный» и т. д. (стр. 3, 23—32). Древний корень **саб*, **сап*, **сау* «слово, речь», «весть, известие», «послание, письмо», «половица, поговорка», «повествование, история, рассказ», «пророчество» [как и в древнетюркском языке (см. 3, стр. 421, 478 и др.)] выделяется в составе казахского *сау-ын айту* «извещать, оповещать о предстоящем (большом) празднестве, о каком-либо (значительном) событии или (очень ответственном) мероприятии», так же как и в *сөз саптау, сәуегей* (стр. 108—110) и т. д.

Несомненный интерес представляют случаи употребления тех или иных слов в диаметрально противоположных значениях, что имело место в древности и, возможно, являлось отголоском былой комплексности корней. Категорично утверждать что-либо определенное по этому поводу еще рано. Необходимо собрать как можно больше фактов, иллюстрирующих данное явление, и уже на основе их всестороннего изучения делать выводы. Так, в числе лексем, употребляемых в противоположных значениях, в словаре зарегистрированы: *алаш* (староказахское) «народ (казахский)»; «племя (родное), род», «общество (сородичей)» и «чужой, враждебный», «чужая, враждебная сторона, край», «чужой народ, люд», «чужбина» (стр. 31—32); *амандасу* «приветствовать», «здороваться», «справляться о здравии (при встрече)» (в современном казахском языке) и «процатыля», «расставаться» (в языке эпоса) (стр. 34—35; ср. семантически тождественные русские: «здоровствуйте» и «будьте здоровы»); *аса* «народ (звой, родной)», «племя (родное), род» и «чужой народ», «чужой край» и т. д. Можно добавить сюда тюркское *тона-* «одевать» и «обнажать», «раздеть» (см. 4, т. III, стр. 1176, 5, т. I, стр. 753 и др.) и т. д. Подобные примеры интерпретировать и сложно, и затруднительно. Далеко не всегда наличие разнозначных омонимов является свидетельством их родства. Последнее возможно прежде всего теоретически, то есть должны наличествовать или в худшем случае предполагаться переходные этапы развития исходной семантики. Поэтому следует признать весьма правомерным вывод о возможной гетерогенности значений

слова *салу* (*сал-*) — обычного, или современного значения «положить, поставить, класть» и значения «покидать, оставлять, разлучать(ся)», отмеченного автором в киргизских *бала салу*, *қозы салу*, казахском *дүние салды*, а также в староказахской поэзии и эпосе (стр. 103—104).

При изучении семантической эволюции староказахских слов и выражений в сопоставлении с бытующими в современном языке их «двойниками», как правило, несколько измененного значения, при трактовке репликовых явлений в казахском языке, требующей сравнительно-сопоставительного анализа лексики и других тюркских языков, порой невозможно обойти стороной некоторые проблемы исторической грамматики тюркских языков, решение которых до сих пор представляется затруднительным. Этим, думается, и объясняется некоторая затянутасть, чрезмерная усложненность, громоздкость отдельных интерпретаций и выводов в рецензируемой работе. Есть в книге пов-

торы, недостаточно аргументированные предположения и, наоборот, излишне подробно приводимые факты и теоретические выкладки, встречаются хотя и редкие, но досадные опечатки. Например, в перечне литературы, приводимом в виде списка сокращений (стр. 124—126), отсутствуют титлы «Материалы» и «Татары Поволжья», ссылки на которые имеются в тексте (стр. 17—114).

Со времени издания «Краткого этимологического словаря казахского языка» (см. 7) прошло немало лет. И в настоящее время остро ощущается потребность в разработке вопросов исторической лексикологии, семасиологии и, особенно, проблем этимологии казахского языка. Рецензируемый труд Р. Г. Сыздыковой является важным шагом в этом направлении и серьезным вкладом в развитие казахской исторической семасиологии.

Е. З. Кажибекоев

ЛИТЕРАТУРА

1. Э. Р. Течишев. Строй сарарского языка. М., 1976, стр. 398.
2. Э. К. Пекарский. Словарь якутского языка. Т. I. СПб., 1907.
3. «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
4. В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I—IV, СПб., 1893—1911.
5. Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Тт. I—II, СПб., 1869—1871.
6. «Якутско-русский словарь». М., 1972.
7. «Қазақ тілінің қысқаша этимологиялық сөздігі». Алматы, 1966.
8. Э. В. Свортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974—1978.
9. М. Рясанск. Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М., 1955, стр. 56.
10. К. М. Мусаев. О некоторых особенностях общеалтайских синкретичных корней. — ALTAICA. FIAC. XIX. Helsinki, 1977.

З. Н. ВЕРДИЖЕВА, Ф. J. ВЕJСЭЛОВ, Ф. М. АФАJEBA. ЭКСПЕРИМЕНТАЛ ФОНЕТИКА. (ДЭРС ВЭСАИТИ)

С. М. КИРОВ АДЫНА АЗЭРБАJЧАН ДӨВЛЭТ УНИВЕРСИТЕТИНИН НЭШРИ.
БИРИНЧИ КИТАБ. БАҚЫ, 1980, 88 стр.
ИКИНЧИ КИТАБ. БАҚЫ, 1981, 99 стр.

Одной из актуальных проблем современного азербайджанского языкознания является экспериментальное исследование языковых единиц различных уровней структуры азербайджанского языка. Не менее важным представляется также изучение закономерностей функционирования языковых единиц в речевом континууме. Между тем тюркология, и в частности азербайджанское языкознание, по сей день не располагает (за исключением нескольких работ)¹

¹ А. В. Богородицкий. Введение в татарское языкознание. Казань, 1934; Ж. А. Аралбасв. Вокализм казахского языка (Очерки по экспериментальной фонетике и фонологии). Алма-Ата, 1970; А. А. Ахундов. Азербайчан дилинин фонемляр системи (физиологик, акустик, статистик, фонологик тэдгигат тэчрүбэси). Баку, 1973.

фундаментальными исследованиями, посвященными фонетическим, фономорфологическим, морфологическим, фоносинтаксическим, а также экспрессивно-параллингвистическим и психолингвистическим особенностям речепроизводства и восприятия. В имеющихся работах говорится лишь о частных вопросах названных проблем. В связи с этим рецензируемая работа представляет большой научный интерес.

Первая из рецензируемых книг включает: «Введение», три главы: «Цель и задачи фонетики», «Коммуникативная модель общения и ее компоненты», «Методы исследования модели общения» и «Библиографию».

Авторы, кратко охарактеризовав фонетическую систему и фонетическую структуру азербайджанского языка, подробнее оста-

навливаются на методах исследования коммуникативной модели в разных аспектах. Интересный информационный материал содержит раздел, посвященный истории экспериментальной фонетики.

Авторами книги впервые предпринимается попытка дать, исходя из теории Н. С. Трубецкого, описание фонологических оппозиций азербайджанских фонем. Должное внимание уделяется авторами вопросам сопоставления конкретных фонетических данных, полученных экспериментальным путем, а также их анализу и лингвистической интерпретации. Следует отметить, что экспериментальное изучение фонем азербайджанского языка создает надежную основу для правильной интерпретации различных фонетических явлений, в том числе редукции, чередования фонем и т. д. Это исключает всякий субъективизм в данных вопросах, что имеет важное практическое значение (например, в разработке правил орфографии, орфоэпии и орфофонии, для подготовки в дальнейшем орфоэпического словаря азербайджанского языка).

В азербайджанском языкознании, из-за отсутствия соответствующих капитальных научных разработок и должным образом оснащенных экспериментальных лабораторий, изучение языка во многих случаях ведется лишь на морфологическом и синтаксическом уровнях, поэтому выводы, касающиеся его орфоэпических норм, полностью основываются на индивидуально-субъективных наблюдениях отдельных исследователей.

Одна из ценных особенностей рецензируемой работы — изучение языковых единиц экспериментальным путем. В определении же статуса фонем авторами применен морфологический критерий, разработанный школой Л. В. Щербы.

Авторы на конкретном фактическом материале иллюстрируют связь фонетики не только с языковедением (морфологией, лексикологией, синтаксисом), но и с другими науками — логопедией, сурдопедагогикой, психологией, акустикой, физиологией и пр.

Раздел «Фонетика и другие науки», посвященный использованию при изучении фонетики теории информации, кибернетики и теории вероятности, является совершенно новым для тюркологии. Здесь описываются различные способы передачи звуковых знаков на дальние расстояния, показаны методы определения энтропии отдельных фонем азербайджанского языка, выявлены их комбинаторные свойства. С общезыковедческой точки зрения весьма интересны представленные данные о языковом коде, о способах кодирования и декодирования (стр. 31—35).

По мнению авторов, одной из основных задач современного языкознания является проблема создания коммуникативной модели языка. В связи с этим во второй главе раскрывается сущность коммуникативного процесса. Предложенная модель, на

наш взгляд, достаточно полно раскрывает его внутренние и внешние особенности.

Авторы не разделяют распространенного среди западных и некоторых советских лингвистов мнения, согласно которому фонетика и фонология являются двумя самостоятельными науками. Фонология и фонетика, считают авторы, составляют вместе единую науку о звуковом составе языка.

Новым для азербайджанского языковедения является раздел, содержащий перцептивные характеристики языкового общения. При этом авторы справедливо отмечают, что изучение принципов работы слухового анализатора, особенностей восприятия речи говорящего, целесообразно проводить в тесном контакте с физиологами, психологами, представителями соответствующих прикладных наук и т. д. В рецензируемой книге сделана первая заявка на серьезное исследование особенностей функционирования человеческого мозга в процессе обучения языкам.

Во второй книге, состоящей из двух глав: «Методы исследования» и «Принципы проведения эксперимента», а также «Библиографии» приводятся результаты конкретных исследований в лаборатории экспериментальной фонетики Азербайджанского педагогического института иностранных языков им. 50-летия СССР, оснащенной современной электроакустической аппаратурой. Авторами подробно анализируются достоинства и недостатки соматического, спектрографического, комбинаторного методов изучения фонетики языка.

Впервые в азербайджанском языкознании авторами дается осциллографический и комбинаторный анализ гласных и согласных фонем азербайджанского языка на основе экспериментального анализа большого материала (1236 односложных слов, около 300 предложений в произношении четырех дикторов — двух мужчин и двух женщин). Фонетические характеристики гласных и согласных азербайджанского языка приводятся на уровне современных требований, предъявляемых к записи, расшифровке и истолкованию экспериментальных данных. Значительное внимание в книге уделяется освещению комбинаторных особенностей фонем азербайджанского языка. В результате комбинаторного анализа авторами устанавливаются модели односложных слов азербайджанского языка, выявляются валентные свойства фонем и их частотность. Устанавливается также количество фонемных реализаций, которые сводятся к 22-м моделям. Полученные данные сопоставляются, правда не регулярно, с аналогичным материалом европейских языков. Впервые в азербайджанском языкознании нашел освещение спектральный метод анализа фонетики языка; описание фонем дано как на основе артикуляторного, так и акустического методов изучения.

Вторая глава «Принципы проведения

эксперимента» посвящена стилю и типам произношения, методике отбора материала для эксперимента и подбора дикторов. Речевой континуум анализируется по трем параметрам: частоте основного тона, интенсивности и времени звучания (стр. 81—97).

Наряду с отмеченными достоинствами рецензируемые книги не лишены и некоторых частных недостатков, связанных главным образом с их полиграфическим оформлением: отдельные рисунки и графики получились крайне бледными, в ряде случаев даже неразборчивыми. Имеются, к сожалению, и опечатки, большей частью в библиографии

на иностранных языках. В языке книг допущены досадные стилистические погрешности.

В связи с тем, что рецензируемые книги не поступали в открытую продажу, для многих специалистов они остались недоступными. Поэтому их переиздание после доработки в одной книге представляется нам весьма целесообразным. Такое издание, несомненно, представит интерес как для азербайджанских языковедов, так и для специалистов по другим тюркским языкам, прежде всего — фонетистов.

М. М. Мусаев

ТОФИГ НАЧЫЈЕВ. САБИР: ГАЈНАГЛАР ВӘ СӘЛӘФЛӘР

«АЗЫЧЫ» НӘШРИЈАТЫ, БАКЫ, 1980, 175 стр.

В рецензируемой монографии Т. Гаджиева «Сабир: истоки и предшественники» делается попытка выявить на примере анализа идейной и художественной эволюции поэзии выдающегося азербайджанского поэта XX века М. А. Сабир общие, роднящие классиков азербайджанской литературы особенности их художественного творчества. В работе рассматривается предметность и общность традиций, системы художественных образов и средств, использованных видными представителями азербайджанской литературы.

Монография состоит из глав: «М. Физули и М. А. Сабир», «М. Ф. Ахундов и М. А. Сабир», «„Молла Насреддин“ и М. А. Сабир». Автору удалось проследить литературно-художественные и типологические общие черты в творчестве ряда видных представителей многовековой азербайджанской литературы, в первую очередь Физули, М. Ф. Ахундова и Сабир. Речь здесь, разумеется, идет не о простом совпадении или заимствовании поэтических форм. Автор имеет в виду, в частности, общность эстетических позиций, сближающих лирику Физули и сатиру Сабир. Влияние Физули на Сабир следует рассматривать как динамический многоплановый процесс. Аргументируя это положение, Т. Гаджиев останавливается на различных этапах развития поэзии Сабир. Если ранние газели Сабир написаны под прямым влиянием лирики Физули, то в дальнейшем великий сатирик смог преодолеть это влияние и создал свой оригинальный поэтический, художественный стиль. Убедительно говорится в книге и о глубинной связи сатиры Сабир с поэтическим миром Физули. Сабир использовал в своем творчестве также формальные особенности газелей Физули. Прием огромной заслугой его явилось то, что

он эту классическую форму тюркоязычной, арабоязычной и персоязычной поэзии наполнил качественно новым содержанием. При этом Сабир в качестве образцов мастерски использовал формы наиболее популярных в народе газелей Физули.

Весьма примечательно, что, когда Сабир пишет в подражание той или иной газели Физули, то нередко в бейт или даже строку он включает некоторые выражения, взятые им из этих газелей. При этом заимствуются и лексико-синтаксический характер, и структура стиха или фразы. Иными словами, строку Физули Сабир заимствует полностью, почти без изменений, и сатирическую остроту его стихам придает это полное совпадение формы при совершенно ином содержании. И подобных примеров немало. Как нам кажется, если бы автор книги больше акцентировал свое внимание на этой особенности подражаний Сабир Физули и подверг сравнительному анализу соответствующие строки обоих поэтов, то он мог бы прийти к весьма интересным выводам.

В начале раздела «М. Ф. Ахундов и М. А. Сабир» автор ставит вопрос: знал ли Сабир Мирзу Фатали? Речь идет, разумеется, не о личном знакомстве, а о творческой и духовной преемственности. Т. Гаджиев убедительно показывает, что Сабир достаточно хорошо знал о М. Ф. Ахундове и отдавал должное его роли в литературной и общественно-политической жизни Азербайджана XIX века. Соответствующие сведения о М. Ф. Ахундове Сабир могли сообщить его учитель — известный азербайджанский поэт С. А. Ширвани, и моллана-срединцы, с которыми он активно общался. Высокая гражданственность и сатирическая направленность творчества, неприимчивость по отношению к социальному

злу и несправедливости, близость полученного литературного воспитания и воспринятой художественной культуры позволяют поставить Сабира и М. Ф. Ахундова рядом в истории азербайджанской литературы.

Литературные взаимоотношения журнала «Молла Насреддин» и Сабира в азербайджанском литературоведении изучены всесторонне. Однако автору удалось по-своему подойти и к этой проблеме. Автор подробно останавливается на причинах, обусловивших близость идейных позиций журнала «Молла Насреддин» и Сабира. В связи с этим автор проводит весьма интересное сопоставление материалов рубрик журнала «Телеграфные сообщения» и «Письма» со стихотворениями Сабира, при-

ходя к заключению об их близости и созвучности.

Ценной особенностью книги Т. Гаджиева является то, что в ней особенности языка Сабира подвергаются глубокому лингвистическому анализу.

Рецензируемая книга Т. Гаджиева это оригинальное исследование, которое, несомненно, будет с интересом прочитано читателем и обогатит его новыми знаниями о выдающихся представителях классической азербайджанской литературы, творчество которых увлекательно и на самом высоком научном уровне раскрывается автором.

В. Асланов, К. Абдуллаев

PERSONALIA

БЯШИМ ЧАРЫЯРОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

9 декабря с. г. исполнилось шестьдесят лет со дня рождения директора Института языка и литературы им. Махтумкули Академии наук Туркменской ССР, члена-корреспондента АН СССР, доктора филологических наук, профессора Бяшима Чарыярова.

Б. Чарыяров родился в 1922 году в небольшом сел. Херрикгала, расположенном недалеко от Ашхабада. Окончив сельскую школу, он поступает в учительский институт. С 1938 по 1950 год он работает учителем. Одновременно Б. Чарыяров заочно оканчивает Ашхабадский педагогический институт им. А. М. Горького.

Б. Чарыяров—участник Великой Отечественной войны.

С 1950 по 1970 год Б. Чарыяров работает научным сотрудником, заведующим сектором, заместителем директора Института языка и литературы им. Махтумкули Ака-

демии наук СССР. С 1970 года по настоящее время он директор этого института.

В 1955 году Б. Чарыяров защитил кандидатскую диссертацию «Категория залога в современном туркменском языке», а в 1970 году — докторскую диссертацию «Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы». В 1972 году он утверждается в звании профессора, а в 1976 году избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР.

Б. Чарыяров внес значительный вклад в научную разработку актуальных проблем туркменского языкознания. Им опубликовано более ста двадцати работ, в том числе монографии «Залог глагола в современном туркменском языке» и «Времена глагола в тюркских языках юго-западной группы». Последняя работа является первым капитальным исследованием в туркменской лингвистике, посвященным сравнительному изучению тюркских языков.

Одно из основных направлений научной деятельности Б. Чарыярова—системное описание фактов современного туркменского литературного языка. Он один из ведущих авторов и ответственных редакторов «Граматики туркменского языка», состоящей из двух частей: «Фонетика и морфология» (1970) и «Синтаксис словосочетания и простого предложения» (1977). Б. Чарыяров один из составителей большого «Русско-туркменского словаря» (1956). Много внимания он уделяет вопросам истории изучения туркменского языка и литературы. Им написаны содержательные работы о А. Н. Самойловиче, А. Н. Кононове, Н. А. Баскакове, П. А. Азимове, А. К. Кекилове, В. В. Решетове, А. А. Юлдашеве и др. Под его руководством и при его участии издано около десяти сборников, посвященных разным вопросам культуры речи туркменского языка. Он один из авторов учебника по туркменскому языку для первого класса средней школы.

Б. Чарьяров автор многочисленных статей для «Туркменской Советской Энциклопедии», редактор более тридцати работ по языкознанию, председатель научно-методического совета по литературе и искусству республиканского правления общества «Знание».

Значителен вклад Б. Чарьярова в подготовку научных кадров. Под его руководством защищено около десяти докторских и кандидатских диссертаций. Б. Чарьяров — заместитель академика-секретаря Отделения общественных наук, председатель комиссии по орфографии и терминологии туркменского языка, член редколлегии журналов «Советская тюркология» и «Известия АН ТССР. Серия общественных наук».

Свою организаторскую и научную деятельность Б. Чарьяров сочетает с большой общественно-политической работой. Б. Чарьяров является членом Президиума Туркменского общества дружбы и культурной связи с зарубежными странами, первым заместителем председателя Туркменского отделения Советского общества дружбы и

культурной связи с арабскими странами, членом главной редакции «Туркменской Советской Энциклопедии».

За достижение высоких результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании в ознаменование 50-летия образования СССР возглавляемый Б. Чарьяровым институт был награжден юбилейным Почетным Знаком ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС. Коллектив сотрудников института дважды (в 1970 и 1980 гг.) был удостоен почетного звания лауреата Государственной премии ТССР в области науки и техники.

Свое шестидесятилетие Б. Чарьяров встречает полным сил и творческих замыслов. Многочисленные коллеги и ученики горячо поздравляют Бяшима Чарьярова с юбилеем и желают ему доброго здоровья и новых успехов в его научной и научно-организационной деятельности.

Т. Тацмурадов, М. Соезов

ИМРАН СУЛТАНОВИЧ СЕИДОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет заместителю главного редактора журнала «Советская тюркология», члену Союза писателей и Союза журналистов СССР, заслуженному работнику культуры Азербайджанской ССР Имрану Султановичу Сеидову.

И. С. Сеидов родился 16 декабря 1922 года в г. Кубе (Азербайджанская ССР) в семье инженера. Еще в студенческие годы, совпавшие с периодом Великой Отечественной войны, И. С. Сеидов стал активно выступать в русской периодике со стихами и статьями. В 1943 году он был принят в Союз советских писателей СССР. В 1948 году вышел в свет на русском языке его первый поэтический сборник «Хозяин земли».

Свою трудовую деятельность И. С. Сеидов начал в Академии наук Азербайджанской ССР в 1945 году. После нескольких лет работы научным сотрудником Института литературы им. Низами он был переведен на должность ученого секретаря Отделения общественных наук.

В декабре 1969 года Президиум Академии наук Азербайджанской ССР перевел И. С. Сеидова в редакцию вновь организуемого всесоюзного научно-теоретического журнала «Советская тюркология» — совместного органа Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

В начале 1970 года решением Президиума Академии наук СССР он был введен в состав редакционной коллегии и утвержден

в должности заместителя главного редактора этого журнала.

Из всей многогранной творческой деятельности И. С. Сеидова — научной, литературной, журналистской — нам хотелось бы здесь остановиться главным образом на его роли и заслугах в деле организации и издания первого и пока единственного в мире научно-теоретического периодического тюркологического печатного органа — журнала «Советская тюркология».

Со всей определенностью следует подчеркнуть, что организация и издание такого важного в научном и политическом отношении органа, как «Советская тюркология», было, безусловно, делом во многих отношениях крайне трудным, сложным и ответственным, требующим обширных знаний, разносторонней научной эрудиции, политической зрелости, профессиональной журналистской хватки и т. д. Всеми этими качествами, как показало дальнейшее, И. С. Сеидов обладает в полной мере.

Добросовестно и высокопрофессионально выполняя огромный объем работы по журналу, с глубоким знанием дела и ответственно руководя с первых дней организации журнала на протяжении уже тринадцати лет всеми аспектами деятельности редакции, И. С. Сеидов во многом способствовал тому, что журнал «Советская тюркология», по общему признанию научной общественности страны, по достоинству занял положение одного из лучших восточных периодических изданий.

Требовательный к себе и к другим, принципиальный во всем, что касается работы редакции и издания журнала, И. С. Сеидов

снискал высокий авторитет и глубокое уважение у многочисленного авторского актива журнала и тюркологов страны.

Успешное издание журнала «Советская тюркология» укрепило и усилило позиции советской тюркологии в мировом востоковедении.

И. С. Сеидов — автор и редактор целого ряда научных работ и художественных произведений поэзии и прозы, поэтических и прозаических переводов с азербайджанского на русский язык, публицистических выступлений, критических статей и рецензий — публиковавшихся в республиканских и центральных изданиях. Многие годы он руководит русской секцией Союза писателей Азербайджана.

За свою научную, литературную и журналистскую деятельность И. С. Сеидов награжден орденом «Знак Почета», рядом медалей, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР. Ему «за многолетнюю плодотворную научную и литературную деятельность» присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Азербайджанской ССР».

Члены редакционной коллегии и многочисленный авторский актив журнала «Советская тюркология», коллеги и друзья, сердечно поздравляя Имрана Султановича Сеидова с шестидесятилетием со дня рождения, от души желают ему доброго здоровья, неиссякаемой творческой энергии, остроты пера и твердости руки на том ответственном и многотрудном посту, который он столь достойно занимает.

*А. Н. Кононов, Н. А. Баскаков,
С. Н. Иванов, С. Г. Кляшторный*

КЯМРАН ДАДАШ ОГЛЫ МАМЕДОВ

(К шестидесятилетию со дня рождения)

Исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и тридцать пять лет научной деятельности заведующего отделом азербайджанской литературы начала XX века Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Азербайджанской ССР, члена Союза писателей СССР Кямрана Дадаш оглы Мамедова.

К. Д. Мамедов родился 21 декабря 1922 года в городе Шуше в семье учителя. По окончании Бакинского педагогического училища он в 1938 году поступает на филологический факультет Азербайджанского пе-

дагогического института им. В. И. Ленина.

С первых дней Великой Отечественной войны К. Д. Мамедов добровольцем уходит на фронт. Будучи дважды раненым, он в 1943 году был демобилизован.

С 1943 года К. Д. Мамедов продолжает учебу на филологическом факультете Азгосуниверситета им. С. М. Кирова. С 1945 по 1948 год — он аспирант Института литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР. В 1949 году К. Д. Мамедов защищает кандидатскую диссертацию «Художественная проза А. Ахвердова». С 1950 по 1953 год К. Д. Мамедов — преподаватель Азербайджанского педагоги-

ческого института иностранных языков, а с 1953 года — старший научный сотрудник Института литературы им. Низами. С 1960 года по настоящее время заведует отделом. В 1964 году К. Д. Мамедовым защищена докторская диссертация «Наджаф-бек Везиров. Жизнь и творчество».

К. Д. Мамедов принадлежит к послевоенному поколению азербайджанских ученых, внесших значительный вклад в развитие азербайджанского советского литературоведения и критики. Его перу принадлежит целый ряд книг, монографий, статей, посвященных жизни и творчеству отдельных представителей азербайджанской литературы XIX и начала XX века.

Особо следует выделить монографические исследования К. Д. Мамедова, посвященные жизни и творчеству крупного азербайджанского поэта-лирика и сатирика К. Закира (1957) и выдающегося драматурга и прозаика А. Ахвердова, сыгравше-

го большую роль в становлении и развитии критического реализма в азербайджанской литературе конца XIX — начала XX века (1970).

Исключительно велики заслуги К. Д. Мамедова в изучении литературного наследия видного азербайджанского драматурга, общественного и культурного деятеля Н. Везирова, творчеству которого он посвятил капитальную монографию.

Значительный интерес представляет исследование К. Д. Мамедова «Азербайджанская сатирическая поэзия XIX века» (1975), воссоздающая целостную картину истории формирования и развития сатирического направления в азербайджанской поэзии прошлого столетия.

Вышедшая в 1981 году книга К. Д. Мамедова «Юсиф Везир Чменземинли» является первым монографическим исследованием, посвященным этому видному прозаику.

Необходимо отметить заслуги К. Д. Мамедова и в области текстологии. Им подготовлено двухтомное собрание сочинений А. Ахвердова, составлен на азербайджанском и русском языках сборник «Азербайджанские рассказы» (1958, 1959).

Много внимания уделяет К. Д. Мамедов подготовке научных и педагогических кадров: под его руководством защищено более десяти кандидатских диссертаций.

К. Д. Мамедов является одним из ведущих авторов и редакторов третьего (XIX в.) и четвертого (начало XX в.) томов семитомной истории азербайджанской литературы, ныне подготавливаемой к печати Институтом литературы им. Низами.

За многолетнюю научную деятельность К. Д. Мамедов награжден орденом «Знак Почета», имеет также ряд боевых наград.

Многочисленные коллеги и друзья К. Д. Мамедова горячо поздравляют его с шестидесятилетием, желают ему доброго здоровья и дальнейших успехов в научной деятельности.

Н. М.

ХРОНИКА

ИНСТИТУТУ ЛИТЕРАТУРЫ им. НИЗАМИ АКАДЕМИИ НАЗК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР — ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ

Институт литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР — это первый крупный литературоведческий научно-исследовательский центр на Советском Востоке.

За большие заслуги в развитии азербайджанского советского литературоведения и в подготовке научных кадров, а также в связи с пятидесятилетием со дня организации институт награжден орденом Дружбы народов. 29 декабря 1982 года в Академии наук Азербайджанской ССР состоялось торжественное заседание, на котором этот орден вручался институту.

Со вступительным словом на заседании выступил президент Академии наук Азербайджанской ССР, член-корреспондент Академии наук СССР *Г. Б. Абдуллаев*.

Затем слово было предоставлено председателю Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР *Г. Халилову*, который, кратко охарактеризовав основные этапы полувековой истории института и дав высокую оценку его деятельности, прикрепил орден к знамени института.

С докладом о деятельности Института литературы им. Низами выступил его директор, член-корреспондент Академии наук Азербайджанской ССР *А. М. Мирахмедов*. За годы своего существования, отметил он, Институт литературы им. Низами стал крупным научным центром историко-литературных, теоретических и текстологических исследований, опосредствовал созданию ряда других гуманитарных учреждений в республике. Своей деятельностью институт содействовал утверждению в азербайджанской литературе метода социалистического реализма, приемапов партийности и народности, советского патриотизма и интернационализма.

Институтом литературы им. Низами проделана также большая работа в области разработки истории азербайджанской литературы. В самый разгар войны был подготовлен и издан двухтомник «Краткая история азербайджанской литературы» (1943—

1944), в конце 50-х и начале 60-х годов были выпущены: трехтомник «История азербайджанской литературы», двухтомник «История азербайджанской советской литературы», целый ряд монографических исследований, а также сборников произведений многих азербайджанских классиков и советских писателей.

В области фольклористики проводились сбор материала, его изучение и публикация. Были изданы пятитомники «Азербайджанские сказки» и «Азербайджанские дастаны», отдельные сборники баяты, анекдотов, пословиц и поговорок. Наряду с этим велась разработка теоретических проблем исследования фольклора и отдельных образцов устного народного творчества.

Исключительно большое значение придается Институтом литературы им. Низами изучению литературного наследия Низами. В соответствии с решением ЦК КП Азербайджана в институте был создан специальный отдел низамиведения. Творчество Низами освещено в ряде монографий и альманахов, проделана значительная работа по филологическому переводу его произведений на русский и азербайджанский языки.

Много внимания уделяется также изучению средневековой азербайджанской литературы и литературы XIX и начала XX века. Наиболее крупным представителям азербайджанской литературы этого периода посвящены специальные монографические исследования.

Особое место в планах Института литературы им. Низами всегда занимали важнейшие проблемы советской литературы, в том числе теории социалистического реализма.

В решении ЦК КП Азербайджана о 50-тии Института литературы им. Низами говорится о большом вкладе института в разработку проблем литературных взаимосвязей народов СССР. Исследования литературных взаимосвязей, имеющее важное научное и политическое значение, стало самостоятельным направлением в азербайджан-

ском литературоведении. Особое место заняло изучение азербайджанско-русских литературных взаимосвязей, сыгравших исключительно важную, во многом определяющую роль в судьбах азербайджанской литературы XX века и прежде всего в становлении и успешном развитии азербайджанской советской литературы.

Следует упомянуть также такие изданные институтом книги, как «Исследования азербайджанского устного народного творчества», «Актуальные проблемы советского литературоведения», «Литературный процесс», «Вопросы азербайджанской литературы начала XX века», «Вопросы азербайджанской советской текстологии», «Азербайджанско-русские литературные связи 60-х годов» и др.

Многое сделано и делается Институтом литературы им. Низами в области подготовки научных кадров. В стенах института в разное время работали 25 докторов и 115

кандидатов филологических наук, 6 академиков и 3 члена-корреспондента Академии наук Азербайджанской ССР.

Находящийся в ведении Института литературы им. Низами Координационный совет по проблеме «Закономерности развития мировой литературы на современном этапе» осуществляет координацию и кооперацию литературоведческих исследований, проводимых научно-исследовательскими учреждениями и вузами республики.

Выступившие на заседании руководители ряда академических учреждений и другие ораторы поздравили коллектив Института литературы им. Низами с высокой правительственной наградой, говорили о большом вкладе его сотрудников в литературоведческую науку в республике, высказали пожелания дальнейшей успешной работы.

К. Алиев

«ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СВЯЗИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

3 декабря 1982 года в Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась научная конференция «Интернациональные связи азербайджанской литературы», посвященная 60-летию образования СССР. Было заслушано более пятнадцати докладов по различным вопросам истории, теории и современного состояния взаимосвязей азербайджанской литературы с литературами народов СССР.

А. А. Гаджиев в своем докладе «Актуальные задачи изучения взаимосвязей азербайджанской литературы с литературами народов СССР» говорил о большой научно-исследовательской работе, проводимой азербайджанскими литературоведами по изучению взаимосвязей национальных литератур. Докладчик подчеркнул необходимость исторического освещения взаимосвязей конкретных национальных литератур, не являвшихся до сих пор объектом научного рассмотрения и отметил важность исследования теоретических проблем взаимосвязей национальных литератур в советское время, развития творческого сотрудничества литературоведов братских республик, усиления подготовки молодых кадров научных работников в этой области.

Проблеме соотношения национального и интернационального в советской литературе и ее отражению в азербайджанской литературе был посвящен доклад К. Касумзаде «„Новая историческая общность людей“ и

литература». Докладчик отметил, что в условиях социализма «интернациональное» не влечет за собой растворения в нем «национального», а «национальное» не сводится к «местной замкнутости» восприятия писателя. В советской литературе эти два начала составляют органическое целое.

Ф. А. Велиханова в докладе «Перевод и сотрудничество литератур» остановилась на теоретических аспектах перевода как одной из форм взаимосвязей и средств взаимообогащения национальных литератур.

Азербайджанско-русские взаимосвязи советского периода получили подробное освещение в докладах Ш. Д. Курбанова «Образы русских писателей в азербайджанской поэзии» и Т. М. Шарифли «Интернациональная тема в современной азербайджанской прозе».

П. И. Халилов в докладе «Историческое развитие азербайджанско-среднеазиатских и казахских литературных взаимосвязей» сделал подробный обзор взаимоотношений азербайджанской литературы с литературами Советского Востока.

В ряде докладов рассматривались конкретные проблемы и факты взаимосвязей азербайджанской литературы с литературами народов СССР: украинской (А. А. Аджалов), молдавской (А. С. Багиров), белорусской (С. Л. Лукьянова), латышской (Э. Т. Эфендиев), литовской (В. М. Арзуманов), грузинской (Д. А. Алиева), армянской (Т. А. Ахмедов), дагестанской

(М. Я. Ярахмедов), татарской (Р. Г. Тагиев), узбекской (Х. Р. Халилов), киргизской (М. К. Иманов).

Конференция отметила успешную деятельность азербайджанских литературоведов в изучении развития и углубления интерна-

циональных связей азербайджанской литературы с литературами народов СССР и наметила конкретные задачи в этой области.

А. А. Гаджиев

«СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМООБРАЗУЮЩИХ МОРФЕМ ИМЕНИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ»

1 ноября 1982 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «Тюркские языки» при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Семантико-стилистические особенности формообразующих морфем имени существительного в узбекском языке» заведующим кафедрой узбекского языкознания Самаркандского ордена Трудового Красного Знамени Государственного университета им. А. Навои доцентом Кунгуровым Рахматуллою.

Диссертация Р. Кунгурова, посвященная грамматической стилистике, выполнена в синхронном, сопоставительно-оценочном плане. Она состоит из двух частей, включающих четыре раздела, библиографию и тринадцать схем.

Диссертантом впервые всесторонне исследуются в семантико-стилистическом аспекте формообразующие морфемы имени существительного в узбекском языке.

Разработанная диссертантом методика разграничения объектов стилистики и грамматики позволила получить целый ряд принципиально новых результатов. В работе выявлены денотативные и коннотативные значения грамматических форм; установлены синонимические отношения между формообразующими аффиксами, возможности их взаимозамены, а также сферы функционирования; выявлено узуальное и окказиональное употребление аффиксов; оп-

ределены возможности грамматической и семантической сочетаемости исследуемых морфем с различными основами; дан анализ эмоционально-экспрессивных значений формообразующих аффиксов; создана новая классификация формообразующих морфем, в том числе аффиксов субъективной оценки.

Научные положения и выводы диссертанта хорошо аргументированы и основываются на богатом материале языковых фактов.

Научно-теоретическое значение диссертации определяется разработанной в ней методикой исследования формообразующих морфем имени существительного, которая может быть применена при анализе грамматических форм и других частей речи.

Работа Р. Кунгурова имеет и важное практическое значение, так как предложенная им методика исследования формообразующих морфем позволяет раскрыть изобразительные возможности языка художественной литературы и способствует разработке основ практической стилистики и развития культуры речи.

Официальные оппоненты — чл.-корр. АПН СССР М. А. Аскарлова; д-р филол. наук, проф. А. А. Ахундов, д-р филол. наук А. М. Джавадов, а также выступившие на заседании члены совета — чл.-корр. АН Азерб. ССР З. И. Будагова, д-р филол. наук, проф. М. Т. Тагнев отметили, что диссертация Р. Кунгурова — оригинальное теоретическое исследование в области грамматической стилистики, имеющее общетюркологическое значение.

Специализированный совет принял единое решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Р. Кунгурову ученой степени доктора филологических наук.

Р. Дж. Маггеррамова

«ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА И АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ СОВЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ»

10 декабря 1982 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Великая Отечественная война и азербайджанская советская поэзия» проректором Степанакертского государственного педагогического института им. 60-летия Советского Азербайджана, кандидатом филологических наук Кулиевым Наджафом Ислам оглы.

Диссертация включает введение, четыре главы, заключение и библиографию.

Н. И. Кулиевым впервые исследуется в историко-литературно и теоретическом аспектах эволюция темы Великой Отечественной войны в азербайджанской советской поэзии за сорок лет, анализируются ее основная проблематика, жанровая и стилистическая структура, ее модификации. Подобный аспект исследования, связанный с изучением одного из наиболее содержательных и насыщенных периодов национальной поэзии — поэзии периода развитого социализма, обуславливает несомненную научную новизну работы, посвященной одновременно рассмотрению и решению актуальных литературоведческих и социальных проблем.

Н. И. Кулиевым предложена периодизация истории развития темы Великой Отечественной войны в азербайджанской поэзии, базирующаяся на общих принципах периодизации истории советской литературы и в то же время учитывающая специфику развития поэзии в Азербайджане, в частности, ее тенденцию к усилению эпичности, историзма, интернационализма, ее жанровую и стилистическую эволюцию.

Диссертация Н. И. Кулиева — результат его многолетних исследований и наблюдений. На основе обширного художественного и научно-критического материала автором прослеживаются своеобразные и особенности разработки темы Великой Отечественной войны в творчестве трех поколений азербайджанских советских поэтов, рассматривается трансформация некоторых традиционных жанров национальной поэзии, их синтетические формы (баллада, поэма-дневник, поэма-очерк и т. д.).

Официальные оппоненты: д-р филол. наук, проф. Г. К. Халилов, д-р филол. наук В. И. Борищук, д-р филол. наук, проф. Б. И. Багиров, а также выступившие на защите другие члены совета дали высокую оценку работе Н. И. Кулиева, подчеркнув, что научные результаты диссертации могут быть использованы при разработке ряда теоретических проблем и подготовке фундаментальной истории азербайджанской советской литературы.

Члены Специализированного совета единогласно решили ходатайствовать перед ВАК о присуждении Н. И. Кулиеву ученой степени доктора филологических наук.

И. Я. Гамидов

«ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И НОРМАЛИЗАЦИЯ ЧУВАШСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ»

13 декабря 1982 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте языкознания им. Наими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Функциональное развитие и нормализация чувашского литературного языка в советскую эпоху», доктором Чувашского государственного университета им.

И. Н. Ульязова, кандидатом филологических наук Петровым Николаем Петровичем.

Диссертация состоит из предисловия, введения, трех глав, заключения и библиографии использованной литературы.

В диссертации впервые обобщен опыт реализации ленинских принципов национально-языковой политики КПСС в Советской Чувашии, показана роль родного языка в строительстве национальной государственности, в социалистическом преобразовании народного хозяйства республики, в подъеме национальной культуры, в формировании социалистического сознания трудящихся масс.

Диссертантом прослежены закономерности изменения соотношения общественных

функций чувашского и русского языков в основных сферах социальной и государственной жизни Чувашии, рассмотрена динамика развития чувашско-русского двуязычия в процессе социалистического строительства.

В диссертации рассмотрено воздействие социально-исторических факторов на функциональное развитие и нормализацию чувашского литературного языка и его терминологии в советскую эпоху, а также влияние социальных и языковых факторов в их взаимодействии на процесс нормализации литературного языка, на закономерности развития лексических, грамматических, орфоэпических, орфографических норм: определяется место терминологии в системе литературного языка, устанавливаются источ-

ники, способы и принципы терминологического словообразования, а также тенденции его развития на современном этапе.

Ряд положений диссертации может оказать большую практическую помощь при составлении учебников, учебно-методических пособий, учебных программ и т. д.

Официальные оппоненты — д-ра филол. наук, профессора А. М. Курбанов, М. Р. Федотов и Ш. В. Юсифли, а также выступившие на защите другие ученые дали высокую оценку исследованию Н. П. Петрова.

Члены ученого совета приняли единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении Н. П. Петрову ученой степени доктора филологических наук.

Н. Г. Наджафов

«ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА С ДРУГИМИ ЯЗЫКАМИ НА ТЕРРИТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР»

28 декабря 1982 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности «тюркские языки» при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской дис-

сертации «Взаимодействие азербайджанского языка с другими языками на территории Азербайджанской ССР», доцентом кафедры азербайджанского языка и методики его преподавания Кировабдского государственного педагогического института им. Г. Зардаби Аслановым Ахмедом Меджид оглы.

Представленная к защите социолингвистическая работа А. М. Асланова выполнена в диахронно-синхронном сопоставительно-типологическом аспекте. Она включает: предисловие, введение, пять глав, заключение и список использованной литературы.

Диссертация представляет собой первое социолингвистическое исследование взаимодействия азербайджанского языка с другими как письменными, так и бесписьменными языками, распространенными на территории Азербайджанской ССР; она охватывает как досоветский, так и советский периоды. Диссертантом установлены различные типы двуязычия и многоязычия.

Исследование проведено на основе строгого учета сфер функционирования языков, степени развитости словарного состава и возможностей грамматических структур контактирующих языков, внутренних и внешних факторов, стимулирующих их взаимообогащение.

На основе анализа взаимодействия древнеписьменных, старописьменных и бесписьменных языков в диссертации доказывается научная несостоятельность концепции, согласно которой языки малых народностей легко ассимилируются языками их более многочисленных соседей. В Азербайджане подобный процесс не наблюдался. Не применима к Азербайджану и теория «языковых союзов», «смешения языков», «скрещивания языков» и т. п.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук, проф. Н. З. Гаджиева, д-ра филол. наук С. М. Моллазаде и В. Л. Гукасян, а также выступившие на заседании члены совета — член-корреспондент АН Азерб. ССР З. И. Будагова и д-р филол. наук М. Ш. Гасымов отметили, что диссертационная работа А. М. Асланова, посвященная социолингвистической характеристике языковой ситуации в Советском Азербайджане, является весьма своевременным оригинальным исследованием, не имеющим аналогов в азербайджанском языкознании.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении А. М. Асланову ученой степени доктора филологических наук.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1982 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР		
<i>Ахматов И. Х., Толгуров Э. Х.</i> (Нальчик). Итоги и перспективы развития карачаево-балкарской филологии	6	44—49
<i>Закиев М. З.</i> (Казань). Тюркские языки в семье единой	6	28—38
Итоги, проблемы и задачи тюркского языкознания	6	3—27
<i>Ширалиев М. Ш.</i> (Баку). Азербайджанское языкознание на современном этапе	6	39—43

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Задачи составления тюркских ареальных исторических диалектологических атласов	3	3—9
<i>Кузнецов П. И.</i> (Москва). Система функциональных форм глагола в современном турецком языке	1	3—21
<i>Кулиев Г. К.</i> (Баку). Лексико-семантическое развитие глаголов. речи в тюркских языках	5	3—12
<i>Серебренников Б. А.</i> (Москва). О происхождении некоторых аффиксов в тюркских языках	4	3—13
<i>Сибатагов Р. Г.</i> (Уфа). Полупредикативные конструкции в простом предложении	2	3—12

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Байрамова Л. К.</i> (Казань). Тюркские кальки и полукальки фразеологизмов произведений В. И. Ленина	6	50—55
<i>Баскаков Н. А.</i> (Москва). Тюркизмы-этнонимы в «Слове о полку Игореве»	4	14—29
<i>Болонина Э. Н.</i> (Каменец-Подольский). Тюркизмы в восточнославянской деловой письменности XV—XVI веков	1	22—27
<i>Тихонов А. Н.</i> (Москва). Влияние русского языка на систему словообразования в узбекском языке	5	13—27
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). Тюркская лексика в периодских фархангах	3	10—14
<i>Холмурадов А. Н.</i> (Ташкент). Заимствованные элементы словообразования в узбекском литературном языке	2	13—18

№ Стр.

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Абдуллатипов А.-К. Ю. (Малачкала). Романтизм в дореволюционной кумыкской литературе	1	28—34
Боролина И. В. (Москва). О жанровой дефиниции пьес турецкого народного театра	4	30—40
Мамедов Н. Дж. (Баку). Литературно-критические взгляды М. Ф. Ахундова	6	56—63
Маштакова Е. И. (Москва). Четыре «ремесленных» поэмы Беллги	3	15—22

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Родионов В. Г. (Чебоксары). К вопросу о генезисе чувашского фольклорного стиха	5	28—33
--	---	-------

ОНОМАСТИКА

Ахундов А. (Баку). Об однокоренных (чистых) омонимах в топонимии Азербайджана	1	35—39
Гусейнзаде А. (Баку). Ойконимы Закавказья, включающие этноним «биценек»	5	34—38
Дрон И. В. (Якутск). Названия гагаузских сел Молдавской ССР	4	41—51
Саттаров Г. Ф. (Казань). Этнолингвистические пласты татарского именника	3	23—29

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Адмони В. Г. (Ленинград). Сложносоставное предложение в тюркских языках	3	30—36
Гузев Ж. М. (Нальчик). Лексикографическая разработка многозначных слов и генетически родственных омонимов в толковых словарях тюркских языков	2	19—33
Сеидов И. С. (Баку). Об орфографировании составных терминов, включающих имя собственное	1	40—47

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ

Насилов Д. М. (Ленинград). О. Н. Бётлингк как тюрколог-компаративист	4	52—66
--	---	-------

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Абдуллаев А. Б. (Бухара). Семантико-структурная характеристика чужой речи в узбекском языке	1	62—66
Агаева Ф. М. (Баку). Структурно-семантические особенности сочетаний глаголов в азербайджанской разговорной речи	2	56—63
Ажибекова Г. Д. (Алма-Ата). Место плеоназмов в системе средств языковой избыточности	1	51—61
Атаниязов С. (Ашхабад). Слова, означающие футляр для псал в диалектах туркменского языка	1	81—87
Баскаков Н. А. (Москва). К этимологии oguz, oguz-Qayıp	1	88—90
Гузев В. Г. (Ленинград). Парадигма глагольных финитных форм как морфологическая категория	4	67—79
Джумагулов Ч. (Фрунзе), Кляшторный С. Г. (Ленинград). Одинадцатая руническая надпись на камне-залузе из долины реки Талас	3	86—88
Джунусов Н. (Кызыл-Орда). Ареальная семантико-грамматическая характеристика глагольной формы на -п, -уп, -іп в казахских говорах	5	69—71
Дмитриева Л. В. (Ленинград). Исторические и поэтические тюркоязычные рукописи и их творцы	5	72—80

	№	Стр.
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Труды Гучнара Ярринга по ловоуигурскому языку Восточного Туркестана	5	81—84
<i>Егоров Н. И., Петров Л. П.</i> (Чебоксары). Этимология некоторых чувашских орнитонимов	6	64—76
<i>Зириллаев Г. Н.</i> (Бухара). Синонимические отношения временных форм в узбекском языке	2	34—42
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград). Из истории кумыкского языкознания	1	48—50
<i>Маматов Н.</i> (Ташкент). Образование собственносложных слов в узбекском языке	1	67—76
<i>Матгазиев А.</i> (Фергана). К истории согласования сказуемого с подлежащим в узбекском языке	4	91—97
<i>Махмудов М. А.</i> (Баку). Морфологический компонент автоматического анализа тюркского текста	1	77—83
<i>Наджип Э. Н.</i> (Москва). Тюркский язык делийского султаната XIV века (I)	2	70—88
<i>Наджип Э. Н.</i> (Москва). Тюркский язык делийского султаната XIV века (II)	3	72—85
<i>Нигматов Х. Г., Гиясов С. Т.</i> (Бухара). Семантическая структура некоторых имен прилагательных в узбекском языке	4	85—90
<i>Нурманов А. Н.</i> (Андижан). Оппозиция морсегативность-полнегативность негативных синтаксических конструкций	5	39—51
<i>Потапова Т. Д.</i> (Москва). Словесное ударение в турецком языке	3	56—62
<i>Рамазанов К. Т.</i> (Баку). Парные слова в тюркских языках юго-западной группы	5	58—68
<i>Сайрамбаев Т.</i> (Алма-Ата). Роль вспомогательных слов в образовании сложных словосочетаний	6	77—79
<i>Сергеев В. И.</i> (Чебоксары). Чередование <i>к-п</i> (<i>п-к</i>) и явление метатезы <i>пк</i> и <i>кп</i> в чувашском и некоторых других тюркских языках	2	43—55
<i>Сулесва Г. О.</i> (Алма-Ата). О некоторых формах настоящего длительного времени в казахском языке	3	45—52
<i>Сунчугашев Я. И.</i> (Абакан). О связи междометия «ыйу» хакасского языка с древнетюркским <i>уји</i>	1	97—98
<i>Тимонина Л. Г.</i> (Таганрог). О некоторых древних снисейско-тюркских параллелях в словообразовании	1	91—96
<i>Томанов М.</i> (Алма-Ата). К истории совместно-орудного падежа в казахском языке	3	53—55
<i>Трофимов М. И.</i> (Ош). О «спонтанной» лабиализации и длабиализации гласных в современном уйгурском языке	2	64—69
<i>Федотов М. Р.</i> (Чебоксары). Записка Н. И. Ашмарина об изданиях чувашских текстов	6	80—82
<i>Хисамитдинова Ф. Г.</i> (Уфа). Генезис башкирских консонантных сочетаний типа «сонант+глухой смычный»	5	52—57
<i>Чернов М. Ф.</i> (Чебоксары). Семантические типы составных терминов в современном чувашском языке	3	37—44
<i>Шаабдурахманов Ш. Ш., Рахимова К. Н.</i> (Ташкент). Возникновение и распространение фонемы [ǎ] в говорах узбекского языка	4	80—84
<i>Щека Ю. В.</i> (Москва). Аспектно-экспрессивные трансформации в турецкой разговорной речи	3	63—71

РЕЦЕНЗИИ

<i>Абдуллаев К., Худиев Н.</i> (Баку). Фэрһад Зејналов. Түркслөкијаны эсаслары	4	98—100
<i>Асланов В., Абдуллаев К.</i> (Баку). Тоғиғ һачыјев. Сабир. гајнағлар вә сәләфләр	6	93—94
<i>Алметова Ф. В., Тумашева Д. Г.</i> (Казань). Л. В. Дмитриева. Язык барабинских татар	2	90—92
<i>Бердияров Х. Б., Курбанов Т. И.</i> (Самарканд). Р. Қўнғуров. Субъектив баҳо формаларининг семантик ва стилистик хусусиятлари	3	91—92
<i>Джанашиз Н. Н.</i> (Тбилиси). Түркян Әфандијева. Азербайжан дилинин лексик услубијаты	2	89
<i>Джанузаков Т.</i> (Алма-Ата). Г. Ф. Саттаров. Татар көемнәре сүзлеге	4	102—104

	№	Стр.
<i>Джунусбеков А.</i> (Алма-Ата). К. Ш. Хусайнов. В. В. Радльс и казахский язык	5	93—95
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). Grannes Alf. Loan Compounds in Bulgarian Reflecting the Turkish Indefinite Isafet-Construction	3	101—103
<i>Закиев М. З., Сафиуллина Ф. С.</i> (Казань). «Татар теленең анлатмалы сүзлеге»	5	85—92
<i>Кажибеков Е. Э.</i> (Алма-Ата). Рабиға Сыдықова. Сөздер сөйлейді	6	87—91
<i>Каримов Х.</i> (Алма-Ата). «Қазақ әдеби тілінің қалыптасу тарихы мен даму жолдары»	5	92—93
<i>Кенесбаев С. К., Курышжанов А. К.</i> (Алма-Ата). А. И. Чайковская. Тюркская грамматика в арабоязычных филологических трактатах XIII—XIV вв.	4	105—107
<i>Малехова А. Н.</i> (Ленинград). «Узбек адабиёти тарихи»	3	89—90
<i>Мехтиева С. Г.</i> (Баку). Әлиса Шуқуров. Азербайжан дилинин тарихи грамматикасы	6	85—86
<i>Мусаев К.</i> (Москва). «Кыргыз адабий тилини грамматикасы»	1	99—101
<i>Мусаев М. М.</i> (Баку). З. Н. Вердиева, Ф. J. Вејсәлов, Ф. М. Ағәјева. Экспериментал фонетика	6	91—93
<i>Мустафин Ф. Э.</i> (Самарканд). Паремнология Узбекистаня. Выпуск III	5	97—98
<i>Насыров Ш., Шарипова К.</i> (Ташкент). Ш. Шуқуров. Узбек тилида феъл замонлари тараққиёти; Ш. Шуқуров. Узбек тилида феъл майллари тараққиёти	3	93—94
<i>Отаров И. М.</i> (Нальчик). «Русско-карачаевский словарь общественно-политической терминологии»	2	93—94
<i>Пюрбеев Г. Ц.</i> (Москва). Л. К. Байрамова. Русско-татарский фразеологический словарь языка В. И. Ленина	3	97—98
<i>Саймбетов У. Т.</i> (Нукус). «Қарақалпақ тилинин орфографиялык сөзлери»	3	90—91
<i>Сергеев Л. П., Чернов М. Ф.</i> (Чебоксары). В. И. Котлеев. Чăваш чĕлхин сасă тытăмĕ	4	100—102
<i>Федотов М. Р.</i> (Чебоксары). Н. И. Иванов. Время и стих	5	96—97
<i>Халилов Г.</i> (Баку). Габиб Бабаев. Самед Вургун. Очерк творчества	1	101—103
<i>Ходжаев Б., Айдогдыев Х.</i> (Ашхабад). С. Эрнazarов. Түркмен дилинде сөзлейиш тишликтери	4	107—108
<i>Чарыяров Б., Атаниязов С.</i> (Ашхабад). О. Назаров. Түркмен дилинде рус альянма сөзлери	6	83—84
<i>Шарипов А. М.</i> (Елабуга). Амир Махмудов. Эстетический идеал в творчестве Мусы Джалиля	3	95—96
<i>Шербак А. М.</i> (Ленинград). G. Doerfer und S. Tezcan. Wörterbuch des Chaladsch (Dialekt von Harrab)	3	98—101
<i>Шербак А. М.</i> (Ленинград). P. B. Golden. An historico-philological inquiry into the origins of the Khazars	1	103—106

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Алекперов А. К.</i> (Баку). Обсуждение вопросов азербайджанской речевой культуры	3	104—105
---	---	---------

PERSONALIA

<i>Алекперов А. К.</i> (Баку). Елизавета Ивановна Убрятова	5	100—101
<i>Кононов А. Н., Веклов А. П., Гузев В. Г.</i> (Ленинград). Сергей Николаевич Иванов	2	95—97
<i>Кононов А. Н.</i> (Ленинград), <i>Баскиков Н. А.</i> (Москва), <i>Иванов С. Н., Кляшторный С. Г.</i> (Ленинград). Имран Султанович Сендов	6	96—97
<i>Меметов А., Аширбаев С.</i> (Ташкент). Саид Усманович Усманов	2	97—98
<i>М. Н.</i> (Баку). Кямрач Дадаш оглы Мамедов	6	97—98
<i>Соегов М.</i> (Ашхабад). Губайдулла Абдуллаевич Хусайнов	5	101—103
<i>Тачмурадов Т., Соегов М.</i> (Ашхабад). Бяшим Чарыяров	6	95—96
<i>Юлдашев В.</i> (Самарканд). Вахид Абдуллаевич Абдуллаев	5	99—100

№ Стр.

ХРОНИКА

Алиев К. (Баку). Институту литературы им. Низами Академии наук Азербайджанской ССР — пятьдесят лет	6	99—100
Благова Г. Ф. (Москва). Восьмое пленарное заседание Советского комитета тюркологов	2	99—109
Будагов Б. А., Мамедов Н. Г. (Баку). Научная конференция по изучению топонимии Азербайджана	3	106—108
«Великая Отечественная война и азербайджанская советская поэзия»	6	102
«Взаимодействие азербайджанского языка с другими языками на территории Азербайджанской ССР»	6	103
Гаджиев А. А. (Баку). «Интернациональные связи азербайджанской литературы»	6	100—101
Гулиев А. Г., Куранян А. А. (Баку). Ценная работа по тюркологии «Семанτικο-стилистические особенности формообразующих морфем имени существительного в узбекском языке»	3	108—109
«Синтаксис диалектов и говоров азербайджанского языка	6	101
«Формирование и развитие островных языков и диалектов»	1	107
«Формирование и развитие технической терминологии узбекского языка»	5	104
«Функциональное развитие и нормализация чувашского литературного языка в советскую эпоху»	5	105
	6	102—103

НЕКРОЛОГИ

<u>Кудайбергенов Сарыбай Молдобаевич</u>	5	106—107
<u>Тахмасиб Мамедгусейн Аббаскулу оглы</u>	5	107—108

СОДЕРЖАНИЕ

К 60-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

Итоги, проблемы и задачи тюркского языкознания	3
<i>М. З. Закиев</i> (Казань). Тюркские языки в семье единой	28
<i>М. Ш. Ширалиев</i> (Баку). Азербайджанское языкознание на современном этапе	39
<i>И. Х. Ахматов, Э. Х. Толгуров</i> (Нальчик). Итоги и перспективы развития кара-чаево-балкарской филологии	44

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

<i>Л. К. Байрамова</i> (Казань). Тюркские кальки и голукальки фразеологизмов произведений В. И. Ленина	50
--	----

ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

<i>Н. Дж. Мамедов</i> (Баку). Литературно-критические взгляды М. Ф. Ахундова	56
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

<i>Н. И. Егоров, Л. П. Петров</i> (Чебоксары). Этимология некоторых чувашских орнитонимов	64
<i>Т. Сайрамбаев</i> (Алма-Ата). Роль вспомогательных слов в образовании сложных словосочетаний	77
<i>М. Р. Федотов</i> (Чебоксары). Записка Н. И. Ашмарина об издании чувашских текстов	80

РЕЦЕНЗИИ

<i>Б. Чарьяров, С. Атаниязов</i> (Ашхабад). О. Назаров. Түркмен дилинде рус алынма сөзлери	83
<i>С. Г. Мехтиева</i> (Баку). Әлиса Шүкүров. Азәрбајҹан дилинин тарихи грамматикасы	85
<i>Е. З. Кажибеков</i> (Алма-Ата). Рабига Сыздыкова. Сөздәр сөйләйді	87
<i>М. М. Мусаев</i> (Баку). З. Н. Вердијева, Ф. J. Вејсәлов, Ф. М. Агајеза. Экспериментал фонетика	91
<i>В. Асланов, К. Абдуллаев</i> (Баку). Тофиг Һачыјев. Сабир: гајнаглар ва сәләфләр	93

PERSONALIA

<i>Т. Тачмурадов, М. Соегов</i> (Ашхабад). Бяллим Чарыярэв	95
<i>А. Н. Кононов</i> (Ленинград), <i>Н. А. Баскаков</i> (Москва), <i>С. Н. Иваиов, С. Г. Кляшторный</i> (Ленинград). Имран Султанович Сеидов	96
<i>Н. М.</i> (Баку). Кямран Дадаш оглы Мамедов	97

ХРОНИКА

<i>К. Алиев</i> (Баку). Институту литературы им. Низамы Академии наук Азербайджанской ССР — пятьдесят лет	99
<i>А. А. Гаджиев</i> (Баку). «Интернациональные связи азербайджанской литературы»	100
«Семантико-стилистические особенности формообразующих морфем имени существительного в узбекском языке»	101
«Великая Отечественная война и азербайджанская советская поэзия»	102
«Функциональное развитие и нормализация чувашского литературного языка в советскую эпоху»	102
«Взаимодействие азербайджанского языка с другими языками на территории Азербайджанской ССР»	103
Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1982 году (№№ 1—6)	104

CONTENTS

THE 60-th ANNIVERSARY OF THE USSR

Results, problems and tasks of the Turkic linguistics	3
<i>M. Z. Zakiyev</i> (Kazan). Turkic languages in the family united	28
<i>M. Sh. Shiraliyev</i> (Baku). Azerbaijan linguistics at the present stage	39
<i>I. Kh. Akhmatov, Z. Kh. Tolgurov</i> (Nakhik). Results and prospects for developing of the Karachai-Balkarian philology	44

LANGUAGES IN CONTACT

<i>L. K. Bajramova</i> (Kazan). Turkic calque and semicalque of frazeologisms in the works of V. I. Lenin	50
---	----

PROBLEMS OF LITERARY CRITICS

<i>N. Dzsh. Mamedov</i> (Baku). Literary and critical views of M. F. Akhundov	56
---	----

REPORTS, SURVEYS

<i>N. I. Yegorov, L. P. Petrov</i> (Cheboksari). Etymology of some Chuvash ornitonyms	64
<i>T. Sayrambayev</i> (Alma-Ata). Role of auxiliary words in the formation of compound word combination	77
<i>M. R. Fedotov</i> (Cheboksari). Some remarks by N. I. Ashmarin about publication of Chuvash texts	80

REVIEWS

<i>B. Charuyarov, S. Ataniyazov</i> (Ashkhabad). О. Назаров. Түркмен дилинде рус алынма сөзлери	83
<i>S. Mekhtiyeva</i> (Baku). Әлжса Шүкүров. Азербайжан дилинин тарихи грамматикасы	85

<i>E. Z. Kazhibekov</i> (Alma-Ata). Рәбиға Сыздыкова. Сөздәр сөйлейдi	87
<i>M. M. Musayev</i> (Baku). З. Н. Вердијева, Ф. J. Вејсалов, Ф. М. Агајева. Експериментал фонетика	91
<i>V. Aslanov, K. Abdullayev</i> (Baku). Тофиг Иачыјев. Сабир: гајнаглар вә сәләфләр	93

PERSONALIA

<i>T. Tachmuradov, M. Soegov</i> (Ashkhabad). Биашим Чаруяров	95
<i>A. N. Kononov</i> (Leningrad), <i>N. A. Baskakov</i> (Moscow), <i>S. N. Ivanov, S. G. Klishturny</i> (Leningrad). Imran Sultanovich Seidov	96
<i>N. M.</i> (Baku). Kiamran Dadash ogly Mamedov	97

CHRONICLE

<i>K. Aliyev</i> (Baku). The Nizami Institute of Literature of the Academy of Sciences of Azerbaijan SSR — Fifty years of foundation	99
<i>A. A. Gadzhiyev</i> (Baku). «International relations of Azerbaijan literature»	100
«Semantical-stilistic peculiarity of noun forming morphems in Uzbek»	101
«Great Patriotic war and Azerbaijan Soviet poetry»	102
«Functional development and normalization of Chuvash literary language in Soviet age»	102
«Interaction of Azerbaijan language with the other languages on territory of Azerbaijan SSR»	103
References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1982 (№№ 1—6)	104

© «Советская тюркология» 1982 г.

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются.

Корректоры *Ф. М. Ханбабаева, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 24.12.82 г. Подписано к печати 1.3.83 г. ФГ 16104. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Тип. 1. Гарнитур литературный корпус. Офсетная печать. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Уч. изд. л. 9,4. Заказ 9342. Тираж 2590. Цена 1 руб. 10 коп.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал.

137-50

1 р. 10 к.

ISSN 0131-677X

Индекс
70927